

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «УЧЕБНИКИ НГТУ»**

д-р техн. наук, проф. (председатель) *Н. В. Пустовой*
канд. техн. наук, проф. (зам. председателя) *Ю. А. Афанасьев*
д-р. техн. наук, проф. *А. Г. Вострецов*
д-р. техн. наук, проф. *В. В. Губарев*
д-р. техн. наук, проф. *В. А. Гридчин*
д-р. техн. наук, проф. *В. И. Денисов*
д-р. экон. наук, проф. *К. Т. Джурабаев*
д-р. филос. наук, проф. *В. И. Игнатьев*
д-р. техн. наук, проф. *К. П. Кадомская*
д-р. филос. наук, проф. *В. В. Крюков*
д-р. физ.-мат. наук, проф. *А. К. Дмитриев*
д-р. физ.-мат. наук, проф. *Х. М. Рахимьянов*
д-р. техн. наук, проф. *Ю. Г. Соловейчик*
д-р. техн. наук, проф. *А. А. Спектор*
д-р. техн. наук, проф. *А. И. Шалин*
д-р. техн. наук, проф. *А. Ф. Шевченко*
д-р. техн. наук, проф. *Г. М. Шумский*

ФИЛОСОФИЯ

для студентов технических вузов

НОВОСИБИРСК
2006

УДК 101(075.8)

ББК 87я73

Ф 561

Авторы:

Т. О. Бажутина, д-р филос. наук, проф. (гл. 5); *В. Я. Буторин*, канд. филос. наук, доц. (гл. 2: западная философия; гл. 8); *Н. И. Завьялова*, канд. филос. наук, доц. (гл. 7); *И. Я. Копылов*, д-р филос. наук, проф. (гл. 2: немецкая классика, марксизм; гл. 9: проблема сознания); *В. В. Крюков*, д-р филос. наук, проф. (вступ. слово; гл. 1; гл. 9: ценностный аспект человеч. существования; социализация индивида; глоссарий; алфавитный указатель имён; заключит. слово); *С. К. Сергеев*, канд. филос. наук, проф. (гл. 4); *О. С. Разумовский*, д-р филос. наук, проф. (гл. 6); *И. Г. Тимошенко*, д-р филос. наук, доц. (гл. 9: человек в сферах бытия).

Рецензент *А. А. Погорадзе*, д-р филос. наук, проф.

Ответ. редактор *В. В. Крюков*, д-р филос. наук, профессор

Ф 561 **Философия** : Учеб. для студентов технических вузов / Ответ. ред. В. В. Крюков. — 2-е перераб. и доп. изд. — Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2006. — 308 с. (Серия «Учебники НГТУ»).

ISBN 5-7782-0743-3

В учебнике на основе новейших достижений естествознания и обществоведения популярно изложен курс философии в современном ее понимании. В текст включены очерки по истории философии. Представлены оригинальные версии диалектической логики, философии природы, философии человека. Большое внимание уделено специфическим для технических вузов разделам теории познания, методологии науки и философии техники.

Адресован студентам технических специальностей, а также всем, кто интересуется философией.

В оформлении использованы фрагмент фрески Рафаэля «Афинская школа» и изображение греческой богини мудрости Афины Паллады, которую Гомер называл «своокой».

УДК 101(075.8)

ББК 87я73

ISBN 5-7782-0743-3

© Коллектив авторов, 2006

© Новосибирский государственный
технический университет, 2006

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Писать учебник по философии – задача не вполне обычная для преподавателя, поскольку философия – это особенное знание, которое не сводится к сумме теоретических положений так, чтобы их можно было бы перенести из одной головы в другую в готовом виде, просто выучить и запомнить. Философия – это движущаяся и развивающаяся мысль, в которой нет установленных каким-либо стандартом, даже Государственным, образцов; нет шаблонов, которые можно было бы бездумно применять, и они годились бы на все случаи жизни. Все, что можно свести к такому набору шаблонов и стереотипов, к сумме готовых и законченных знаний, ответов на задачки в конце книжки – все это не характерно для философии. В этом смысле само написание учебника, в котором излагаются определенные законченные сведения и положения о философских концепциях, законах и категориях, – не вполне соответствует специфике философского знания.

Вот в такой непростой ситуации находились авторы данной работы, приступая к созданию этой книги. С одной стороны, учебник должен сообщать о сложившихся и устоявшихся категориях философского мышления, о традициях и тенденциях философской мысли, с другой – он неизбежно будет порождать иллюзии о том, что философию можно *выучить* подобно физике или математике, а не *понять, проникнуться ее идеями*.

Авторы тем не менее пытались показать, что философские истины вполне доступны человеку, стремящемуся размышлять о том, что происходит с ним и вокруг него, желающему понять самого себя, свое место в мире вещей и людей, т. е. человеку, которого мучают вечные вопросы своего бытия, который сомневается и ищет неочевидные смыслы жизненных знаков.

Данный учебник – это попытка установить точку зрения, согласно которой философия должна не передавать знания, а будить в человеке его душу: размышления о философских проблемах могут дать человеку состояние глубокого озарения, зажечь огонь понимания, и благодаря этому огню может произойти возрождение человека в новом – духовном и просветленном качестве. Мы искренне солидарны со знаменитым афоризмом о том, что ученик – это не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно зажечь!

Авторам показалось дидактически важным включить в текст четыре основных блока философских проблем: философию природы, философию общества, философию человека и, поскольку учебник ориентирован на студентов технических вузов, – философию техники. В то же время, считая предметом философии мировоззрение вообще и научное мировоззрение в частности, мы включили в содержание работы очерки по истории философии и главы, посвященные проблемам теории познания, методам мышления и опытного исследования.

В добрый путь, дорогие друзья! Читайте, задавайте вопросы и ищите на них ответы.

Настоящее издание представляет собой основательно переработанный и дополненный, а также заново отредактированный вариант учебника «Философия: Учебник для студентов технических вузов / И. Я. Копылов, В. В. Крюков, Г. А. Антипов и др. / под ред. И. Я. Копылова, В. В. Крюкова. – М.: ИНФРА-М; Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2002. – 256 с. (Серия «Высшее образование»), который занял призовое место на Всероссийском конкурсе учебников и учебных пособий для технических вузов в Ростове-на-Дону (2000 г.) и получил грант на издание и гриф Министерства образования Российской Федерации.

Текст учебника составлен на основании ТРЕБОВАНИЙ (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ) к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки БАКАЛАВРА и ДИПЛОМИРОВАННОГО СПЕЦИАЛИСТА по циклу «Общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины» в государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования второго поколения.

Глава 1

ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ

Мудрость. Слово *философия** впервые произнес великий мыслитель Древней Греции – Пифагор**. К нему обратился один из его учеников со словами: «О, *sophicos!*», т. е. «мудрец», и тогда фагор ответил: «Я не мудрец, я лишь любитель мудрости. Все могут знать одни Боги. Я только стремлюсь к этому».

Давайте порассуждаем: а что же такое *мудрость*? Есть такая житейская формула: многознание уму не научает. Много ума или мало – не в этом суть, а в том, хороший ум или плохой. Тогда подумаем, какой же ум можно считать хорошим? Известны две любопытных истории на эту тему.

В Древней Греции был великий мыслитель по имени Сократ. И вот однажды спросили у знаменитого Оракула в храме Аполлона в городе Дельфы: кто мудрейший из эллинов? И дельфийский Оракул, который всегда отвечал весьма уклончиво, на этот раз совершенно определенно ответил: мудрейший из эллинов – Сократ. Пришли к Сократу и передали ему слова Оракула. На это Сократ пожал плечами и сказал: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Помолчал и добавил: «Но остальные не знают и этого».

Был также в Древней Греции знаменитый философ Диоген из города Синопы. Он был настолько знаменит, что поговорить с ним приехал великий полководец Александр Македонский, который был настолько восхищен умом Диогена, что воскликнул: «Я великий Александр. Я могу выполнить любое твое желание. Проси всего, чего ты хочешь».

* Толкования основных философских понятий даны после основного текста учебника (см. глоссарий).

** Краткие биографические сведения о лицах (более 140), упоминаемых в издании, помещены в конце учебника (см. алфавитный указатель имен).

На это Диоген ответил: «Отодвинься в сторону, ты заслоняешь мне солнце». И тогда Александр сказал: «Если бы я не был великим Александром, я бы хотел быть Диогеном».

Так вот, однажды к Диогену обратился философ-софист Антисфен с такими словами: «Послушай, Диоген! Если ты мудрейший из нас, то почему ты больше всех задаешь вопросов?» В ответ Диоген взял прутик и нарисовал на песке диаграмму. Изобразив маленький круг, он произнес: «Вот ваши знания». Затем описал вокруг этого круга большой круг и сказал: «А вот мои знания. А теперь посмотрите, у кого из нас больше граница с неизвестным». В этом и состоит парадокс Диогена: чем больше мы знаем, тем больше мы убеждаемся в собственном невежестве.

Для того чтобы определить качество интеллекта, можно предложить такое понятие, как *склад ума*. Начнем с обычного склада как помещения, в котором хранят разные вещи. В одном случае это может быть темный чулан или заброшенный чердак, где как попало сброшен в кучу всякий хлам, и когда нам что-нибудь понадобится, мы можем долго рыться в своем барахле, выбиваясь из сил и не достигая успеха. В другом случае это будет светлая комната, где все вещи разложены по полочкам, каждая на своем месте, снабжена бирочкой, занесена в каталог, и когда в ней возникнет нужда, мы найдем ее легко и быстро и пустим в дело. Так и в голове можно иметь либо темный чулан, либо светлую комнату. Значит мудрость – это *светлый, упорядоченный, хорошо организованный ум*, который можно эффективно использовать и в работе, и в жизни.

Мировоззрение. Мировоззрение – необходимая часть духовной культуры общества, внутреннего мира каждой человеческой личности. Разнородные области знаний, убеждений, мыслей, образов, идеалов, чувств и настроений, стремлений и надежд, соединяясь в целостной картине окружающей действительности, предстают как более или менее разработанное, упорядоченное или хаотичное, верное или иллюзорное понимание людьми мира в целом, его частей и состояний; как осознание человеком самого себя и своего места в мире, как память о прошлом, видение настоящего и предвосхищение будущего.

В состав мировоззрения входят и играют в нем каждые свою специфическую роль повседневные впечатления, обыденные или житейские практические знания, профессиональные умения, глубокие научные истины. Все эти компоненты составляют жизненный опыт как от-

дельного человека, так и некоторой общности людей – группы или массы, и чем солиднее, чем богаче содержанием этот жизненный опыт, тем более прочную опору получает деятельность личности и общества.

Однако знания никогда не заполняют собой все поле мировоззрения. Кроме знаний о мире и самом человеке как его элементе в мировоззрении осмысливается весь уклад человеческой жизни, выражаются определенные системы ценностных ориентаций – суждения о добре и зле, благе и справедливости, красоте и уродстве, дружбе и вражде, любви и ненависти и т. п. Здесь создаются образы прошлого и конструируются проекты будущего, получают одобрение или осуждение различные мотивы и способы поведения и всей жизни в целом.

Вообще программы действий, направленность поступков людей имеют под собой две опоры: знания и ценности, которые во многом противоположны по своей сути и вместе с тем дополняют друг друга как две стороны одной монеты. Познанием движет стремление к истине, к правильному и точному воспроизведению существенных черт и объективного содержания реальной действительности. Ценностное сознание имеет другой смысл. Оно воплощает в себе отношение людей ко всему существующему и происходящему с собственно человеческой точки зрения субъективно, т. е. в соответствии с их потребностями, интересами, целями, тем или иным пониманием смысла их собственной жизни. Представление о мире в ценностном аспекте – это человеческое измерение многообразных фрагментов действительности.

При всей их разнородности познавательный и ценностный способы освоения мира человеческим сознанием и практическим действием должны быть гармонизированы, приведены в согласие. Необходимо также, чтобы было достигнуто напряженное единство других полюсов в содержании мировоззрения: чувств и разума, понимания и действия, веры и сомнения, теоретического и практического опыта людей, осмысления прошлого и предвидения будущего. Их гармоничное сочетание всегда есть результат сложной, долгой и порой мучительной духовной работы, призванной тем не менее обеспечить цельность и связанность человеческого опыта и дать ему надежные ориентиры в настоящей и предстоящей жизни.

Мировоззрение способно раздвигать узкие рамки повседневности, конкретных места и времени. Оно позволяет соотносить опыт каждого данного человека с опытом других людей, включая и тех, которые жили раньше и даже в далеком прошлом. В мировоззрении накапливается

и уясняется смысловое содержание человеческой жизни, все новые поколения людей приобщаются к духовному миру далеких предков, дедов и отцов, ближних и дальних современников, что-то при этом бережно храня, а от чего-то решительно отказываясь.

Итак: *мировоззрение есть целостная совокупность знаний, представлений, суждений, оценок и принципов, определяющих самое общее видение и понимание мира, места в нем человека, и вместе с тем формирующее жизненные позиции, структуры поведения и программы деятельности людей. В мировоззрении в обобщенном виде представлены познавательная, ценностная и поведенческая стороны человеческого существования.*

В различных формах мировоззрения по-разному представлен чувственный, житейский и интеллектуальный опыт людей. Эмоционально-психологическую сторону мировоззрения в виде настроений, чувств, переживаний представляет *мироощущение*. Опыт создания наглядных образов в диапазоне от зрительных или звуковых картин до условных схем, чертежей и диаграмм относят к *мировосприятию*. Наконец выражение содержания мировоззрения в форме абстрактных понятий, символических формул, интеллектуальных моделей составляет *миропонимание*.

Чувственная сторона духовного мира человека – неперменный элемент мировоззрения. Ярким примером возвышенных мировоззренческих эмоций могут служить знаменитые слова великого немецкого философа XIX века Иммануила Канта: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее я размышляю о них: это звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

Новое значение приобретают в составе мировоззрения знания. Срастаясь со всей совокупностью взглядов, представлений, переживаний, они становятся в конечном счете больше чем просто знания, превращаясь в познавательные убеждения, т. е. глубоко укорененные в нашем интеллекте продуманные, обоснованные, личные позиции в трактовке явлений и событий окружающей нас действительности. Силу убеждения приобретают также нравственные, правовые, политические, религиозные, эстетические ценности, нормы и идеалы. В сочетании с волей они становятся основой жизненного поведения и практического действия.

Существенная характеристика перехода знаний и представлений в убеждения – это все возрастающая степень доверия к их содержанию, к их глубокому смыслу. Диапазон человеческой уверенности и веры широк. Он простирается от жизненной, практической несомненности или очевидности, т. е. целиком рассудочной позиции, до религиозных верований, пусть необоснованных и непроверенных, но все же систематизированных и освященных высоким авторитетом Бога и церкви, заветом предков; а также вплоть до легкого принятия одиозных басен и нелепых вымыслов, что свойственно массовому сознанию примитивного уровня, когда люди, не желая тратить силы на формирование грамотного мировоззрения, оказываются в плену самых невежественных представлений и суеверий.

Ведущая роль убеждений в составе мировоззрения не исключает положений, принимаемых с меньшей уверенностью или даже с недоверием. Сомнение вообще есть признак самостоятельной, осмысленной работы в области мировоззрения. Фанатичное, слепое принятие той или иной мировоззренческой доктрины, духовное срастание с ней без внутренней критичности называют *догматизмом*. Другая крайность – это неверие ни во что, сомнение в истинности знаний, правоте идеалов, достоинстве целей. Эту позицию называют *скептицизмом* и *нигилизмом* (от лат. nihil – ничто).

В мировоззрении различают также по степени глубины, продуманности, обоснованности, логической последовательности, интеллектуальной силы аргументов, яркой образности повседневно-практический и теоретический уровни.

Мировоззрение, выраженное в его обыденных, расхожих, массовых проявлениях, в повседневных формах, содержит в себе не только богатую «память веков», убедительный жизненный опыт, традиции, веру и сомнения, но и множество заблуждений и предрассудков.

Житейское толкование в его повседневных формах имеет стихийный характер, оно хаотично, не отличается сколько-нибудь глубокой продуманностью, систематичностью, обоснованностью. Вот почему на этом уровне не всегда выдерживается логика, эмоции могут в критических ситуациях затмить разум, обнаруживая дефицит здравого смысла. Повседневное мышление сиюминутно и приземленно, оно пасует перед проблемами, требующими серьезных знаний, культуры мыслей и чувств, понимания важных ценностей и стремления к высоким идеалам.

Эти недостатки преодолеваются на теоретическом уровне мировоззрения, когда человек подходит к миру с позиций разума, действует опираясь на логику, обосновывая свои утверждения и выводы, согласовывая их с наукой и практикой, вписывая их в контекст исторической традиции и современности. На профессиональной основе этим занимается философия.

Содержание мировоззрения. В философской картине мира с необходимостью должны быть представлены четыре основных элемента, четыре *предмета* осмысления действительности. Это *Природа, Бог, Общество и Человек*. Они различаются между собой специфическим для каждого из них способом существования, особенностью их представленности в бытии мира.

Так, природа – это все то, что существует само по себе, спонтанно, стихийным образом. Это та часть реальности, которая никем не сотворена, которой никто не управляет и в которую никто не вмешивается. Прекрасно выразил сущность природы древнегреческий философ Гераклит из Эфеса: «Мир, единый из всего, не создан никем из богов и людей, а был, есть и вечно пребудет живым огнем, мерами возгорающимся и мерами затухающим». Природе присущ *естественный* способ существования в том смысле, что она просто *есть*, и это обстоятельство мы вынуждены признавать – нравится нам это или нет – как непреложный факт.

Бог в таком случае – это понятие, за которым стоит представление о потустороннем мире, о мистических существах: ангелах и архангелах, серафимах и херувимах, чертях и дьяволах, духах и призраках. Сюда относят все, имеющее *чудесный* характер: колдовство, превращения, перемещения в «мгновенье» ока. Сам Бог есть существо вечное, вездесущее, всемогущее, всеведущее, всеблагое, т. е. полный предел существования, и способ его существования – *сверхъестественный*, т. е. противоположный природному.

Общество, социальная система состоит из таких элементов, как люди, вещи, знаки, институты или учреждения, которые в «дикой» природе не встречаются и не могут возникнуть спонтанно, сами собой. Все они созданы в процессе деятельности людей, сотворены ими. Однако это сотворение не есть чудо, в котором явно нарушаются законы природы. Продукты человеческой деятельности своим существованием не противоречат законам природы, не нарушают их, но и не вытекают из действия этих законов. Для явлений социальной действитель-

ности характерен *искусственный* способ существования. Это значит, что сама природа такие объекты создать не может: булки хлеба не растут на деревьях, овцы не стригут себя сами и не вяжут кофты и свитера, глина не выкапывается сама собой из земли, не формуется в кирпичи, не обжигается в печах и не складывается в стены домов и так далее. Скажем, река Обь – это естественный фрагмент реальности, а вот мост через нее – искусственное сооружение, не объект *натуры*, а предмет *культуры*.

Наконец, человек занимает особое место в составе действительного мира. Его нельзя отнести к природе, хотя в нем есть природное начало: как всякое живое существо он рождается и умирает, дышит, питается, болеет и старится в полном соответствии с законами биологии.

Вместе с тем в человеке есть такие качества, которые не заложены в его генотипе, не передаются по наследству, а формируются только и исключительно в социальной среде. Это способность к труду, к общению, владение речью, целенаправленный характер деятельности, смысловая память, воображение и фантазия, предвидение следствий своих действий, т. е. все то, что делает его представителем вида *homo sapiens* – «человек разумный».

В человеке есть также и божественные качества, а именно: способность к творчеству, к созданию нового, оригинального, т. е. такого, чего не было до него, не может возникнуть без него и что не может без постоянной опеки человека существовать. Иначе говоря, человек есть созидатель и демиург, управитель части, а потенциально – и всей реальности и в том толковании, что он есть образ и подобие Божие на Земле, и в том, что образ Бога есть идеальное выражение человеческой сущности или предел, асимптота человеческого существования как горизонт, к которому человек стремится в своем нынешнем и особенно будущем бытии.

Выдающийся философ XX века, создатель философской антропологии (греч. *anthropos* – человек, *logos* – учение) Макс Шелер определил человека как «*эксцентрическое существо*» в том смысле, что человека нельзя однозначно отнести к какому-то центру – природному, социальному или божественному. Поэтому способ существования человека – *синтетический*, комбинированный. Человек универсален и в определенном смысле он есть пересечение, фокус и смысловой центр существования. Поняв человека, мы постигнем тем самым всю глубину бытия, вот только может статься, что глубина эта бездонна.

Формы мировоззрения. В истории духовной культуры общества имели место следующие основные формы мировоззрения: *мифология, религия, наука и философия*.

Мифология – самая древняя форма мировоззрения. Она возникла в незапамятные времена и представляла собой синкретичную, т. е. целостную, нерасчлененную эмоциональную и рациональную, теоретическую и практическую, реалистическую и фантастическую картину действительности. В мифах причудливо переплетались предания старины, правдивые повествования об исторических событиях, путешествиях в другие страны, происхождении ремесел, наблюдения за природой, а вместе с тем и вымышленные рассказы о богах и героях, волшебных вещах и явлениях, чудесных превращениях, удивительных существах.

В мифах бессмертные боги вмешивались в дела людей, помогали им или вредили, ссорились и мирились, любили и рожали детей, в том числе и от людей. Вся природа была населена одухотворенными и человекоподобными существами: в реках и озерах плескались нимфы у греков, наяды – у римлян, русалки – у славян; в лесах жили дриады, или лешие; в болотах – кикиморы; в омутах – водяные. Силы природы олицетворялись. Грозами и молниями ведал бог Зевс у греков, Юпитер – у римлян, Перун – у славян. Богом солнца был Гелиос или Ярило; морями и океаном правил Посейдон, или Нептун; под землей было царство Аида, или Плутона.

Мифологическое мировоззрение было *художественным*, т. е. выражалось как мировосприятие через чувственные наглядные образы: литературный сюжет, живописное изображение, скульптурное изваяние. Оно было также *антропоморфным*, т. е. очеловеченным представлением действительности. Боги были не просто похожи на людей внешне; к ним обращались так же как к своим соплеменникам с мольбами или угрозами, их пытались задобрить подношениями или же наказывали розгами их изображения за невыполненные поручения. Пантеон богов представлял собой точное воспроизведение родовой семьи: патриарх во главе, а вокруг него жены, дети, многочисленная родня в различных поколениях.

Религия в своих зародышевых формах появилась также в глубокой древности в виде *анимизма* – одушевления живых и неживых существ и предметов окружающего мира; *тотемизма* – поклонения своим животным предкам; *фетишизма* – наделения волшебными свойствами

различных вещей и явлений; *магии* – веры в способность человека с помощью ритуальных действий влиять на других людей, на животных и природные силы и даже на богов и духов. Как разновидности магии существовали колдовство, ведовство, шаманство, знахарство и тому подобное.

Как самостоятельная форма мировоззрения религия формируется в период разложения родового общества и становления цивилизаций, когда появляются мировые религии, такие как иудаизм, христианство, ислам, буддизм. Эти религии основаны на принципе монотеизма, т. е. единобожия, и персона Бога приобретает в них принципиально новое понимание. Бог – это творец всего сущего, demiург и вседержитель, существо не от мира сего, трансцендентная, т. е. потусторонняя сущность, абсолютное совершенство, стоящее вне и над природой, обществом, человеком. В мировоззренческой форме достигает полноты основная характеристика религии: вера в сверхъестественное.

Наука, подобно религии, формируется как мировоззрение на основе содержания мифологии. Но если религия концентрирует в себе фантастические элементы мифов и придает им сакральный, священный характер, то наука вбирает в свое содержание реалистические элементы мифов, представляющие собой накопленный и зафиксированный в знаниях, т. е. в знаковых моделях и прежде всего в языке, опыт практической деятельности людей по освоению и преобразованию окружающей их природной и социальной среды.

Наблюдения за климатом, сменой сезонов года, движением звезд на небе, течением и разливами рек, приливами и отливами морей; использование свойств различных материалов – металлов, дерева, глины, кож, плодов растений и продуктов животных в процессе их обработки и далее в потреблении их как утилитарных ценностей, удовлетворяющих потребности людей и тем самым приносящих пользу, – вот тот материал, из которого начинает строиться научная картина мира.

Философия также возникает в ту эпоху, когда родовое сознание уже не в состоянии выразить духовное содержание культуры бурно развивающегося цивилизованного общества. Причем философия занимает особое место в мировоззренческих построениях: ее нельзя вывести непосредственно из мифов или представить как обобщенный и выраженный в абстрактной форме опыт практической деятельности людей. Так же как к науке, особняком стоит она и по отношению к религии, поскольку стремится дать рациональное, т. е. разумное объясне-

ние действительности, не опираясь на слепую веру и тем более на нелепые суеверия.

Специфика философского знания заключается в том, что это знание имеет *рефлексивный* характер (от лат. *reflectia* – отражение), т. е. это такое знание, в котором главным предметом осмысления становится сам человек. Когда человек размышляет обо всем сущем не отстраненно, а с позиций своего субъективного отношения к природе, обществу и даже Богу; когда человек прежде всего обращает внимание на свои собственные действия с точки зрения именно своих интересов и сквозь призму именно своих человеческих оценок; когда человек стремится представить себе не мир вообще, не мир как таковой, а как *мой* мир, он вступает на поле философии.

Религия и наука находятся в оппозиции друг к другу: это альтернативные и непримиримые формы мировоззрения, и по мере развития человеческого общества в ходе эволюции его духовной культуры пропасть между религией и наукой расширяется и углубляется.

Выдающийся философ XX века Бертран Рассел высказал идею о том, что философия как раз и призвана служить мостом между религией и наукой, она должна осваивать ничейную землю между ними, выстраивать свои теоретические конструкции между областями пылкого воображения и сухого факта, которые дают каждая сама по себе одностороннюю и, следовательно, неполную и недостаточную картину действительности.

Философия, таким образом, является центром, системообразующим ядром мировоззрения, обеспечивающим его целостность и полноту.

Типы философских построений. Классификация философских теорий. Философия существует уже три тысячи лет. В европейской культуре она возникла в конце VII века до нашей эры в Древней Греции. За двадцать шесть веков развития философского мировоззрения были созданы многие десятки философских школ, учений, теорий; сотни выдающихся и великих мыслителей внесли свой оригинальный и неповторимый вклад в копилку философского знания. Как разобратся в многообразии философских построений, различных мировоззренческих идей, альтернативных и нередко противоположных по смыслу и конкурирующих друг с другом философских теорий?

Критерий оценки тех или иных философских позиций предложил в своих «Лекциях по истории философии» великий немецкий философ

XIX века Георг Гегель: определить место той или иной теории можно в соответствии с тем, как она решает проблему *отношения мышления к бытию*. Другой немецкий мыслитель того же века, классик марксистской философии Фридрих Энгельс, в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» назвал эту проблему *основным вопросом философии* и сформулировал ее следующим образом: «Великий основной вопрос всей, и в особенности новейшей философии, есть вопрос о том, что первично: материя или сознание, бытие или мышление, природа или дух?» Еще одна постановка вопроса звучит так: «Создан ли мир Богом, или он существует от века?» Иначе говоря, первичность не сводится к ответу «раньше – позже», а означает начало и причину, основание и сущность.

В соответствии с тем, как философы отвечают на основной вопрос философии, они могут быть отнесены к одному из направлений философской мысли.

Тех, кто считал, что первична материя, природное начало, причислили к *материалистам* в таких сменявшихся одна другую формах, как натуралистический материализм античности; метафизический материализм средневековья, механистический материализм Нового времени и диалектический материализм XIX–XX веков. По имени крупнейшего материалиста Древней Греции материализм называют линией Демокрита в философии.

Тех, кто решал основной вопрос философии в пользу сознания, идеального начала, духовной сущности мира, отнесли к *идеалистам* в таких его формах, как объективный идеализм, утверждавший существование духовной сущности вне человека и природы в виде мирового разума, космической души, абсолютной идеи и тому подобного; и субъективный идеализм, полагавший первичным и в смысле существования, и в смысле познания сознание самого человека. По имени крупнейшего идеалиста Древней Греции идеализм называют линией Платона в философии, а субъективный идеализм связывают с именем его первого представителя – английского философа XVII века Джорджа Беркли.

Основной вопрос философии допускает и двойственный ответ: и материя, и сознание представляют собой изначальные сущности и не могут быть сведены друг к другу. Каждая из них независима и в действительности они занимают равное место. Такая позиция получила наименование *дуализма* и встречалась в истории философии гораздо ре-

же, чем материализм и идеализм, которые, утверждая принцип единства мира, могут быть охарактеризованы как *монизм*, монистическая философия (лат. *monos* – один). Ярким представителем дуализма был французский философ XVII века Рене Декарт.

Возможен также и такой вариант ответа на основной вопрос философии, в котором утверждается наличие множества первоначал, в предельном случае – множества неограниченного. Такое решение получило название *плюрализма* (лат. *pluralis* – множественный) и было предложено один лишь раз за всю историю философии великим немецким мыслителем XVII века Готфридом Лейбницем.

Еще одна проблема, а именно: «*познаваем ли мир?*» способен ли человек правильно и со всей возможной глубиной постигнуть сущность окружающей его действительности?» получила в уже упоминавшейся выше работе Энгельса наименование *второй стороны* основного вопроса философии, поскольку речь идет о взаимосвязи и единстве бытия и мышления. Этот вопрос допускает два ответа: «мир познаваем», и такое решение называют гносеологическим оптимизмом (греч. *gnoseo* – знаю); и «мир непознаваем» – гносеологический пессимизм или *агностицизм*, яркими представителями которого были шотландский философ XVII века Давид Юм и родоначальник немецкой классической философии XIX века Иммануил Кант.

Варианты решения как первой, так и второй стороны основного вопроса философии представляют собой основные типы философских построений, а частные решения в рамках каждого из типов решений составляют дальнейшую классификацию философских теорий.

Эволюция философского знания. Предмет философии изменялся со временем в силу того, что философское знание имеет рефлексивный характер. Оно сосредоточивается на тех идеях, понятиях и переживаниях, которые составляют центр духовной культуры общества в ту или иную историческую эпоху, к которым обращен пристальный интерес людей в определенный период их исторического развития, которые заполняют как сознание отдельных людей, так и общества в целом.

Так, в античную эпоху, с VI века до нашей эры по IV век нашей эры, предметом осмысления была природа, поскольку люди в то время еще не отделяли себя от природы, не противопоставляли себя ей и более того – уподобляли себя природе, полагая, что человек есть микрокосм, т. е. маленькое подобие большого космоса. Природные силы и стихии, устройство земли и неба, события и явления в окружающей

ойкумену – обжитой и освоенный людьми мир – естественной среде: вот что занимало умы древних мыслителей. В натуралистическом мировоззрении античности человек вписан в состав космоса как один из его элементов и понимание космического порядка имеет первостепенное значение. В силу этого обстоятельства философия античной эпохи может быть охарактеризована как *космоцентризм*.

В средние века, с V по XIV век, ориентация философии меняется радикальным образом, поскольку центральное место в духовной культуре общества занимает религия, а философия рефлексировала над содержанием религиозных мировоззренческих доктрин. Теперь ее занимают проблемы сотворения мира, божественного откровения, гармонии веры и разума, цели существования и конца света. Видное место занимает проблема теодицеи – оправдания Бога и поиска источника зла.

Понятно, что центральная фигура религиозного мировоззрения – сам Творец, сущность которого стремятся постигнуть как силой ума, так и путем сверхчувственной интуиции, когда обладающему глубокой и искренней верой человеку божественное Провидение приоткрывает завесу тайны бытия. В связи с ориентацией на постижение Бога и Его сакральной воли средневековая философия предстает перед нами как *теоцентризм* (греч. theos – Бог).

Следующая эпоха – Возрождение, XV–XVI века – выдвигает на ведущую роль в общественной жизни другую форму духовной культуры, а именно *искусство*. Ренессанс, эпоха Возрождения, становится временем гениального творчества великих мастеров живописи и музыки, поэзии и прозы, ваяния и зодчества. По всем странам Европы прошло движение гуманистов (лат. humanum – человек), внушая всеми средствами искусства уважение к достоинству человека, провозглашая самоценность человеческой жизни.

Человек-художник, человек-мастер, человек-творец – он чуть ли не равняется с самим господом Богом и уж во всяком случае как образ и подобие Божие на земле человек обладает свободой воли и поэтому сам становится хозяином своей судьбы и несет ответственность за свои прошлые деяния и грядущие последствия. Такое направление мировоззренческой мысли называется *антропоцентризм* (греч. anthropos – человек).

Эпоха Просвещения охватывает XVII–XVIII века и характерна бурным развитием науки, которая после философских манифестов

Френсиса Бэкона приобретает опытный, экспериментальный характер и превращается из умозрительной и спекулятивной схоластики, университетского школярства в науку в современном понимании этого слова, т. е. в профессиональную познавательную деятельность.

Академические ученые сообщества, книгопечатание и появление массовой прессы, распространение грамотности от светских салонов до городских и даже сельских низов – таковы приметы времени. Выдающиеся ученые, фундаментальные теории в естествознании, поразительные открытия в исследовании живой и неживой природы – вот достижения эпохи. Само слово «просвещение» означает борьбу света разума против тьмы невежества, света науки против религиозного мракобесия. Рефлексия над наукой приводит философию к тому, что она выступает как *гносеоцентризм* (греч. *gnosis* – знание).

В XIX веке наступает эпоха классицизма. Классические, т. е. образцовые, служащие примером и предметом изучения и подражания, законченные и совершенные творения – это идеал позапрошлого века. В этот период создаются классические теории в науке, появляются классические литература, живопись, музыка. В России, к примеру, это время Лобачевского и Менделеева, поэтов и прозаиков пушкинской словесности, художников-передвижников, композиторов «Могучей кучки».

Век девятнадцатый – это время наполеоновских войн, бурных и кровавых революций от декабристов до Парижской Коммуны, глубоких социальных реформ. Исторический процесс стал не просто заметным – он обрел характер бурной публичной жизни и состояние общества, юридические и социальные проблемы выводят на первые роли в науке, публицистике и даже искусстве обществоведение на смену естествознанию. Философия отображает новый фокус общественного внимания и выступает как *социоцентризм* (греч. *socium* – общество).

Наконец, современная эпоха, XX век, – это время крупнейших социальных революций, имевших мировое значение; время мировых войн, вовлекших в трагедию самоистребления большую часть человечества; время всемирных организаций, таких как Лига Наций и ООН, призванных содействовать международному сотрудничеству; время создания крупнейших региональных союзов наднационального характера в Европе, Северной Америке, Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Двадцатый век – это век глобализации общественной жизни, когда многие процессы от сфер экологии и демографии до областей эконо-

мики и политики приобретают общепланетный масштаб. Оружие массового уничтожения, спутниковые системы связи, транснациональные корпорации, информационная сеть Internet составили первые несущие конструкции единого человечества. В этих условиях исключительную роль начинают играть политика, управленческие технологии, формирование общественного мнения, культивирование массовой психологии и идеологии.

Философия реагирует на духовные новации эпохи выделением из своего предмета специальной дисциплины – политологии, для которой характерно обостренное внимание к социальной проблематике, и в силу этого она сама выступает на этом этапе развития своего предмета как *политоцентризм* (греч. polis – город, государство).

Какой будет философия в XXI веке? Обратится ли она вновь к идеям гуманизма? Скатится ли к мистицизму или религиозному обскурантизму? Уйдет ли в сухой и педантичный сциентизм? Вновь заразится скепсисом и иррационализмом? Ответ на эти вопросы даст время, а направление эволюции философского знания определит вектор развития духовной культуры общества, потому что философия есть лишь зеркало этой культуры и эхо ее основного мотива.

К Контрольные вопросы

1. Что такое мировоззрение?
2. Какой способ существования присущ природе?
3. Какой способ существования присущ обществу?
4. Какой способ существования присущ Богу?
5. Какой способ существования присущ человеку?
6. Что стало причиной замены мифологии новыми формами идеологии?
7. Какова закономерность эволюции философского знания?

К Задания для самостоятельной работы

1. Проиллюстрируйте целостный характер мифа.
2. Найдите примеры современной мифологии.
3. Покажите общность и различие философии и религии.
4. Покажите общность и различие философии и науки.
5. Покажите общность и различие философии и искусства.
6. Определите рефлексивную специфику философского знания.

К Литература

1. *Бородай Ю.М.* От фантазии к реальности. – М., 1995.
2. *Мамардашвили М.К.* Как я вижу философию. – М., 1988.
3. *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия. – М., 1991.
4. *Пассмор Дж.* Сто лет философии. – М., 1998.
5. *Печчеи А.* Человеческие качества. – М., 1986.
6. *Рассел Б.* Проблемы философии. – М., 2000.
7. *Сагатовский В.Н.* Вселенная философа. – М., 1972.

Глава 2

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Ф*илософия Древней Греции.* Прежде чем приступить к характеристике древнегреческой философии, следует показать ее отличие от древневосточной философии.

1. Восточная философия развивалась главным образом в лоне религии. Античная философия сразу заняла по отношению к религии резко обособленную позицию.

2. Восточная философия тяготела, как правило, к морально-этическому направлению, к поучениям и наставлениям праведной жизни; античная же – к рационалистическому объяснению мира.

3. Поэтому точное, эмпирическое знание на Востоке развивается, как правило, вне философских теорий; в Древней Греции точные науки неотделимы от философии, зарождаются и развиваются вместе с ней. Греческий способ мышления сочетает высокий уровень теоретичности с логико-математической строгостью доказательств, ранний греческий философ – одновременно и астроном, и математик, и физик.

4. Основная социальная функция научного знания на Востоке – организационно-управленческая (воспитать послушного и трудолюбивого члена общества) или технологическая (инженерные сооружения и изобретения). Античность создала такую систему знаний, которая не имела столь утилитарного, прикладного значения.

5. Иначе говоря, наука на Востоке служила управленческой бюрократии и носила организованный и коллективный характер, тогда как в Европе наука была делом отдельных личностей.

6. Восточный философ – это, как правило, жрец или чиновный реформатор, который почтительно комментирует или подправляет своих предшественников. Греческий философ сознательно ставил своей целью изменение прошлых представлений о мире, т. е. был нацелен на добывание нового знания.

7. Если на Востоке крупный философ выступал обычно как глашатай самого Бога, изречения его заучивались как божественные откровения, а сомнения в их истинности рассматривались как тяжкая ересь и преследовались государством, то в Афинах не было такого философа, мысли которого ни выносились бы на суд публичной критики. Здесь каждый философ создавал свою собственную концепцию *мироздания*, утверждая свои принципы в жесткой полемике с предшествующими авторитетами. В демократическом климате Афин свободный человек впервые получил возможность утверждать себя в качестве личности не только в общественной жизни, но и в духовной сфере. Поэтому каждый мыслитель стремился высказать, обосновать и отстоять лишь ему принадлежащие идеи.

История греческой философии начинается с Фалеса, который был всесторонне образованным человеком. Он известен как мудрый советчик в государственных и военных делах, и как первый геометр, и как первый астроном, и первый физик. Он был также метеорологом, путешественником, купцом и поэтом. Однако первоначальные его открытия принесли лишь практическую выгоду. Измерял ли он высоту пирамиды, предсказывал ли солнечное затмение, советовал ли морякам ориентироваться не по Большой, а по Малой Медведице – во всем этом видна гибкость трезвого ума, который оказался в состоянии применить для пользы дела эмпирические знания, накопленные в Египте и Вавилоне. Здесь мышление еще прочно стоит на почве чувственного восприятия действительности и ограничивается им; здесь оно преследует только насущные земные цели. Однако Фалес, как истинный мудрец, стремится постичь конечные основания и причины явлений.

Как устроен мир? Казалось, тут не о чем думать. Со времен Гомера и Гесиода всем было все известно о мироздании. Но Фалеса не интересовала мифологическая картина мира, известная всем, но непознанная. Его мучил другой вопрос: мир многообразен, нас окружает бесчисленное множество самых различных явлений, тем не менее этот мир не распадается и сохраняет единство. Следовательно, есть нечто, что связывает эти явления в единое целое, то, из чего все рождается и в чем все гибнет. Поэтому Фалес приходит к мысли о том, что все чувственно воспринимаемое многообразие явлений мира следует рассматривать лишь как способ существования чего-то одного – первовещества, или субстанции, из которой построен весь мир. Для Фалеса такой субстанцией была вода.

Вопрос Фалеса о субстанции мира стал образцом постановки философской проблемы. Она означала рождение области «чистого мышления» (в противоположность практическому, обыденному сознанию, направленному на решение житейских, конкретных задач), обращенного к мирозданию в целом, к вечному и бесконечному. Поскольку Фалес впервые обосновал рационалистическую систему устройства мира, то теперь все естественно-научные искания стали протекать в рамках этого нового представления о мире, включались в эту систему, дополняя и уточняя ее. Тем самым впервые в истории человеческой цивилизации были заложены основы тесного союза между абстрактным мышлением, т. е. между познанием о мире в целом, и научными исследованиями, диктуемыми потребностями практики. Иначе говоря, были сформированы основы для развития всех областей точного знания в рамках философии. Начиная с Фалеса и до Сократа «физика» (естествознание) и «метафизика» (философия) развиваются нераздельно, одними и теми же любителями мудрости.

Фалес поэтому выступает не только родоначальником античной философии, но и всей античной науки. «Он стоит у истоков античного способа научных размышлений, который тяготеет к систематизации добытых знаний, к поиску общих закономерностей, объединяющих факты, к доказательству эмпирически найденных математических положений, имеющих общий характер»*.

Если Фалес лишь поставил вопрос о сущности и первооснове Вселенной, то Гераклит из Эфеса создал целостное мировоззрение, исходя из этой новой предпосылки.

Субстанция Гераклита – огонь, так как, по его мнению, мир находится в непрерывном процессе изменения, а из всех природных веществ более всего способен к изменению огонь. Гераклит – один из создателей диалектики. Он окончательно устранил из Вселенной покой и неподвижность. Его принцип: «Все течет, все меняется»; он разрабатывает представление о мире как о вечном круговороте веществ, как о «беличьем колесе» жизни. Если пифагорейцы понимали мир как гармонию, единство противоположностей, то Гераклит пошел дальше, представив мир как борьбу противоположностей, их войну, которая была и источником всеобщего изменения. Эта борьба не случайность, а закон природы: «Все происходит через борьбу и по необходимости...

* Волков Г.Н. У колыбели науки. – М., 1971. – С. 83.

одно и то же в нас живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое»*.

Диалектика Гераклита предстала как диалектика самого объекта, его не занимала ни гармония сама по себе, ни структура материи. Он показал, что Вселенная живет по законам диалектики, но его диалектика еще не стала *методом* познания. Следующим шагом должна была быть разработка системы диалектических категорий, соответствующей диалектике объекта, создание диалектики как логики и метода познания. Значительный вклад здесь принадлежит Зенону Элейскому, прославившемуся в истории мысли как автор апорий (греч. *aporia* – затруднение мысли, недоумение, парадокс, когда сталкиваются противоположные утверждения). В передаче Аристотеля апории выглядят так.

1. «Дихотомия» (деление на два): движущийся предмет должен дойти до половины своего пути прежде, чем он достигнет его конца. Затем, в свою очередь, он должен пройти половину оставшейся половины, и так до бесконечности: он будет приближаться к конечной точке, но так никогда ее и не достигнет.

2. «Стрела летящая»: летящая стрела занимает в пространстве тот его отрезок, который равен ее длине, т. е. она покоится, ее движение составляет сумму состояний покоя.

3. «Стадий»: имеются три протяженных тела, одно из них неподвижно. Два других движутся с равными скоростями навстречу друг другу по параллельным линиям. Относительно неподвижного тела они движутся вдвое медленнее, чем относительно друг друга. Получается, что в одно и то же время, проходя одно и то же расстояние, можно двигаться со скоростью X и $2X$.

Этими апориями Зенон вовсе не отрицает *движение* как чувственно-данную реальность. Он ставит вопрос иначе: существует ли движение согласно логической сущности вещей? Иначе говоря, он вскрыл трудности воспроизведения процесса движения в логике понятий, показывая необходимость постижения движения в его сущности, которая может и не совпадать с явлением.

Зенон поставил проблему соответствия наших мыслей действительности. Его апории содержат, по сути, негативный ответ. Диалектика признается лишь для чувственной достоверности, а для мира поня-

* Фрагменты Гераклита // Материалисты Древней Греции. – М., 1955. – С. 48.

тий, который есть сущность чувственной достоверности, она исключается. У Зенона невозможно соответствие мысли действительности: движение существует, но оно не обладает истинностью, т. е. его не выразить в адекватной объекту системе категорий, в виде закономерности. Ибо чувственный мир гибок, изменчив, диалектичен, а наши понятия грубы, плоски, малоподвижны. Метафизичность Зенона не в том, что он отрицает движение, а в том, что он «отгородил существенное от явления непроходимой пропастью. Он расставил противоположности у краев обрыва, в то время как на деле они переплетены, взаимно пронизывают друг друга».

Античный атомизм обычно связывают с именами Демокрита и Левкиппа, а также Эпикура, но в античности считалось, что атомизм восходит чуть ли не к дотроянским временам. Здесь наибольший интерес представляют три фигуры.

Анаксимандр Милетский – ученик и последователь Фалеса. Его не удовлетворяет мысль Фалеса о воде как субстанции мира, ибо Фалес основывается на очевидном, на том, что можно обозреть и ощутить. Принцип Фалеса не выдерживает более суда разума: ведь можно поставить вопрос о том, что лежит в основе самой воды; к тому же она исчезает, выкипая и испаряясь. Субстанция Анаксимандра – некая праматерия, некое невидимое глазу первовещество – *Апейрон* или *Беспредельное*. Апейрон присутствует в каждой вещи, но вещи не сводятся к апейрону. Апейрон объемлет все и находится в бесконечном движении, он бессмертен, непреходящ и вездесущ.

Позиция Анаксимандра неуязвима для критики. Ее можно уточнять или отвергать, но невозможно опровергнуть. В самом деле, какое бы вещественное начало мы ни взяли за субстанцию, оно либо произошло из некоего другого начала, либо ограничено чем-то иным; кроме того, оно ограничено во времени сроком своей жизни. И только *Беспредельное* – такое начало, которое не имеет ни начала, ни конца. Если Фалес первым вступил на путь философского исследования, то Анаксимандр – творец первой в античности натурфилософской системы мироздания. Он сделал попытку дать строго рациональное и всеобъемлющее объяснение происхождения и строения Вселенной на основе учения об апейроне. Он первым выдвинул гипотезу не только о бесконечности мироздания, но и о бесчисленности миров во Вселенной, которые закономерно возникают и гибнут.

Анаксагор Афинский, взяв на вооружение идею Анаксимандра, ставит вопрос о структуре материи. Он приходит к выводу, что основой основ материальной действительности являются мельчайшие «зерна», «семена» материи – гомеомерии, т. е. себе подобные частицы. Как и большинство первых натурфилософов, Анаксагор видит мир диалектически изменчивым, все являющееся преходящим. Однако в этой всеобщей текучести есть некий «разумный» порядок: все вещи и процессы смертны, но они не исчезают бесследно, а превращаются друг в друга. Следовательно, в их основе лежит нечто общее – гомеомерии.

Гомеомерии бесконечно делимы, это бесконечная совокупность бесконечностей, смесь из еще меньших частиц, обладающих всеми возможными качествами. Анаксагор выдвигает принцип «Все во всем» – какое бы вещество или часть его мы ни взяли для исследования, в нем содержится все бесконечное многообразие бесконечно малых элементов; сама же по себе вещь и велика, и мала. Переведя это положение на язык современной физики, можно сказать, что каждая бесконечно большая вещь подобна любой бесконечно малой вещи, ибо состоит из тех же протонов, мезонов и других частиц, имеющих столь же бесконечную, неисчерпаемую природу.

Следующий шаг в создании модели атомной Вселенной сделал Демокрит из Абдер. Его атомы неделимы, вечны, бесчисленны; невидимы глазу и поэтому постигаются лишь разумом; пребывают в непрерывном движении; группируясь различным образом, они образуют все явления; имеют противоположностью пустоту. Пустота Демокрита не есть просто ничто. Она существует, так же как атомы, но, в отличие от них, она беспредельна, неоформлена, неподвижна. Демокрит понимал ее, наверное, как предельно разреженную материю. Атомы же – предельно плотные и предельно малые сгустки материи, они потому и неделимы, что абсолютно плотны. Они – единственные тела, которые не заключают в себе пустоты. Другие же тела состоят из атомов и пустоты.

В атомной Вселенной Демокрита отсутствуют всякий произвол и случай. Здесь нет места даже божественному вмешательству. Душа, ум, божество – все имеет атомную природу. Каждая часть системы должна работать в заданном режиме и темпе, не сбиваясь случайными обстоятельствами. «Свобода поведения» деталей расстроила бы работу всего механизма. Происходит это потому, что движение атомов зара-

нее «запрограммировано» необходимостью – *Ананкэ*. Ананкэ правит всем миром. Все в мире совершается благодаря каким-то причинам, и если мы их не видим, то просто не сумели их установить. Ананкэ существует вечно, как сама Вселенная. Вселенная Демокрита, словно гигантский автомат, заведенный от века и обреченный на функционирование по раз и навсегда заданной программе. Человек в этом механизме со своими духовными богатствами и стремлениями – лишь деталь, состоящая, как и все другие части машины, из *атомов*, и *действующая, как и вся машина, по предопределению Ананкэ*.

Древнеримский атомист Эпикур, которого философская традиция считает лишь эпигоном Демокрита, отрицает слепую необходимость, подавляющую свободу воли человека. Жить по необходимости, по Эпикуру – это несчастье, но такая жизнь вовсе не является необходимой: пути к свободе везде открыты. Для обоснования этого тезиса Эпикур вводит случайное отклонение атомов, приписывая им некоторую неопределенность поведения.

Насколько соответствует современным физическим представлениям о строении материи атомизм Демокрита и Эпикура в целом и какая линия оказалась исторически более перспективной: линия Анаксагора или Демокрита? Атомизм как философское учение – это вера в наличие «последних основ» мироздания – в виде ли «самых» элементарных частиц или в виде окончательной постижимости всех свойств атома в немногих математических константах и аксиомах.

При исследовании сильно взаимодействующих частиц – адронов – выяснилось, что «жизнь» адрона включена в существование целого семейства адронов, в котором царит «ядерная демократия», так как ни одна частица не занимает особого, центрального положения. Число возможных сочетаний, структур, «степеней свободы» в семействах адронов бесконечно. Затем физика распространила этот вывод на все элементарные частицы. В известном смысле можно сформулировать тезис, что «Все», т. е. каждая элементарная частица, состоит из «Всего», т. е. всех элементарных частиц (например, протон и нейтрон своим существованием обязаны всем остальным частицам). Но «Все из всего» – ядро концепции Анаксагора.

Современная физика подошла в своем *развитии* к кризису идеи атомизма как таковой, т. е. идеи о существовании неделимых кирпичиков в фундаменте материи. Но это не означает, что она нашла какую-то

иную альтернативу. Поиски ответа на вопрос Фалеса «как устроено мироздание» продолжаются.

В истории человечества встречаются личности, которые некогда появившись, затем проходят через века, через смену эпох и поколений. К числу таких «вечных спутников» человечества принадлежит Сократ.

Досократовская философия была натурфилософией, она не могла и не хотела изучать жизнь человека. Досократики старались постичь ход светил, представить себе форму Вселенной, узнать вещество, из которого она состоит. Для Сократа главный вопрос: «Кто я?» К чему познание Вселенной, если остаешься в неведении о собственной природе? Первые учителя Сократа в искусстве мыслить – ремесленники: он восхищается строгостью правил, позволяющих им создавать вещи. Но его привлекает другой материал. Сократ хочет изобрести технические приемы созидания прекрасных душ. Отсюда его учение о том, что добродетель есть знание, что стоит человека научить, и он будет добродетельным.

Сократ стоит как бы на распутье в развитии философской мысли Греции. Он отказывается исследовать природу саму по себе, как это делали натурфилософы, считая это делом практически бесполезным. Философ должен, по его мнению, изучать человека и его дела, ибо такое знание позволит человеку совершенствовать себя и управлять собой. Однако, противопоставляя себя натурфилософам, Сократ воспринял их диалектику, усовершенствовал ее, доведя до степени искусства, и сделал ее средством изучения новой области – человеческого мышления. «Познай себя» – исходный пункт и кредо сократовской философии.

Своими вопросами он разрушал убеждения собеседника, так что в конце беседы тот приходил к выводам, прямо противоположным тем, с которых начинал. В его сбивающих с толку речах чувствуется уверенность человека, который хотя и не имеет готового ответа на свои вопросы, но который знает, во имя чего идет поиск, в каком направлении и как именно его надо вести. Его внутренняя уверенность исходила из убеждения в том, что вполне возможно рационально осмыслить жизнь во всех ее проявлениях; он убежден, что во всей пестроте жизненных переживаний и событий есть нечто, их объединяющее, некий общий смысл, который может быть выражен единой идеей, понятием. Следовательно, мудрость в том, чтобы в хаосе человеческих поступков и мыслей, в многообразных связях вещей видеть не только изменчи-

вость, но и некую устойчивость, единое Бытие. Но эта устойчивость – не мертвая неподвижность, и не голая очевидность эмпирического (опытного) факта, а их противоположность. Подвести собеседника к этой мысли нельзя, не разрушив его обыденных представлений, чего Сократ и добивался с помощью своей ироничной диалектики. Скрываясь за фразой: «Я знаю только то, что ничего не знаю», он полагал: то, что считается мудростью у обывателей, на деле есть незнание сущности явления. Мудрость же в том, чтобы знать границу своего знания.

В течение 30 лет он вел свои беседы, срывая маску с глупости, побуждая к поискам подлинной истины, именно так он понимает свое призвание быть гражданином – делать своих сограждан лучше. Он скажет на суде: «Я надеялся, что вы станете различать главное: стыдно заботиться о выгоде и почестях, а о разуме и душе забывать». Сократ не уговаривает и не пытается разжалобить афинян, он защищает смысл своего призвания быть философом-гражданином, единственной заботой которого является, как писал Платон, выяснение того, как обстоит дело с действительностью.

Сократ хотел подвести свой народ к осознанию того, что есть добро и что – зло, и к свободному, благородному выбору между ними. Он хотел освободить его от рабского подчинения готовым мнениям, чтобы сделать его вольным служителем одной лишь истины. Он хотел извлечь его из младенческого состояния разума, когда мысли и действия обусловлены подражанием и принуждением, и превратить его в народ, способный действовать разумно и выбирать путь добродетели не из страха пред законом или властью (или богами), но из твердого знания того, что счастье и делание добра – одно и то же.

Сократ выявил резкое несоответствие выдвинутого им и продемонстрированного на собственном примере масштаба нравственных требований к человеку общему уровню морального состояния афинского общества в пору кризиса рабовладельческой демократии. Поскольку он сам был «олицетворенной философией» (К. Маркс), т. е. воплощением единства философского образа жизни и мышления, то для него вопрос «Быть или не быть?» решался без колебаний. Сократ «забежал» далеко вперед своего времени, предложив такой потолок нравственного существования, который был неведом и непосилен его современникам. В этом его трагедия.

Ученик Сократа Платон – философ понятий. Он первым из мыслителей осознал роль понятия как абстракции и открыл понятийную при-

роду мышления, отличную от чувственного восприятия. На пути установления противоположности понятийного мышления как сферы идеального и чувственной действительности как сферы материального и выяснения их противоречивого единства Платон склонялся к абсолютизированию идеального, утверждая его первичность перед миром вещей. Обосновывая первичность мира идей, Платон исходил из двух положений: 1) вещь смертна, ее можно уничтожить, но идея, понятие вещи неуничтожимы; 2) задаваясь вопросом, чем, например, камень отличается от воды, Платон отвечал: не материей, ибо оба эти явления материальны, но своим особым смыслом, а смысл явления образует понятие.

Что же такое идея Платона? Во-первых, это абстрактная сущность вещи, изолированная от самой вещи и обитающая где-то в небесных или «занебесных» областях. Во-вторых, идея – это неделимая целостность и общность. Например, доски, кирпичи, известка, металлы, стекло, взятые сами по себе, остаются сами собой и никакое их механическое соединение не создает некоей целостности. Однако построенный из них дом есть уже такая целостность, которая представляет собой новое качество в сравнении с теми частями и материалами, из которых дом фактически состоит. В-третьих, идея вещи есть смысловая модель, или порождающая модель вещи*.

Обоснованием объективного идеализма Платона является факт господства общества над отдельным человеком. Исторически, до рождения каждого человека, развивается *культура* общества в виде всеобщих норм, которые определяют деятельность человека в любой сфере, его поведение и мышление. С ограничениями, диктуемыми этими нормами (нормами бытовой культуры, права, морали, грамматики и т.п.), каждый вынужден с детства считаться как с чем-то независимым от его капризов и воли, т. е. как с чем-то объективным. Это особая объективность, отличная от объективности природы, объективность, навязываемая нам общественным сознанием. Платон понимал, что когда человек осознает какой-то факт, то он пользуется некоторой всеобщей точкой зрения на этот факт при его словесном выражении; кроме того, он выражает эту точку зрения словами и понятиями, созданными и существующими до него. Наконец, в реальной жизни человек

* Лосев А.Ф. Платоновский объективный идеализм и его трагическая судьба // Платон и его эпоха. – М., 1979. – С. 5–13.

обращается с вещью так, как требует ее понятие, т. е. выраженная в сознании не природная, а социальная роль и назначение данной вещи.

Социально-историческая природа философии Платона определяется периодом разложения греческого рабовладельческого полиса накануне македонского завоевания. Желая противопоставить современному ему полисному развалу какую-либо более твердую социально-политическую систему, Платон идеализирует древний египетский жреческо-кастовый строй. Он создает свою философскую утопию идеального государственного устройства как подражание старинному общинно-родовому строю.

В «Государстве» Платона на первом плане не индивидуум, а только община. Первые два сословия в «Государстве» – философы и воины – лишены всякой, не только частной, но и личной собственности. Однако третье сословие – ремесленники – обладает у него правом и личной, и частной собственности, но это у него лишь материальная основа общества. Само же общество беспощадно исключает всякую индивидуальную инициативу, в какой бы области она ни мыслилась, так что даже жены и дети у всех здесь должны быть только общими.

Тем не менее Платон сумел учесть и современное для него социально-экономическое развитие. Третье сословие в «Государстве» – это, в сущности, государственные крепостные. Платон много рассуждает о разделении труда в этом сословии и о строгой профессионализации производства. Работающие здесь должны иметь в виду не только государственные, но и свои личные интересы. Для этого им следует производить гораздо больше, чем это нужно для государства. Они могут продавать свой продукт на рынке и покупать необходимое для себя. Допускается не только простой обмен, но и продажа за деньги, для чего необходима чеканка монеты. Это сословие занимается торговлей и с иностранными государствами. Ему разрешается личное накопление, хотя не должно быть людей слишком богатых или слишком бедных. Таким образом, в «Государстве» Платона представлена не система рабовладения, поскольку и правителям-философам, и воинам запрещена частная собственность, в том числе и рабовладельческая. Это идеализированное государственное крепостничество с весьма широкими правами для крепостных вплоть до их свободной экономической конкуренции в области производства, торговли, денежного накопления.

Платоновский мир идей, который создавался как высший идеал, как максимальное совершенство, оказался абстрактным, лишенным

личностных глубин и динамизма. Произошло это потому, что в своей потребности создать идеальную действительность Платон был ограничен жизненным опытом общинно-родовой и рабовладельческой культуры. Эта культура для мыслящего человека представляла собой море всяких несовершенств и язв. Перенести эти несовершенства в идеальный мир и тем самым считать этот мир единственным ответчиком за все земные несовершенства было невозможно, так как иначе мир идей вовсе не был искомым предельным совершенством.

Значит, надо было переносить в этот идеальный мир только более абстрактные стороны земной действительности, только ее структурные зависимости. По своему содержанию идеальный мир Платона возник лишь как отражение земного мира и потому после исключения всех земных несовершенств оказался бездушной и безличной структурой, способной создать на земле только абсолютистско-полицейское и тоталитарное государство.

Вопрос о значении понятий для бытия и для знания стоял в центре внимания и Аристотеля из Стагиры, величайшего ученика Платона. Подобно Платону, Аристотель полагает, что посредством понятий познаются существенные, коренные и неизменные свойства *бытия*. Как и Платон, он считает именно понятия средством познания существенных свойств предметов.

Но он решительно выступает против учения Платона о безусловной независимости понятий от вещей. Он против платоновского представления понятий как единственно действительных сущностей чувственного бытия.

Основа возражений Аристотеля состоит в том, что, вводя идеи как самостоятельное бытие, отдельное от существования чувственных вещей, Платон развивал теорию, в которой идеи оказывались бесполезными как для познания вещей, так и для объяснения их бытия. Аристотель полагал, что теория идеи Платона не может объяснить важнейшего свойства вещей чувственного мира. Свойство это – их движение и становление: возникновение и гибель. Поскольку идеи образуют, согласно Платону, особый и совершенно отдельный мир сущностей, то он не мог указать причину для непрерывно происходящего в чувственном мире изменения и движения.

По Аристотелю, единичное бытие есть сочетание «формы» и «материи». В отличие от «материи», которая есть бытие в возможности, форма есть действительность, т. е. осуществление возможного. Корен-

ные свойства мира – движение и изменение. Но достаточно ли для объяснения движения и изменения одних лишь «формы» и «материи»? Все ли существующее в мире может быть выведено из этих начал, или кроме них существуют и должны быть введены в познание другие? Для ответа на этот вопрос Аристотель рассматривает четыре основных начала или причины: 1) «материя»; 2) «форма»; 3) причина движения; 4) цель, ради которой происходит известное действие. Например, когда строится дом, то «материей» здесь будут кирпичи, «формой» – сам дом, причиной движения или действующей причиной – деятельность архитектора, а целью – назначение дома*.

Мир, по Аристотелю, бытие вечное. В самом деле, чтобы представить, что совершающийся в мире процесс движения в какой-то определенный момент времени прекратится, необходимо допустить, что мировое движение будет прервано каким-то другим движением. Но это значит, что мы предполагаем возможность движения после полного прекращения всякого движения.

Доказательство вечного существования мира и вечного существования мирового движения ведет к предположению о существовании вечной причины мира и вечного двигателя мира. Этот вечный двигатель есть в то же время первый двигатель мира. Без первого двигателя не может быть никаких других двигателей и никакого движения.

Как вечная, невозникшая причина мирового процесса, как причина всех происходящих в мире движений перводвигатель мира есть, согласно Аристотелю, Бог как неподвижный двигатель. Астрономические наблюдения неба, так называемых неподвижных звезд во времена Аристотеля, когда еще не существовало сверхточных способов для наблюдения изменений в угловом расстоянии между звездами, приводили к выводу, будто движение мира непрерывно и равномерно. Напротив, самодвижущиеся предметы, а также предметы, движимые другими предметами, не могут быть источником непрерывных и равномерных движений. В силу этого, делает вывод Аристотель, перводвигатель мира должен быть сам неподвижен.

Из неподвижности перводвигателя мира Аристотель выводит как необходимое свойство Бога его бестелесность. Всякая телесность или материальность есть возможность другого бытия, перехода в это иное, а всякий переход, по Аристотелю, есть движение. Но Бог, он же перво-

* Асмус В.Ф. Античная философия. – М., 1976. – С. 280.

двигатель – неподвижное бытие; следовательно, Бог должен быть бес-телесным.

Как нематериальный, Бог (неподвижный перводвигатель) не может быть мыслим как бытие в возможности. Чуждый возможности, он есть всецело действительность, не «материя», а только «форма».

Но откуда у нас может возникнуть понятие о такой чистой «форме», если все предметы мира, с которыми мы имеем дело в нашем опыте, всегда есть не чистая «форма», а сочетание «формы» с «материей»? Чтобы получить понятие о чистой действительности, или о чистой «форме», необходимо, утверждал Аристотель, рассмотреть совокупность вещей и существ природного мира.

Аристотель рассматривал мир как определенную градацию «форм», которая есть последовательное осуществление понятий. Каждый предмет материального мира есть, во-первых, «материя», т. е. возможность, средство реализации своего понятия, и, во-вторых, «форма», или действительность этой возможности, т. е. осуществление понятия. Наивысшее существо материального мира – человек. Как в любом другом предмете этого мира, в человеке следует видеть соединение «материи», которой является тело человека, с «формой», которой выступает его душа. Как «материя» тело есть возможность души. Но и в душе должны быть налицо и высшие, и низшие элементы. Высший элемент души – ум.

Это последняя действительность, и возникает она из низших функций души как из возможности. А так как Бог, по Аристотелю, есть наивысшая действительность, то Бог есть ум и мысль. Но качество мысли определяется качеством ее предмета. Наиболее совершенная мысль должна иметь и наиболее совершенный предмет. А так как, по Аристотелю, самый совершенный предмет – это совершенная мысль, то Бог есть мышление о мышлении, или иначе мышление, направленное на собственную деятельность мышления. Таким образом, Бог есть высшая или чистая «форма». Бог – это действительность, к которой не примешивается ничто материальное, никакая возможность; он есть чистое мышление, предмет которого – его собственная деятельность мышления.

Классическая немецкая философия. Под выражением «классическая немецкая философия» принято понимать развитие философской мысли Германии конца XVIII – первой трети XIX века. Эта философия была порождением и отражением немецкой действительности данного

периода, в это время происходило становление капиталистического способа производства. Для Германии того времени были характерны:

1. Экономическая отсталость, что выражалось в господстве феодальных отношений: крепостничество, преобладание земледелия над промышленностью, доминирование в земледелии мелкого крестьянского производства, использующего рутинную, консервативную технику, и, как следствие, – низкая производительность труда.

2. Политическая отсталость. Германия представляла собой не единое государство, а конгломерат из суверенных и полусуверенных государств. В то время как французская буржуазия завоевывала господство в собственной стране и на Европейском континенте, а английская буржуазия развивала промышленность и подчинила себе Индию политически, а весь остальной мир экономически, в это самое время немецкие бюргеры дошли только до мечтаний о своем господстве.

3. Слабость немецкой буржуазии: она не могла достичь господства, т. е. политической силы, так как у нее не было экономической силы. Не лучше обстояло дело и с ее союзниками: раздробленное и слабое крестьянство, которое некому было возглавить в попытках освободиться от крепостничества; мелкая буржуазия городов была способна только к шатаниям от неистового демократизма до самой жалкой трусости. Поэтому в целом немецкая буржуазия не поднималась выше либеральной оппозиции феодальному строю, т. е. выше трусливых пожеланий реформ.

4. В это время во Франции произошла буржуазная революция. Уныние и безнадежность немецких буржуа сменились всеобщим энтузиазмом. Но якобинский террор привел немецкую буржуазию в ужас, а вскоре Наполеон обрушил свои армии на Германию. Объективно он был для Германии представителем революции, о которой мечтали немецкие буржуа, он принес с собой ее принципы, разрушив феодальные порядки. Но национальная гордость немцев была уязвлена. После разгрома Наполеона феодальные порядки еще более укрепились.

5. Те обстоятельства, которые делали буржуазию бессильной что-либо изменить в стране, привели к тому, что в борьбу с феодальными порядками включился немецкий пролетариат. И это окончательно определило характер буржуазии: ей стало казаться, что лучше остаться старой феодальной Пруссией, чем поиметь такое новое, как пролетарская революция.

6. Отсюда вытекает определяющая черта характера немецкой буржуазии: двойственность и противоречивость. С одной стороны, она мечтала о революции и своем господстве; с другой, – была бессильна совершить эту революцию и боялась пролетариата.

7. Из противоречивости положения немецкой буржуазии вытекает противоречивость, двойственность немецкой классической философии, которая отражала позицию буржуазии, ее силу и слабости.

Убоявшись террора французской революции, который мог повториться в условиях немецкой действительности, буржуазия Германии решила сначала все продумать, создать теорию, а уж затем, вооружившись ею, совершить свою революцию. Поэтому то, что совершили французы в действительности, на баррикадах, немцы осмысливали (ибо своего опыта революционных действий они не имели, поэтому приходилось анализировать опыт соседей). Вот почему К. Маркс назвал немецкую классическую философию немецкой теорией французской буржуазной революции.

Следует также иметь в виду, что в условиях засилья феодальной реакции, в условиях отстранения буржуазии от общественно-политической деятельности идеология и литература становятся для нее единственной сферой деятельности, в которой она могла проявить свою энергию и выразить свои надежды. Этим объясняется то, что эта «позорная в политическом и социальном отношении эпоха была в то же время великой эпохой немецкой литературы».

В философской жизни Германии, как и в поэзии, античеловечность изживших себя феодальных порядков преодолевалась не в действительности, но в теории – последовательно и основательно. Вместо реального преобразования действительности здесь совершалось идеальное преобразование: взамен политической революции предлагалась революция философская. Ведь философия, как отмечал Гегель, особенно нужна в те периоды, когда происходит переворот в политической жизни общества, ибо мысль всегда предшествует действительности и преобразует ее: если царство представлений уже революционизировано, то действительность не может более устоять.

Изложение немецкой классической философии принято начинать с Иммануила Канта, чья философия качественно отличалась от средневековой, которая рассматривала существующее как в принципе неизменное, не подлежащее изменению.

Буржуазные философы, напротив, обосновывали необходимость разумного изменения как природы, так и общества. Поэтому классическая буржуазная философия постоянно обсуждает вопрос: как можно и должно человечеству рационально господствовать над природой и социальными условиями своей жизни?

Осуществление этой программы предполагало прежде всего создание теоретической модели познающего субъекта, который воодушевлен жадой познания и готов преодолеть любые препятствия на этом пути. Тем самым классическая философия решительно выступила против средневековой философии в том пункте, что человек, отныне признаваемый личностью, должен быть признан свободным по своей природе существом. Вместе с новым пониманием человека возникает и новое понимание природы, в особенности внешнего, окружающего человека мира, который характеризуется прежде всего как препятствие, ограничение человеческой деятельности, как нечто, подлежащее изменению, преодолению.

Философия Канта – диалектическая. Его первая работа «Мысли об истинной оценке живых сил» (1746) была посвящена опровержению достаточно распространенной в XVIII веке концепции, согласно которой движение всецело сообщается предмету извне. Как писал Кант, его задача состояла в том, чтобы «найти то, что связывает между собой в систему великие звенья Вселенной во всей ее бесконечности; показать, как из первоначального состояния природы на основе механических законов образовались сами небесные тела и каков источник их движения...». Здесь сформулирована мысль о том, что исходным пунктом образования Солнечной системы было простое состояние природы – рассеянная материя, составляющая небулярную туманность. Однако среди существенных свойств элементов этой туманности уже содержались простейшие свойства, таившие в себе возможность совершенствования. Прежде всего это само наличие простейших элементов: поскольку они различны, между ними возникают силы тяготения, и там, где оно наиболее сильно, природа сразу же выходит из хаотического состояния: «Элементы, коим присущи силы для приведения друг друга в движение, имеют источник жизни в самих себе. Материя с самого начала стремится к формированию...».

Аналогично происходит формирование более сложных и обширных систем, причем в качестве наиболее доступной наблюдению вы-

ступает Солнечная система, по аналогии с которой мы можем судить о происхождении миров высшего порядка – до бесконечности.

Основные диалектические моменты названного построения Канта следующие.

Первый – устранение понятия о первотолчке, осуществляемом на механической основе. Традиционно считалось, что естествознание вообще неспособно объяснить возникновение, начало движения и потому требует первотолчка. Поскольку основным свойством тела является инерция, тело сохраняет состояние покоя или прямолинейного равномерного движения, пока и поскольку оно не будет из этого состояния выведено действием внешней по отношению к нему силы. Для Канта это не так: движение начинается в силу наличия изначально присущих (имманентных) самой материи противоположных сил притяжения и отталкивания. Внеприродная сила – Бог – сохраняет еще функцию творения мира из ничего, но больше ему ничего не остается. Кант сделал еще один шаг по пути устранения божественных сил из природы.

Второй важный диалектический момент, представленный в «Естественной теории и истории неба», состоял в последовательном, насколько это было возможно в его время, проведении точки зрения развития. По Канту, под действием противоположных сил притяжения и отталкивания формируются различные системы миров, разрушаемые затем действием тех же самых сил, чтобы из их рассеянных частей создавались все новые и новые.

Третий диалектический момент – идея универсальной взаимосвязи мира. Она приобретает у Канта форму признания системного устройства Вселенной. При отсутствии этой связи условием устойчивости системы миров было бы столь точное равенство сил взаимного тяготения ее частей, что малейший сдвиг малейшей части этой системы повлек бы за собой гибель всей Вселенной.

Ко времени появления работ И. Канта в классической буржуазной философии сложились два основных направления решения философско-теоретических и практических проблем – рационалистическое и эмпирическое. Рационалисты обосновывали культ разума, неограниченное могущество познания, которое представлялось им независимым от наличных эмпирических данных. Разум не заблуждается, утверждали они, источники заблуждений коренятся в воле, страстях и пр. Представители эмпиризма утверждали, что ни одно понятие и ни один принцип не следует рассматривать как вечно, безусловно общезначи-

мое и необходимое. Общие понятия – это собирательные имена; действительны, безусловно существуют лишь единичные, чувственно воспринимаемые вещи. Это ставило под вопрос понятие закономерности, которая есть объективно существующая форма всеобщности. Такова была ситуация в философии, с которой столкнулся Кант. Задача состояла в том, чтобы ответить на вызов эмпиризма, который в конечном счете ставил под вопрос саму правомерность философии. С другой стороны, надо было покончить с иллюзиями рационалистов относительно непогрешимости чистого разума. Величие Канта заключается в том, что противоречие между эмпиризмом и рационализмом он рассматривал не просто как цеховое дело философов, а как социальный феномен, проблему, от решения которой зависит дальнейший прогресс человечества.

Разрабатывая теорию познания, Кант в «Критике чистого разума» поставил целью разрешение проблемы: как возможна сама способность мыслить, что мы познаем и как, или, иначе говоря, можно ли, и если можно, то как, выразить реальность логическими понятиями? «Я попытался всерьез доказать положения и их противоположность, – писал он, – не для того чтобы создать скептическое учение, а чтобы обнаружить источники иллюзии, в которую, как я предполагал, рассудок при этом впадает». «Не исследование бытия божьего, бессмертия... было моей отправной точкой, но антиномии чистого разума... Человеку присуща свобода – у него нет никакой свободы, а все в нем природная необходимость. Вот что, прежде всего, пробудило меня от догматического сна и побудило приступить к критике разума как такового, дабы устранить скандал мнимого противоречия разума с самим собой», – писал Кант.

Одним из самых важных вопросов философии Канта является вопрос о соотношении сущности и явления. Кант утверждает: «Нам даны вещи как вне нас находящиеся предметы наших чувств...» Бытие этого вне нас находящегося предмета Кант выводит из того факта, что раз наши чувства фиксируют наличие предметов в нашем сознании, то им соответствуют предметы вне нашего сознания. Эти, находящиеся вне нашего сознания, предметы и суть «вещи в себе», это предметы, взятые в их внутренних качествах, структурах и взаимодействиях. «Внутренними являются те субстанции, структурные и динамические характеристики материального предмета, которые при фактическом или внутреннем изолировании от определенной Среды продолжают быть

ему присущими, не претерпевая при этом существенных изменений. Онтологически взятая «вещь в себе» – это как бы «сгусток» тех свойств, которые образуют ее сущность, оставшуюся инвариантной при всех изменениях объекта.

В гносеологическом аспекте «вещи в себе» – это те предметы, свойства или отношения, которые «прямо или косвенно уже вошли в грубо очерченный объем исследованной области, но пока никак не могут быть познанными...»

«Вещь для других вещей» – это предмет, взятый преимущественно в его внешних свойствах, функциях, поведении и во всевозможных проявлениях. «В противоположность существенной инвариантности внутренних характеристик внешние свойства предметов весьма относительно, изменчивы, нередко бывают свойствами отношений, поскольку зависят как от вещи самой по себе, так и от отношений и взаимодействий ее с разнообразными вещами».

Рассуждая далее, Кант пишет: «... нам даны вещи как вне нас находящиеся предметы наших чувств, но о том, каковы они сами по себе, мы ничего не знаем, а знаем только их явления, т. е. представления, которые они в нас производят, воздействуя на наши чувства»*. Совокупность этих предметов «возможного опыта», упорядоченная с помощью категорий рассудка, «есть собственно то, что мы здесь называем природой»**. То есть наши чувства «никогда и ни в каком отношении не дают нам познания вещей самих по себе, а позволяют нам познавать только их явления, которые суть наши представления чувственности»***. Эти представления нашей чувственности или явления Кант называл «вещь для нас». Понятие «вещь для нас» указывает на статус, в котором материальный предмет, свойство или отношение стали доступными органам чувств субъекта.

Итак, размышляя о том, как происходит человеческое познание, Кант приходит к выводу: есть мир «вещей для нас», и есть мир, каким он является сам по себе, вне нашего восприятия и познания. Это не два различных мира, это тот самый реальный мир, в котором мы живем. Мы видим и знаем его таким, каким мы его воспринимаем, но истин-

* Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизики, могущей появиться как наука // Кант И. Соч.: В 6 т. – Т. 3. – С. 105.

** Там же. – С. 114.

*** Там же. – С. 105.

ное ли это знание – неясно. Ибо нет никаких гарантий, что мир нашего опыта и истинный мир совпадают в своих существенных чертах, свойствах. Опыт же человеческий ограничен и иллюзорен, ибо все свое знание человек получает через чувственное восприятие, через ощущения. Поэтому, делает вывод Кант, необходимо в процессе познания сделать переход от чувственного познания к теоретическому, логическому.

Но вправе ли претендовать наш разум на истинное познание мира? Для проверки нашей способности мыслить Кант создает антиномии – одинаково доказуемые (или недоказуемые) противоположные утверждения.

1. Мир имеет начало во *времени* и ограничен также в *пространстве* – мир не имеет начала во времени и границ в пространстве, он бесконечен во времени и пространстве.

2. Всякая сложная субстанция состоит из простых частей и вообще существует только простое и то, что сложено из простого – хотя бы атомы Демокрита, – ни одна сложная вещь в мире не состоит из простых частей и вообще в мире нет ничего простого.

3. Причинность, согласно законам природы, есть не единственная причинность, из которой могут быть выведены все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность, ничем не обусловленную волю и свободу человека, его свободный выбор между добром и злом – не существует никакой свободы, но все совершается в мире только согласно законам природы.

4. Есть Бог или нет его? Бог принадлежит миру или как часть его или как его причина, безусловно необходимое существо – нет никакого абсолютно необходимого существа ни в мире, ни вне мира как его причины.

Ни один из этих тезисов, по Канту, нельзя ни отвергнуть, ни доказать окончательно. Отсюда Кант приходит к выводу, что «вещь в себе» остается непознаваемой. В результате между миром мышления и миром бытия у Канта образовалась пропасть. Каждый из этих миров – мышление и бытие – представляет собой замкнутый, обособленный, чуждый другому мир. Кант строит такую теорию мышления, в которой оно отличается абсолютной самостоятельностью по отношению к бытию, и поэтому не имеет выхода к самой реальности. Однако Кант на этом пути сделал огромный шаг вперед по сравнению с современным ему материализмом.

Материалистическая философия XVIII века представляла себе познание как процесс формально-математической обработки чувственных данных. Она считала, что познание начинается с фактов, обобщение которых и ведет к созданию теории. При этом ею совершенно не учитывалось то обстоятельство, что сам факт может быть замечен или нет, понят или не понят, отнесен к существенным или второстепенным только в свете некоторых предварительных теоретических представлений, которые в свою очередь определяются в основном интеллектуальной атмосферой эпохи.

Теория познания классической физики базировалась на стремлении показать предмет таким, каким он есть сам по себе, т. е. очистить его от субъективности, которая его искажает. Отсюда «Физика, бойся метафизики» и «Гипотез не измышляю» Ньютона. Кант убедительно показал, что стремление очистить познание от субъективности, от привнесения в него чисто человеческих моментов – иллюзия, поскольку вещи познаются только в формах нашей субъективной чувственности и в категориях нашего рассудка. Но при этом он полагал, что эти категории даны человеку от рождения, еще до его опыта – априори. Априоризм Канта – это попытка осознать, что предмет дан, познаваем лишь постольку, поскольку он вовлечен в процесс человеческой деятельности, т. е. это попытка осознать творческую природу человеческого мышления, отражающего, но не творящего мир.

В традиционной гносеологии истина определялась так: истинным является такое содержание моего суждения, которое соответствует реальному положению вещей. Отсюда возникает дилемма: как может результат чисто субъективного психического акта – работа наших органов чувств – соответствовать предмету, находящемуся вне сферы этого психического акта? Иначе говоря, как может эмпирически обусловленное человеческое сознание порождать нечто, лежащее выше этой эмпирической сферы: логическое понятие, т. е. нечто необходимое и общеобязательное? Ведь наука претендует на то, что открываемые ею закономерности носят объективный всеобщий характер, независимый от человека и человечества.

Кант ищет решение этой дилеммы, он объявляет законы науки действительно необходимыми и общезначимыми, однако источник этой необходимости и общезначимости он видит не в познаваемом объекте, а в познающем субъекте – при этом не в его эмпирически обусловленной психической деятельности, а в априорных формах чувственности и

рассудка, которые не только не зависят от эмпирического мира, но и определяют его. Отсюда предметом философского исследования становится не предмет, внешний мир, но субъект.

Необходимость для Канта – это не порядок и связь в предмете и между предметами, а обязательность и общезначимость человеческого суждения. Субъект и объект познания оказались здесь по разные стороны пропасти, перейти которую познающий субъект не в силах. Кант не сумел обосновать переход от ощущений к вещам, существующим вне нас и вызывающим наши ощущения. Он признавал источником наших знаний опыт, но в опыте, считал философ, нам даны лишь явления, порождаемые воздействием на наши органы чувств «вещей в себе», тогда как сами «вещи в себе» остаются для нас недоступными, непознаваемыми.

Кант не ставит вопрос об историческом становлении, развитии категориального аппарата мышления, который представляется ему изначально наличествующим в сознании и в сущности неизменным. Таково было убеждение не только одного лишь Канта, оно было присуще всей той эпохе. Собственно, именно из этого убеждения и следует вывод об априорности категорий. Однако это не просто ошибочный вывод: он фиксирует особую роль категорий в познании, в отличие от образованных непосредственно на основе опыта эмпирических понятий, а также тот факт, что наши знания соотносятся с категориями, «выступающими в качестве гносеологических императивов».

Такая постановка проблемы приводит Канта к новому, отличному от рационалистического, пониманию отношения между знанием и его предметом. До сих пор, согласно Канту, считалось, что все наши знания должны соотносываться с предметами. Это правильно лишь постольку, поскольку речь идет об эмпирических знаниях. Но априорные знания предшествуют опыту, который формируется посредством категориального синтеза чувственных данных. «Поэтому, – писал он, – следовало бы попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны соотносываться с нашим познанием...»*.

Руководствуясь этим принципом, следует признать, что познавательная деятельность человечества не просто умножает знания, но и

* Кант И. Критика чистого разума. Предисловие // Кант И. Соч.: В 6 т. – Т. 2. – С. 87.

вырабатывает гносеологические, методологические обобщения, которые выполняют нормативные, а частично также критериальные функции в оценке всякого нового знания. Ведь истинность теории высокого уровня абстракции не может быть установлена непосредственно, т. е. путем прямого наложения теории на факты. Выявление соответствия теории процессам, к которым ее относят, предполагает и анализ отношения каждой новой теории к многократно подтвержденному и поэтому утвердившемуся в науке теоретическому знанию и его принципам. И если ученые уже больше столетий отвергают без рассмотрения любые проекты вечного двигателя, то это свидетельство не их консерватизма, а того, что в науке исторически сложились принципы, налагающие гносеологические запреты на определенного типа суждения. Кант называл такие принципы априорными.

Второй важной проблемой философии Канта является антитеза свободы и природы – прямое выражение постулируемой ею раздвоенности всего существующего на мир явлений, совокупность которых образует природу, и на его первооснову – мир «вещей в себе». Необходимость относится лишь к миру явлений: мир «вещей в себе» образует царство свободы от неумолимых законов природы. Таким образом, Кант, с одной стороны, доказывает безусловную подчиненность явлений законам природы, строжайшему детерминизму, а с другой, – столь же решительно настаивает на том, что свобода – первое, довременное звено причинно-следственной цепи событий. Правда, существование этой свободы недоказуемо: она непознаваема, сверхчувственна, трансцендентна.

Убеждение Канта в существовании особой, отличной от эмпирической (природной) свободной причинности имеет следующие обоснования. Тезис третьей антиномии утверждает, что в мире существуют свободные причины, и ее антитезис – что нет никакой свободы, все есть природа. Решение этой антиномии, противопоставляющей необходимость и свободу, заключается в допущении, что ее антитезис относится к природе, а тезис – к сверхприродному миру «вещей в себе»: природа и свобода могут без противоречия быть приписаны одной и той же вещи, но в различном отношении: в одном случае – как к явлению, в другом – как к вещи самой по себе.

Что же это за «вещь», которая есть и явление, определяемое необходимостью, и «вещь в себе», находящаяся по ту сторону необходимости? Это – человек. Нравственное сознание, присущее человеку, не-

смотря на все совершаемые им не нравственные поступки, свидетельствует о вменяемости человека, его ответственности за свои поступки, а значит, о его свободе. Человек не свободен как явление природы, определяемое ее законами. Он не свободен как чувственное существо, обусловленное своими восприятиями, переживаниями, страстями. Но как трансцендентальный субъект, человек не подвержен необходимости, он свободен. И лишь в этом качестве, т. е. в своей трансценден- тальности (выходе за свои пределы) человек выступает как разумное, разумно действующее, нравственное, свободное существо.

Здесь важен принцип тождества нравственного и социального. Специфику человека как общественного (а не только природного су- щества) и общества как человеческого мира Кант видит в морали, при- сущей только человеку. Мораль, базирующаяся на свободе, – важней- шее отличительное свойство *социума*, а социум находит свое важней- шее специфическое проявление именно в нравственности. Кант пока- зывает, что общественная жизнь сразу разлагается, если не выполня- ются нормы морали, если не следовать категорическому императиву. Императив (лат. – повелительный) – основной закон этики Канта. Он имеет две формулировки: 1) «... поступай только согласно такой мак- симе (лат. – основное правило, принцип), руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»; 2) «... поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству». Согласно Канту, катего- рический императив – всеобщий общеобязательный принцип, которым должны руководствоваться все люди независимо от их положения, происхождения и чего бы то ни было еще.

Принципом, объясняющим многие особенности философско- исторической концепции Канта, является принцип существования раз- личия возможностей индивида и всего человеческого рода. Кант пола- гал, что «...природные задатки человека (как единственного разумного существа на Земле), направленные на применение его разума, разви- ваются полностью не в индивиде, а в роде». Именно этот принцип объ- ясняет пессимизм Канта относительно возможностей индивида когда- либо руководствоваться в своем поведении только категорическим императивом и вместе с тем оптимистический взгляд его на возможно- сти человеческого рода в историческом процессе.

Ход истории, по Канту, не просто определяется нарастанием моральности общества, хотя в этом заключается его сущность, а зависит от природно-культурного взаимодействия, которое и становится содержанием процесса истории. Природа – это не абсолютно аморфное, податливое начало в этом взаимодействии. Ее влияние на культуру столь существенно, что именно от нее зависит состояние культуры на том или ином этапе исторического развития. В то же время активность во взаимодействии исходит от культуры. Весь процесс направляется имманентной сущностью общества (моральностью), от которой зависит поведение природного начала в его взаимодействии с культурой.

Указанное взаимодействие осуществляется на двух уровнях: на уровне индивида и на уровне всего человеческого рода. Этот процесс складывается из ряда эволюций: 1) эволюции природы; 2) эволюции природных способностей индивида; 3) морального эволюционирования общества и тесно с ним связанного морального развития индивида.

Из столкновения природного и культурного начал, полагал Кант, вытекают все действительные бедствия, угнетающие человека, и все пороки, оскверняющие его; между тем наклонности, ведущие к последним и считающиеся предосудительными, сами по себе хороши и как естественные способности целесообразны, но, будучи приурочены к чисто естественному состоянию, уродуются прогрессирующей культурой и в свою очередь оказывают вредное влияние на нравы, покуда совершенное искусство не отождествляется с природой, что и становится конечной целью нравственного движения человеческого рода. В этих словах Канта обобщено три закономерно осуществляющиеся периоды истории человечества: 1) естественное состояние; 2) состояние острого противоречия между природным и культурным началами; 3) состояние тождества природы и культуры. Каковы закономерности, на основании которых построена данная периодизация?

Первой такой закономерностью будет нарастание степени гуманизации исторического процесса, в ходе которого человек, вначале представляющий собой в основном средство истории, постепенно становится ее целью.

В соответствии с этим можно охарактеризовать три формы общественного состояния.

Первая: догуманистическое общество, во многих отношениях очень близкое к существованию животных; каждый член его по-

животному универсален и един с природой на основе чисто естественных связей; обладая разумом, человек здесь только учится им владеть.

Вторая: закономерность хода истории – это последовательное изменение типа общественно-культурных состояний. Согласно этой закономерности, т. е. те же три этапа развития общества характеризуются следующим образом: первый этап – доантагонистическое общество, в котором еще только происходит становление культуры (докультурное общество); людей еще мало, потребности их невелики, поэтому их интересы почти не сталкиваются и нравственное сознание почти бездействует; второй этап – антагонистическое общество, в котором культура прогрессирует как бы без плана, поскольку цели людей слишком разнообразны; «недостаточность слишком слабо развитой культуры» сталкивает природные интересы людей; столкновение людей при реализации своих целей заставляет их все больше уделять внимание таким целям, которые были бы и личными и одновременно целями других людей; третий этап – послеантагонистическое общество, для которого характерна сознательно управляемая и планируемая культура, здесь все люди руководствуются прежде всего моральными мотивами, поэтому учитывают и личные, и общественные потребности и находят целесообразные с общественной точки зрения способы их удовлетворения.

Третья: закономерность движения истории, по Канту, – изменение роли и формы государства в обществе. Функционирование культуры тесно связано с деятельностью государства, так как оно призвано обеспечивать борьбу с аморальным поведением, добиваться соответствия законам поведения граждан и постепенно обеспечивать господство морального поведения. На основе этой закономерности выделяются те же три периода, теперь обогащенные новой характеристикой. Это, во-первых, догосударственное состояние общества; во-вторых, сословно-иерархический государственный строй; в-третьих, справедливое гражданское устройство.

Кант рассматривал законы истории как общие для любого народа, ибо любой народ способен пройти путь от исходного до идеального состояния истории. Кант видел неравномерность движения народов по этому пути, что объясняется различием природных условий их существования. Но без периода антагонизмов люди не могут достичь достойного их, истинно человеческого существования, так как без столкновения их взаимодействия друг с другом они не могут освободиться

от тирании своих чувственных влечений. Рано или поздно все народы будут вовлечены в единый исторический поток, который принесет их к всеобщему благоденствию и вечному миру, если они ежечасно будут руководствоваться разумом, с помощью которого сумеют отличить свои «подлинные» цели от «извращенных».

Среди великих учений, ставших выдающимися приобретениями интеллектуальной биографии человечества, диалектический идеализм Гегеля занимает особое место. Он представляет собой величественный итог всего предыдущего развития философии. Учение Гегеля – наиболее развитая, энциклопедическая система идеализма.

Рассматривая вопрос о материи, он разграничивает конечную материю, отдельные вещи, движение которых вызывается внешним источником, и «свободную материю», обладающую имманентно присущим ей и поэтому «бесконечным в пределах своей сферы» движением. Это высказывание не означает, что Гегель признает онтологическую первичность материи: оно предполагает существование независимой от этой материи форму форм – духовное первоначало. Это означает, что материя созвучна духовному первоначалу, так как она представляет собой его внешнее выражение, в то время как это первоначало есть внутреннее субстанциальное содержание материи. Отсюда материя есть, в сущности, материал, посредством которого осуществляет себя внутренняя субстанция. Из этого вытекает также идеальность всего конечного, материального. «Эта идеальность конечного есть основное положение философии, и каждое подлинное философское учение есть поэтому идеализм», – полагал Гегель.

В основе философии Гегеля лежит учение о разуме. Понятие разума принадлежит к основным понятиям философии. Уже в древности философия понималась как рассмотрение мира с точки зрения разума, т. е. как разумное воззрение на действительность, которое качественно отличается и от мифологических представлений, и от убеждений обыденного сознания. Средневековье подчинило разум вере, философию – религии. Философия Нового времени провозглашает новое понятие разума, принципиально независимого от веры.

В учении Гегеля понятие разума приобретает универсальное значение: «Разум есть субстанция, а именно – то, благодаря чему и в чем вся действительность имеет свое бытие; разум есть бесконечная мощь, потому что разум не настолько бессилен, чтобы ограничиваться идеалом, долженствованием и существовать как нечто особенное, лишь вне дей-

ствительности, неведомо где, в головах некоторых людей. Разум есть бесконечное содержание, вся суть и истина, и он является для самого себя тем предметом, на обработку которого направлена его деятельность, потому что он не нуждается, подобно конечной деятельности, в условиях внешнего материала данных средств, из которых он извлекал бы содержание и объекты для своей деятельности»^{*}. Здесь выражена основополагающая формула абсолютного идеализма, согласно которой природа и все, что не есть мышление, оказывается лишь его, мышления, внешним, отчужденным выражением.

Признавая движение универсума, Гегель объявляет его источником разум, который «есть душа мира... его имманентная сущность, его подлиннейшая внутренняя природа, его всеобщее»^{**}. Основу гегелевской абсолютизации разума составляет принцип диалектического тождества бытия и мышления: мышление есть бытие, бытие есть мышление, но это тождество не имеет непосредственного характера. Сведение бытия к мышлению характеризуется Гегелем как объективный, совершающийся повсеместно процесс поступательного развития: одухотворенность бытия – генеральное направление всеобщего прогресса.

Самодеятельность разума внутри тождества мышления и бытия проявляется как отрицание. Правда, отрицание имеет своей предпосылкой нечто утверждаемое, иначе отрицание лишится предмета своего отрицания. Поэтому первый акт разума в любом познавательном процессе заключается в том, что он фиксирует наличное, имеющееся, выявляет отношения различия и сходства. В этом своем качестве разум представляет собой рассудок. Рассудок ограничен своей предметной областью, а также односторонне позитивным отношением к существующему. Он остается на уровне явлений, ему недоступно понимание того, что конечные вещи имеют, по мысли Гегеля, «основание своего бытия не в самих себе, а во всеобщей божественной идее». «Рассудок есть разум, фиксированный в своей субъективности и единичности. Иными словами, рассудок – просто отдельный мыслящий человеческий индивид, разум которого неизбежно ограничен. На языке Гегеля это значит, что рассудок находится в противоречии со своей сущностью – суверенным разумом».

^{*} Гегель Г.В.Ф. Философия истории. – Соч. – М.: Мысль, 1950. – Т. 8. – С. 10.

^{**} Гегель Г.В.Ф. Логика. – Соч. – М.: Мысль, 1929. – Т. 1. – С. 53.

Дух, который образует, по убеждению Гегеля, сущность природы, является также целью природы, и поэтому не только увенчивает иерархию природных сущностей, но и образует их первооснову. Таким образом, природное есть разумное, которое, однако, еще не осознает своей разумности и поэтому непосредственно выступает как ее отрицание. Между тем как разум знает себя, осознает себя как разум, это, следовательно, дух, постигающий самое себя. Переход к самосознающему духу, или разуму, и есть у Гегеля возвышение «абсолютной идеи», совершившей свое шествие через все многообразие природного, материального до «абсолютного духа», т. е. человечества.

Здесь важна идея не просто духа как субстанции, но субстанции развивающейся. Это значит, что духовное – по крайней мере в своей высшей форме – есть не исходный пункт развития мирового целого, а его высшее достижение. Гегель подчеркивает, что высшее есть результат всего исторического развития. Высшее здесь – это суверенный творческий разум человечества в полном объеме его всемирно-исторического развития. С этой точки зрения «абсолютная идея» есть бессознательное начало природы, начало, которое не существует вне природы. Гегелевское понимание развития как бесконечного процесса есть отрицание любых попыток истолковать какой-либо ее результат как окончательное завершение развития. «Истинное значение и революционный характер гегелевской философии, – писал Ф. Энгельс, – заключается в том, что она раз и навсегда покончила со всяким представлением об окончательном характере результатов человеческого мышления и действия».

Итак, разум в полном объеме своего развития есть субстанция, ставшая субъектом, самосознанием. У «абсолютного разума» есть конечные, отчужденные сферы существования: это природа, человеческий индивид или «субъективный дух», и общество или «объективный дух». Эти противоположности – индивид и общество – образуют единство: «абсолютный дух».

Человек рассматривается здесь как телесное, чувственное природное существо: он рождается, взрослеет и как взрослое человеческое существо стремится осуществить свои частные цели, которые порождены условиями его существования. Развитие индивидуального заключается, по Гегелю, в преодолении его отчуждения от всеобщего, в возвышении индивидуального до социального.

Истиной субъективного духа, т. е. отдельного индивида, является объективный дух (общество) не только потому, что человек – существо общественное, но прежде всего потому, что вместе с отрицанием ограниченности индивидуального человеческого бытия разум выходит на простор неограниченного во времени и в пространстве свободного развития. Разум как «объективный дух» – это общественно-исторический процесс, прогресс в осознании своей сущности, достижение все более адекватных разумной природе человека государственно-правовых форм и экономических порядков («гражданское общество»).

Абсолютное знание, которым, согласно Гегелю, завершается исторический процесс, не следует понимать так, будто достигнута наконец та ступень, когда все уже познано, и науке, в сущности, нечего делать. Абсолютное знание, по Гегелю, есть постижение абсолютного, т. е. познание разумом своей собственной сущности, и притом как сущности всего существующего. Абсолютное знание осуществляется в человеческом познании, так как «абсолютный разум, по Гегелю, это совокупный разум человечества, его беспредельно развивающееся деятельное познание, преобразующее неразумное в разумное, которое, однако, должно быть, в свою очередь, превзойдено более разумным».

Гегелю, в отличие от рационалистов XVII века и представителей Просвещения XVIII века, не была свойственна некритическая вера в разум. Главное в его понимании разума – принцип развития, противоречия, отрицания – есть, по существу, позитивная критика исторического разума, которая в отличие от кантовской критики обосновывает объективную закономерность развития, закономерность познания его законов, необходимость овладения ими и возможность разумного преобразования мира.

Главная категория диалектической теории Гегеля – противоречие, которое вездесуще и является «корнем» всякого движения и жизни. Известно, что в мире существуют самые разнообразные предметы с самыми различными свойствами, чертами, сторонами. Среди них имеются такие, которые мы называем противоположностями. Простейшие их примеры – пары день–ночь, левый–правый, верх–низ, север–юг и пр. Противоположные стороны, с одной стороны, резко отличаются друг от друга по своим признакам, но, с другой, – противоположности – это такие явления, которые не могут существовать друг без друга. Противоположности носят всеобщий характер, они присущи

всем явлениям действительности, как материальной, так и духовной (ложь—правда, истина—заблуждение, добро—зло).

В то же время всякая противоположность означает сторону противоречия. Противоречия – это отношения между противоположными сторонами внутри явления или между явлениями. Каждая из противоположностей воплощает какую-то тенденцию: плюс или минус, вычитание или сложение, действие или противодействие. И поскольку эти противоположные тенденции находятся в единстве, совмещаются в одном явлении, то они ведут между собой борьбу. Например, между частицами атома и внутри его ядра действуют силы притяжения и отталкивания; взаимодействие этих противоположных сил обуславливает процессы, протекающие внутри атомов и ядер. Таким образом, противоречие разрешается путем борьбы противоположностей, что означает уничтожение старого качества и возникновение нового.

Гегель убедительно показал, что противоречие невозможно законсервировать, каждое противоречие должно быть разрешено диалектическим образом. Однако сам Гегель нередко истолковывал разрешение противоречий как примирение сторон. В противоречии, писал он, «каждая сторона такова, что ее можно одинаково брать и как положительную, и как отрицательную». Здесь выступает абсолютизация Гегелем принципа симметрии как обоснования примирения противоположностей.

Однако в действительности и в познании принцип симметрии никогда не реализуется во всей полноте. Не существует полной симметрии между той ролью, которую играют в строении материи позитроны и электроны, протоны и антипротоны, симметрия вообще отсутствует между веществом и антивеществом в нашем мире. Это было бы опровергнуто, если бы удалось установить наличие во Вселенной, причем в достаточном количестве, миров, которые бы полностью состояли из антивещества. Но в космосе не найдено ни отдельных тяжелых антиядер, ни антивещественных галактик. Если обратиться к социальному миру, мы также видим отсутствие «симметричности» в функциях и судьбах социальных сил, участвующих в общественно-историческом процессе.

Однако именно Гегель показал, что прогрессивное развитие природы и общества в целом происходит по «принципу эстафеты»: ранее подготовленный качественно новый, более высокий уровень развития, а значит, и присущие ему движущие противоречия, становятся цен-

тром и ведущей силой дальнейшего развития, передавая в последующем эту двигательную роль более высокому уровню и присущим ему противоречиям. Он показал, что движение (изменение) и самопротиворечие неразрывны, ибо противоречивость вещей и процессов есть всеобщая движущая сила.

Выражением гегелевского принципа диалектического тождества бытия и мышления была идея примирения сознания с действительностью. Правда, действительность трактуется Гегелем как в принципе отличное от просто существующего, как безусловно необходимое в отличие от случайного, которого могло и не быть. Такое разграничение призвано предотвратить бездумную апологию сложившегося порядка. И тем не менее здесь проявляется консервативная сторона его системы, которая теоретически предопределена его абсолютным идеализмом, согласно которому все, что совершается в эмпирической истории человечества, уже осуществлено (идеальным образом) во вневременном бытии «абсолютной идеи».

Однако поскольку действительность рассматривается Гегелем как развивающаяся, то и примирение с действительностью следует понимать как примирение с развивающейся действительностью. А поскольку развитие понимается Гегелем как переход от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному, то речь идет о примирении с необходимым и спонтанно совершающимся прогрессом. Примириться с действительностью, с этой точки зрения, – значит не противиться объективному ходу событий, не препятствовать закономерному процессу развития своими субъективными пристрастиями и предубеждениями.

Согласно Канту, долженствование специфическим образом характеризует человека как свободное существо и общество как результат взаимодействия человеческих индивидов. К природе, по Канту, понятие долженствования неприменимо. Поэтому, с точки зрения Канта, прогресс человечества немыслим без осознания противоположности должного существу (тому, что существует в настоящее время), без их противопоставления, без преодоления противоположности между ними.

Гегель в своем понимании прогресса человечества исходит из представления об имманентном, обусловленном «абсолютной идеей», развитии, каждая ступень которого логически вытекает из предыдущей ступени. Поэтому Гегель развивает свое понимание долженствования,

смысл которого состоит в преодолении противоположности между должным и сущим в процессе становления и развития социальной реальности. «Гегель, следовательно, рассматривает должное как обусловленную процессом развития реализацию внутренне присущего процессу развития высшего начала, которое становится результатом развития именно потому, что оно изначально... наличествовало в этом процессе. С этой точки зрения то, что должно быть, уже есть, правда, не как завершенное целое, а как его становление. Тем самым как бы преодолевается противоположность между долженствованием и существованием, ибо о должном уже нельзя сказать, что оно не есть и представляет собой лишь априорное требование чистого практического разума».

Категорический императив Канта – это определение должного как нравственного идеала, полное осуществление которого не достижимо. Однако, согласно Канту, любое приближение к этому идеалу возможно. Это значит, что человек способен руководствоваться в своих поступках нравственным законом, т. е. превращать этот закон в определяющий мотив своего поведения. И если какой-либо человек уклоняется от выполнения категорического императива, то причина этого – его личный произвол, а не обстоятельства, которые не зависят от его сознания и воли. Без этого была бы невозможна ответственность человека за свои поступки. Отсюда ясно, что Кант обосновывает реальную возможность и даже необходимость превращения существующего в *должное*, так как объективные, независимые от сознания людей механизмы развития создаются самими людьми.

Гегель продолжает обосновывать понимание должного как осуществляющегося путем развития противоречий, независимых от сознания и воли людей, хотя и созданных их деятельностью. Это понимание должного становится у Гегеля неотъемлемым элементом теории развития человека и общества. Его теория развития носит телеологический характер (телеология – учение, согласно которому всякое развитие является осуществлением заранее предопределенной цели). Гегель выступает против упрощенного телеологического истолкования природы, по которому виноградная лоза произрастает для того, чтобы было из чего делать вино, а пробковый дуб – чтобы делать из него пробки для затыкания бутылок с вином. Согласно его пониманию отношение целесообразности внутренне присуще процессу развития – безотноси-

тельно к тому, как этот процесс может быть использован человеком (или не использован вообще).

Эта имманентная телеология толкует превращение возможности в действительность как осуществление цели, заложенной в начале каждого процесса развития. Но в реальности существует не одна, а несколько возможностей. По Гегелю, действительностью становится определенная возможность – реальная, благодаря наличию соответствующих условий, а также благодаря деятельности, реализующей эту возможность. А поскольку речь идет о человеческой – целеполагающей и целесообразной – деятельности, посредством которой осуществляется развитие, этот процесс характеризуется Гегелем как становление *должного*.

Гегель, как и Кант, связывает понятие долженствования не с независимой от человека природой, а именно с природой человека и общества. В этой сфере, которая в отличие от внешней природы образует специфическую, человеческую реальность, «необходимость не существует сама по себе, она предполагает свою противоположность – свободу как субстанциальное определение духа, необходимость содержится внутри свободы, порождается ею». И это не парадокс: ведь обстоятельства лишь в той мере определяют людей, в какой люди творят эти обстоятельства. Объективные условия, определяющие развитие общества, создаются самим обществом, людьми. Поэтому философию Гегеля можно охарактеризовать как философию свободы: «Субстанцией, сущностью духа является свобода»; сама всемирная история «есть не что иное, как развитие понятия свободы», а прогресс в истории есть прогресс «в сознании свободы».

Для предшественников Гегеля необходимость имеет значение непреложной реальности. Чем больше человек углубляется в познание природы, тем более реальной и непреерекаемой становится для его сознания властвующая над природой необходимость. Свобода ничего не изменяет в необходимости, не нарушает и не может нарушить ее поток. Для Гегеля свобода – в развитии мира. Мир есть история духа, и в этой истории свободе предстоит одержать победу над необходимостью. Свобода и необходимость – это не различные стороны действительности, это скорее ступени ее развития. Один и тот же дух лежит в основе как необходимости, так и свободы. «Но этот дух в случае необходимости находится на низшей ступени своего развития. Это – ступень, когда разум не возвышается еще над познанием бытия конечного

и единичного... Истинный генезис познания предполагает возвышение над необходимостью и переход от сферы необходимости в сферу свободы...».

Гегель выдвигает тезис: свобода – это воля. «Индивид есть родовое существо, которое как персонификация (лат. – олицетворение) человечества является воплощением субстанциального духа, но как конечное, смертное существо оказывается преходящим его моментом. Так возникает коллизия субъективной, эмпирической воли и воли всеобщей, субстанциальной. Эта коллизия составляет существенное содержание истории человечества, в ходе которой эти противоположности претерпевают изменения и в конечном итоге достигают органического взаимопроникновения, что, однако, не устраняет первоначального противоречия». Таким образом, проблема свободы непосредственно связывается у Гегеля с историей человечества, понимаемой как противоречивый, но вместе с тем неостановимый прогресс, и благодаря этому становится историей прогрессирующего освобождения человека.

Кант, объявив свободу безусловной противоположностью природе, неизбежно должен был прийти к выводу, что человек свободен лишь как трансцендентальный субъект, т. е. свободен в меру своей независимости от эмпирического существования, полностью подчиненного необходимой связи событий. Поэтому, по Канту, свобода возможна лишь как независимость от необходимости. Гегель, критикуя Канта, отмечает, что тот считал природу подчиненной необходимости, а дух – свободным. Это воззрение, считает Гегель, фиксирует отношение, существующее в мире явлений, оно ошибочно противопоставляет свободу необходимости. Существует лишь одно абсолютное – дух, свобода является его субстанцией, сущностью. Следовательно, свобода – это абсолютное, а необходимость – относительное; иначе говоря, свобода первична, а необходимость вторична, производна. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы вывести из изначальной, абсолютной свободы существование не свободных, а необходимых реальностей: необходимость должна возникнуть из свободы.

Поскольку тождество бытия и мышления есть отношение, предполагающее наличие в мышлении его собственной противоположности, т. е. того, что не есть мышление, а именно – природа. Природа есть бытие «абсолютной идеи», но только внешнее, отчужденное, несвободное существование этой идеи. Природа внутри себя духовна, но присущий ей дух еще не осознал свою сущность, свободу. Именно по-

этому в природе господствует необходимость. Иерархия природных явлений – от механических процессов до жизни – рассматривается Гегелем как процесс поэтапного обнаружения духовности природы, становление свободы.

Высшая ступень развития природных явлений – человек, который есть возвышение необходимости до своей внутренней сущности – свободы. Свобода, по Гегелю, – это основное определение природы человека. Но поскольку человек поступает соответственно своим чувственным побуждениям, он не свободен, а подчинен природе, необходимости. Таким образом, человек, с одной стороны, противостоит природе, как «сверхприродное», отличное от всего живого существо, а с другой, – он все же остается природным существом.

Если у Канта двойственность человеческой природы обусловлена тем, что человек есть и эмпирический субъект, и «вещь в себе», неподвластная времени и пространству, то в учении Гегеля надэмпирическую сущность человека образует его принадлежность к человеческому роду, т. е. социальная сущность человеческого. У Канта противоположность между чувственностью и сверхчувственным субъектом выступает как статическое состояние, «фиксируется в своей по существу трагической непреодолимости, вследствие чего нравственный закон, да и сама свобода фактически остаются лишь долженствованием». У Гегеля противоположность между человеческим индивидом и обществом, человечеством преодолевается в процессе образования и развития личности, и свобода осуществляется не только посредством действий индивида, но и внутри исторически определенного общественного состояния.

Кант пытается решить проблему свободы путем рассмотрения природы отдельного человека. Гегель рассматривает проблему свободы прежде всего как проблему общественного строя и именно поэтому трактует всемирную историю как поступательное развитие свободы.

Однако Гегель вовсе не утверждает, что человек свободен непосредственно. Свобода – это сущность духа, но человек – не только духовное, но и телесное существо, подчиненное законам природы. Чтобы стать свободным, необходимо преодолеть свою природную ограниченность. Эта задача неразрешима для отдельного человеческого существа хотя бы потому, что он смертен; она разрешается человечеством, которое свободно от природной ограниченности индивида. Таким образом Гегель приходит к важнейшему в рамках своей системы вы-

воду: «Человеческая сущность исторически становится действительностью, развитие свободы – основная характеристика каждой исторической эпохи».

В рабовладельческом обществе раб не свободен вопреки своей человеческой природе. Но то, что делает его рабом, есть не следствие внешних обстоятельств, а следствие неразвитости его человеческой природы. Человек, утверждает Гегель, становится рабом лишь потому, что он предпочитает свободе жизнь, пусть и в рабском состоянии (тогда как некоторые индивиды, такие, как Спартак, Эзоп и другие, предпочитают свободу жизни, т. е. погибают ради свободы). Иначе говоря, Гегель объясняет несвободу человека в античном обществе и в восточных деспотиях, а также в средневековье тем, что человек еще не познал своей сущности, не осознал себя как существо, которое по природе своей не может, не должно быть несвободным.

Речь идет не о субъективном незнании, когда одни люди не знают того, что знают другие, т. е. не знают по своей вине и вследствие этого терпят ущерб. Гегель имеет в виду незнание историческое, объективно обусловленное, которого еще не могло быть, – как не могло быть ядерной физики в XVIII веке. Такое незнание так же, как и знание, не может быть поставлено в вину или заслугу отдельным индивидам. «С этой точки зрения раб, не постигший своей субстанциальной природы должен быть понят как продукт определенной системы общественных отношений, а не просто как индивид, которому в отличие от других не хватает сознания своей собственной сущности».

Переходя к гегелевской концепции личности, можно утверждать, что личность для Гегеля – «индивидуализированное бытие свободы». Искания Гегеля ориентированы на поиски внутренней, необходимой связи между «я» и социумом, форм их взаимодействия. Личность для Гегеля – это и наиболее адекватное выражение сущности человека, его самосозидания; и исторически конкретное явление человеческого рода; и сохраняющаяся в изменениях неповторимость самосознательного существа.

Личность как самосозидание начинается со свободы и существует, пока свободна. Свобода здесь рассматривается прежде всего как саморазвитие, как реализация внутренней необходимости. Нет другого конечного существования, в котором саморазвитие присутствовало бы столь же полно, как в личности. В этом отношении Гегель ставит личность рядом с мировым разумом и абсолютным духом. В его понима-

нии свободы личности акцент делается не на сознании, а на делании свободы. «Свободный человек есть круг его самостоятельных действий, реализующих его собственную, внутреннюю необходимость».

В человеке Гегель различает индивидное, индивидуальное и личностное. Человек вне общественных связей – лишь биологический индивид. Индивидуальность же – это общественная неповторимость в отличие от биологической уникальности человека. Индивидуальность формируется социальной средой. Личность можно понять только на основе изучения самостоятельности человека. Индивидное и индивидуальное предзаданы человеку (первое – предками, второе – социальной средой), личностью человек может стать только сам. В становлении и развитии личности решающую роль играет, по убеждению Гегеля, не биологическая природа человека, а самоактивность, самотворчество, самоконтроль человека.

Личность творится индивидуально, неповторимо во взаимодействии с обществом. При этом общество выступает для личности не средой (как для формирующейся индивидуальности), а объектом и средством деятельности: «Обстоятельства или мотивы господствуют над человеком лишь в той мере, в какой он сам позволяет им это»*. Обновление, изменение социальной среды никогда автоматически не ведет к обновлению человека, последнее всегда требует самостоятельных «самопреобразовательных» усилий. И индивидуальность, и личность не объяснить без привлечения понятия «субъективность». Она понимается Гегелем как «спонтанность» (самообусловленность) движения и развития, но не как нечто абсолютно противоположное объективности**. Это, по Гегелю, есть активность или деятельность по превращению одного бытия в другое (преобразование бытия) и результат этой деятельности. Не приспособление к бытию, а его диалектическое отрицание, преобразование – путь развития отдельной личности и прогресса в истории.

Отсюда вытекает, что деятельность – это субстанция человека: «Понять деятельность как субстанцию – значит, понять человека как целостное саморазвивающееся существо, в единстве всех его способностей». Это значит, далее, понять деятельность как родовую характе-

* Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика //Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. – М.: Мысль, 1971. – Т. 2. – С. 26.

** Там же. – С. 117.

ристику человека, отличающую его от животного, от природы вообще. Причем главной характеристикой деятельности выступает, по Гегелю, универсальность, в которой и проходит четкая граница между жизнедеятельностью животного и деятельностью человека; именно универсальность, способность к универсальной деятельности выявляет в человеке его внеприродность.

Итак, личность есть *бытие-в-деятельности*. С прекращением деятельности прекращает существовать и личность. Истинная личность всегда не завершена, это ощущается ею как недостаток, хотя это ее величайшее преимущество перед всеми другими существами. Она пытается устранить этот недостаток деятельностью. Как только личность уверует в свою совершенность и завершенность – она конечная личность: «Когда это произошло, деятельность и жизнедеятельность исчезают и наступающая затем незаинтересованность есть духовная и физическая смерть». Такого не происходит, когда активность личности связана с интересами, которые невозможно удовлетворить полностью, сколько бы она ни действовала, т. е. с интересами субстанциальными, существенными для развития личности и общества одновременно.

Учение Гегеля о человеке есть учение о становлении человечности в человеческой особи, поскольку человек не рождается членом общества, а становится им в результате индивидуального и общественного развития. «По природе человек не таков, – рассуждает Гегель, – каким он должен быть, лишь благодаря процессу преобразования он доходит до истины». Истина здесь понимается не просто как знание, правильное представление, а как «постижение и тем самым самоутверждение подлинно человеческой сущности, которая первоначально наличествует лишь «в себе», т. е. еще в неосуществленной форме, а только благодаря воспитанию и самодеятельности индивида в рамках установившегося в обществе образа жизни становится истинно человеческим бытием, сущность которого образует свобода, как позитивное, диалектическое снятие произвола».

Другой выдающийся немецкий философ Фейербах, характеризуя свои сочинения, считал, что все они имеют одну цель, одну волю и мысль, одну тему: «Эта тема есть именно религия и теология и все, что с ними связано»*. Борьба с религиозным мировоззрением была главным делом всей жизни Фейербаха. Эта борьба была следствием глубо-

* Быховский Б.Э. Фейербах. – М.: Мысль, 1967. – С. 55.

кого убеждения в том, что ничто не оказывает столь пагубного действия на его современников, ничто так не препятствует человеческому счастью, как вера в бога. «Вот почему моральной необходимостью, священным долгом человека является целиком подчинить власти разума темную, боящуюся света сущность религии...».

Чтобы понять такую направленность деятельности Фейербаха, следует отметить, что в условиях сохранения феодальных пережитков в немецких государствах того времени религия оставалась доминирующей формой идеологии. Если философия овладевала умами незначительной прослойки интеллигенции, то христианская религия имела универсальное влияние. В центре идеологической борьбы против феодальных отношений стоял тогда вопрос о размежевании слепой веры и зрячего разума. Философские теории, этические учения, вся система образования, нравы и обычаи находились под влиянием религии, закреплялись и охранялись ею. «Наши религиозные учения и обычаи, – писал Фейербах, – находятся в величайшем антагонизме с нашей современной духовной и материальной точкой зрения... Устранение этого противоречия есть необходимое условие возрождения человечества... Новое время нуждается в новом воззрении, в новых взглядах на первые элементы и основы человеческого существования...».

Фейербах разошелся с гегелевской философией религии. По Гегелю, есть различные религии и философии не по содержанию, но по форме: та истина, которая выражена в религии в форме чувственных образов, в философии выражается более адекватно – в форме понятий. Иначе говоря, философия выступает не антиподом религии, но ее усовершенствованием. Напротив, для Фейербаха само содержание религии несовместимо с разумом, враждебно полноценному теоретическому мышлению. «У Гегеля философия рационализирует религию: у Фейербаха философия обязывает к отказу от религии».

Фейербах стремится выявить корни христианской религии и религиозности вообще. Он не отрицает доводов французских атеистов о связи религиозных верований с невежеством, но одной ссылки на невежество недостаточно для объяснения корней и роли религии. Отсутствие знаний, неспособность понять законы природы – лишь «отрицательная теоретическая причина или, по крайней мере, предпосылка всех богов...». Для уяснения сути дела ее следует дополнить положительной причиной, порождающей и воспроизводящей религиозные верования на протяжении столетий. Другими словами, «миф о том, как

бог создал человека, должен быть заменен достоверным знанием о том, как человек создал бога».

Разгадку веры, с точки зрения Фейербаха, следует искать в глубинах человеческой психики, следует понять особенности психического состояния человека, нуждающегося в религиозных иллюзиях. Для этого необходимо познание природы человека в целом: «только антропология является ключом к скрытым тайникам религии».

Главным отличием атеизма Фейербаха от атеизма французских энциклопедистов является перенесение центра тяжести при исследовании корней религии из рациональной сферы в эмоциональную, выдвижение на передний план не рассудочных, а чувственных оснований веры в бога: «Чувство – вот главное в религии», – полагал Фейербах. Первопричина существования богов – желание. Человек – это прежде всего не созерцающее мир, не познающее существо, а существо, живущее в этом мире, удовлетворяющее свои потребности или стремящееся их удовлетворить.

То, что именуют «религиозным чувством», в действительности имеет производный характер по отношению к другим чувствам, и прежде всего к чувству зависимости, которое и составляет основу, сущность всякой религии. Человек на протяжении всей истории чувствовал свою ограниченность, конечность, беспомощность, бессилие по отношению к неподвластным ему силам, которые определяют его возможности и само его существование. Первое, по отношению к чему он ощущал свою зависимость, – природа. Самосохранение человека, его питание, его здоровье были не в его власти, а во власти природы, которая угрожала ему, была полна неожиданностей, опасностей и в то же время щедрот.

Это чувство зависимости неверно сводить к чувству страха. Конечно, страх перед грозным явлением и связанная с ним неизвестность – неотъемлемый элемент чувства зависимости, но не единственный. Чувство зависимости включает в себя также и надежду освобождения от опасности, благодарность, восторг, преклонение. Это чувство предполагает сознание не только реальной, но и воображаемой, мнимой зависимости. Иначе говоря, чувство зависимости универсально, оно объединяет все стороны и оттенки переживаний, обусловивших религиозную веру. Предмет, являющийся источником зависимости, становится объектом религиозного почитания. И поскольку первый такой предмет – природа, то она и становится первым объектом обожествле-

ния. В богов, властителей человеческой судьбы, превращаются те силы, от которых зависят жизнь и смерть, здоровье и болезнь, насыщение и голод. А так как в зависимости от естественных и исторических условий в различной среде и на разных этапах разные конкретные силы и явления природы оказывают господствующее влияние на человеческие судьбы, то «не природа вообще, а природа данной страны составляет предмет религиозного почитания, ибо только данной стране обязан я своей жизнью, своим существом», – полагал Фейербах.

Но чувство зависимости предполагает наличие человеческих потребностей, требующих своего удовлетворения. При всем разнообразии и изменчивости человеческих потребностей их можно в конечном счете свести к одной: стремление к счастью, что бы под ним ни подразумевалось. Чувство зависимости связано с тем, что может дать и отнять счастье, оно «есть выражение стремления человека освободиться от бед, которые у него есть или которых он опасается, и получить то добро, которое он желает...». Именно из этого стремления к недостижимой цели возникает чувство зависимости, воплощаемое в религиозной вере.

Когда нет средств и сил преодолеть нужду, удовлетворить свои потребности, на помощь приходит фантазия: бессилие находит утешение в иллюзии. Боги должны сделать то, чего не в силах сделать сам человек. Недостижимое блаженство здесь переносится в безграничное царство воображения. Отсюда та огромная роль, которую играет в каждой религии чудо. В понятии чуда сплетаются воедино невежество, потребность, бессилие и воображение. Чудо есть отрицание законов природы, отрицание возможности человеком постичь порядок Вселенной. Вместе с тем вера в чудо – это неверие в свои силы, возможности.

Из всех чудес самое чудесное – бессмертие, загробная жизнь, которую сулит религия. Ни в чем с такой силой не испытывает человек свою ограниченность, свое бессилие, как в сознании неизбежности смерти. И труднее всего ему примириться именно с этой неизбежностью. Вот почему из всех религиозных иллюзий самая властная – иллюзия бессмертия, воображаемое преодоление конечности человеческого бытия. Вот почему, по мысли Фейербаха, «бессмертие обычно и с полным правом образует главную составную часть религии и философии религии...». Фейербах стремится доказать, что человек «не потому верит в бессмертие, что верит в бога, но он верит в бога потому,

что верит в бессмертие, потому что без веры в бога нельзя обосновать веру в бессмертие», в которое он так страстно хочет верить.

Фейербах рассматривает гносеологические корни этого процесса: «Человек при помощи своей способности к абстракции извлекает из природы, из действительности то, что подобно, равно в предметах, общее им, отделяет это от предметов, друг другу подобных или имеющих одинаковую сущность, и превращает, в отличие от них, в качестве самостоятельного существа в их сущность». Когда продукт абстракции, заимствованный из природы или из самого человека, превращается воображением в особое, самостоятельное существо, – это и есть гносеологический механизм образования идеи бога. Дух – это свойство, способность, деятельность самого человека. Но дух, отделенный от тела и освобожденный от его конечности и ограниченности, превращается верующим в существо предметное, вне его существующее, от него отличное и являющееся для него первопричиной мира и самого человека.

Но Фейербах не ограничился анализом гносеологических корней религиозной веры, он попытался понять не только теоретические, но и практические корни религии: «... первое, из практики, из жизни почерпнутое определение бога состоит в том, что бог есть то, в чем человек нуждается для своего существования, ибо это физическое существование есть основа его существования духовного...».

Фейербах прекрасно понимал иллюзорность религиозного решения поставленных верующим задач. Ведь религия претендует на осуществление естественных желаний человека сверхъестественным путем. В ответ на стремление к иной, лучшей жизни она обещает человеку потусторонний мир и этим лишает его надежды на удовлетворение стремления к счастью в этом мире, расслабляя его волю к борьбе за достижение земного счастья, за приведение мира в соответствие с человеческими потребностями и идеалами. И в этом, считает Фейербах, главный вред религии: она учит страдать, терпеть, ожидать в надежде на царство небесное, она по самому своему существу является силой инерции, консерватизма: «Все оставить таким, каково оно есть, – вот необходимый вывод из веры в то, что бог правит миром, что все происходит и существует по воле божьей». Он вскрывает социальную функцию религии, утверждая, что вера вытесняет мысль о средствах устранения существующего зла.

Если вера закрепляет чувство зависимости, основывается на нем, то для избавления от религии необходимо приобрести чувство независимости, осознать, что «судьба человечества зависит не от существа вне его или над ним стоящего, а от него самого». Атеистическое мировоззрение Фейербаха имеет не просто негативный характер, а позитивный, выступая как утверждение, реабилитация природы и человека, его достоинства и реальных возможностей. «Я отрицаю бога, – пишет он, – это значит у меня: я отрицаю отрицание человека».

Однако свою критику религии Фейербах расценивал как реформу сознания, как психотерапию. Он сосредоточил внимание на освобождении человека от чувства зависимости, а не от самой зависимости, которая является зависимостью не только от природы, но и от социальной системы.

Поворотным пунктом в духовной эволюции Фейербаха был его разрыв с гегельянством и переход на позиции философского материализма. В тогдашних немецких условиях это было настоящим подвигом, требующим решительности, отваги и глубокого ума. Это было подвигом, потому что борьбу за материализм ему приходилось вести против немецкого классического идеализма, наиболее совершенной формы идеализма. В этой борьбе с идеализмом решающую роль сыграла борьба Фейербаха с религией. Сам Фейербах заявлял, что абсолютный идеализм есть теология, превращенная в логику, что гегелевский «абсолютный дух» – не более, как раздуваемый им угасающий дух богословия, и последовательный отказ от богословия требует также отказа от стремящегося его сохранить абсолютного идеализма.

Фейербах требует порвать связь философии с религией и противопоставляет этой связи связь философии с наукой, естествознанием, его «абсолютное» – синоним природы. Основной порок идеализма Гегеля он видит в отождествлении бытия с мышлением. Но такое тождество есть не что иное, по его мнению, как тождество мышления с самим собой, а акт мышления и мыслимый объект в равной мере принадлежат к сфере мышления, и таким образом мы не выходим за пределы идеального, не допускаем ничего вне и независимо от мысли. В этом случае бытие, действительность подменяется понятием бытия. Но мыслимое бытие или понятие бытия не есть действительное бытие – таков основной принцип, противопоставляемый Фейербахом идеализму. Нечто есть, существует, обладает бытием – это значит, что оно

причастно не только к мышлению. «Образ этого бытия вне мышления – материя, субстрат реальности», которая первична.

В действительности мышление есть свойство, деятельность мыслящего существа: «Я мыслю». Мыслит человек, а не разум сам по себе, вне человека, независимый от человеческого бытия – человек – разумное существо, но разум не более как химера идеализма. Но если, продолжает он, философия должна исходить из бытия, а не из понятия бытия, то она должна исходить из единичного, а не из всеобщего, ибо реальное бытие – всегда конечное, определенное бытие, а не бытие «вообще». Поэтому началом философии «является не бог, не абсолют, не бытие в качестве предиката (логическое сказуемое, то, что в суждении высказывается о предмете суждения) абсолюта или идеи – началом философии является конечное, определенное, реальное».

Опровержение идеализма не приводит Фейербаха к мысли о том, что коль скоро бытие не есть мышление, значит мышление есть то, чего нет в бытии: нет, мышление есть, следовательно, возникает необходимость понять мышление как проявление бытия, уяснить характер его единства с бытием.

Бытие универсально и вездесуще, мышление же – принадлежность только определенного бытия – бытия мыслящих существ, т. е. человеческого бытия. Душа, сознание, мышление не есть нечто самостоятельное, существующее независимо от тела.

В центре философии Фейербаха стоит человек, которого он считает не только основным предметом и конечной целью философии, но и мерилom всего сущего. Человек понимается им строго материалистически, он постоянно подчеркивает телесную природу человека. Он сам называл свою философию антропологическим материализмом, который неразрывно связан с естествознанием. В акцентировании этой связи сказывается ограниченность его материализма, для которого лишь одна природа – основание человека, и законы человеческого бытия исчерпываются законами природы. В этом материализме отсутствует переход от явлений природы к социальным явлениям и пропадает качественная граница между закономерностями природы и общества. Антропологический материализм неизбежно перерастает в исторический идеализм, поскольку он выводит формы общественного сознания не из общественного бытия, а из психофизиологической «природы человека».

Трудности здесь начинаются тогда, когда возникает вопрос о понимании человека во всем его качественном отличии – не как одного из многих естественных предметов, а как единственного известного нам общественного существа. Здесь антропология неизбежно должна перерасти в социологию – в учение о законах социального бытия как особой, общественной формы движения и развития с иными, только ей присущими стимулами и регуляторами.

Для Фейербаха человек – это субъект потребностей, потребитель. Отсюда открывается возможность перехода к пониманию общества как системы удовлетворения потребностей. Но главным элементом его антропологизма является ни общество как целостность, ни изолированное «Я». Таким первоэлементом для него выступает индивидуальная связь между «Я» и «ТЫ». При этом само понятие Я мыслится зависимым от общения и различения с ТЫ. И «Я», и «ТЫ» – это для Фейербаха функции коммуникации и они не существуют вне ее: «Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в опирающемся на реальность различии между Я и ТЫ». Свое антропологическое построение Фейербах заключает словами: «Величайшим и последним принципом философии является поэтому единство человека с человеком. Все существенные отношения, принципы различных наук – это только различные виды и формы этого единства».

Общение между «Я» и «ТЫ» – это отношение между отдельными индивидами, совокупность таких отношений образует, по Фейербаху, общество, которое производно от совокупности этих двойственных ячеек. Такой подход не дает доступа к познанию общественных закономерностей, которые несводимы к законам индивидуального общения двух индивидов. Отсюда и практические устремления его антропологизма: нравственное усовершенствование.

Это направляет внимание Фейербаха в сферу воли. Он считает, что в основе всего поведения человека, в том числе и нравственного, лежат акты воли: «Интимнейшую сущность человека выражает не положение: «я мыслю, следовательно, я существую», а положение: «я хочу, следовательно, я существую». Воля понимается им не как независимое от материального мира духовное начало, а как функция телесного организма: «Воля «сама по себе», «чистая» воля без своего физического, материального носителя, «без тела, без жизни» – ничто». Поэтому во-

ля – «дочь времени», подверженная изменчивости: «Каждый новый период жизни приносит с собой новый материал и новую волю».

Важный аспект философии Фейербаха – его критика механистического детерминизма с его абсолютной необходимостью, граничащей с фатализмом. Он обращает внимание на множественность взаимодействующих волевых стимулов и побуждений и сложное, многозначное опосредствование волевых актов: «Ни одно человеческое действие не случается, конечно, с безусловной, абсолютной необходимостью, ибо между началом и концом, между чистой мыслью и самим действием может еще выступить во мне бесчисленное количество посредствующих звеньев...». Он вводит понятие «свободной необходимости» в отличие от необходимости несвободной. Свобода понимается им как необходимость «внутренняя, добровольная, желанная, тождественная с моим Я».

Но проблема свободы воли имеет и другую сторону. Это вопрос о достигаемости стремлений, о том, насколько свободен человек в осуществлении своих побуждений. В этом смысле Фейербах считает, что воля не свободна, но хочет быть свободной; что одного внутреннего волеизъявления, каким бы решительным оно ни было, недостаточно для свободы, ибо воля без реальных возможностей ее воплощения бессильна. Он соглашается со Спинозой, что «над природой можно господствовать только путем повиновения ей». Речь у него идет о господстве человека над собственной чувственной природой при помощи чувственных средств.

Основной элемент этики Фейербаха – признание стремления к счастью связующим звеном между склонностью и долгом. «Воля» и «воля к счастью» для него синонимы, и воля эта неискоренима. Она заложена в самой сущности, природе человека и не во власти человеческой воли не желать быть счастливым. Его «я хочу, следовательно, я существую» раскрывается как «быть – значит хотеть быть счастливым».

Но как же, ставит Фейербах вопрос, «приходит человек, исходя из своего эгоистического стремления к счастью, к признанию обязанностей по отношению к другим людям?» Иными словами, где источник морали человека? Для возникновения морали, по его мнению, требуются по меньшей мере два человека; из одного только «Я», вопреки Канту, мораль вывести нельзя. «Мораль индивида, мыслимого как существующего самого по себе, – это пустая фикция. Там, где вне «Я» нет никакого другого «Ты», нет другого человека, там нет и речи о

морали; только общественный человек является человеком». Мораль, полагает Фейербах, не знает собственного счастья без счастья чужого, не знает и не хочет никакого изолированного счастья, независимого от счастья других людей или сознательно и намеренно основанного на их несчастьи: она знает только товарищеское, общее счастье. «Вся дедукция Фейербаха по вопросу об отношении людей друг к другу, – писал К. Маркс, – направлена лишь к тому, чтобы доказать, что люди нуждаются и всегда нуждались друг в друге. Он хочет укрепить сознание этого факта, хочет... добиться только правильного осознания существующего факта, тогда как задача... состоит в том, чтобы низвергнуть это существующее».

Ф. Энгельс справедливо упрекал этику Фейербаха в недиалектичности, так как она «скроена для всех времен, для всех народов, для всех обстоятельств и именно потому не применима нигде и никогда».

Философия в России. Философские системы и традиции не возникают совершенно спонтанно и не могут быть результатом стечения случайных обстоятельств. Они становятся ответом на вызовы времени, тематизацией напряжений, разрывом синдромов человеческого бытия, культуры. «Всякое философствование, – считал К. Ясперс, – есть преодоление мира, аналог спасения». Имеет свои глубокие, существенные предпосылки и русская философия, предпосылки, объясняющие время ее возникновения, характер и содержание ее основных проблем. Как о традиции о русской философии можно говорить лишь начиная с XIX века. Все предшествовавшие века один из историков русской философской мысли В. В. Зеньковский называл «прологом к русской философии».

Подлинно оригинальная русская философская мысль обнаруживает себя ближе к середине XIX века. Данный феномен можно объяснить действием ряда тесно взаимодействующих социокультурных тенденций и факторов. Победы в наполеоновских войнах окончательно утвердили собственное место России в ансамбле европейских государств. Все это не могло не дать мощного импульса к поискам форм национальной идентификации, т. е. форм осознания, по крайней мере российской элитой, своего положения в социальном времени и пространстве.

Как заметил по поводу декабристов русский историк В. Ю. Ключевский: «Отцы были русскими, которым страстно хотелось стать французами; сыновья были по воспитанию французы, которым страстно хотелось стать русскими. Вот и вся история между отцами и

детьми. Настроением этого поколения, которое сделало 14 декабря, и объясняется весь ход дела». То, как это сказалось в плоскости зарождающейся русской философской традиции, Н. Бердяев в «Русской идее» выразил следующим образом: «Русская самобытная мысль пробудилась на проблеме историософической. Она глубоко задумалась над тем, что замыслил Творец о России, что есть Россия и какова ее судьба... Разочарование Чаадаева в России и разочарование Герцена в Западе – основные факты русской темы XIX века»*.

Подобные ориентиры в российской идентификации отнюдь не случайны. Они связаны с более глубинными цивилизационными процессами, нежели изменения политической ситуации, пусть и континентального масштаба. Новое время – это и эпоха формирования в Западной Европе нового типа цивилизации. Одно из возможных ее названий – техногенная цивилизация. Эта цивилизация приходит на смену обществу традиционному, меняя радикально господствующую там систему ценностей. Ускоряются темпы общественного развития, изменяется положение человека в обществе, отношение общества к природе. Природа становится «мастерской», источником ресурсов для промышленного производства, подвергается тотальным преобразованиям. Доминирующие позиции в культуре, все более вытесняя религию, начинает занимать научная рациональность. Существенно также то, что формирующаяся техногенная цивилизация оказывает мощное давление на сохраняющиеся еще традиционные общества, разрушая присущие им иерархии ценностей.

Россия, несмотря на петровские реформы, сохраняла еще и в XIX веке черты традиционности. Поэтому контакты с западной цивилизацией не могли не порождать в российской культуре определенного напряжения, своего рода синдрома. Это напряжение шло по нескольким «осям», что соответственно находило выражение в философской рефлексии, ее тематической направленности.

Общим социокультурным ориентиром русской философии, ее конкретной содержательной доминантой становится тема, представленная в работах Вл. Соловьева выражением «русская идея». Тема русской идеи интегрировала совокупность различных представлений, которые и должны были послужить формами национальной российской иденти-

* Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века // О России и русской культуре. – М., 1991. – С. 71, 72.

фикации. Но основания этих форм, как и сущность социокультурных напряжений, переживавшихся Россией, имели аксеологическую природу. Русская философия и складывается поэтому как аксиология. Если западная философия, особенно начиная с эпохи Нового времени, конституируется как учение о знании, учение о методе познания, т. е. гносеология, то философия в России становится рефлексией *ценностных* оснований человеческого бытия.

Непосредственно русская идея конкретизировалась во множестве тем и тематических полей. Вот некоторые из тех, которые в своем обзоре истории русской философии выделяет Н. А. Бердяев: «Восток и Запад»; «противоположности русской души»; «Россия и Европа»; «проблема столкновения личности и мировой гармонии»; «проблема традиции»; «проблема гуманизма»; «вера в особые пути России»; «искание социальной правды»; «оправдание культуры»; «культ естественных наук»; «тема о власти»; «религиозная тема»; «идея соборности»; «критика западного рационализма» и др.

На абстрактном уровне все узлы русской философии завязываются в нескольких категориальных пространствах.

Уникальность, неповторимость и универсализм национального бытия и истории.

Ценностные системы, определяющие направленность социального развития, восприятие исторического времени, выражающееся в отношении к категориям прошлого, настоящего и будущего. С аксиологической точки зрения – это проблема смысла истории, исторических судеб России. Значимость данного культурологического феномена хорошо видна на примере экзальтированных ожиданий «светлого» будущего, охвативших определенные слои российского и советского общества уже в послереволюционную эпоху. По своей напряженности и остроте они вполне сопоставимы с хорошо известными в истории случаями ожидания конца света, подобно эпидемиям, вспыхивавшим подчас в разные эпохи и в разных регионах, и охватывавшим массы людей.

Отношение к новациям. Как общество оценивает происходящие изменения? Известный французский антрополог Леви-Стросс различает, например, общества «холодные» (негативно воспринимающие новации, стремящиеся их не допустить), и общества «горячие» – идущие навстречу новациям, положительно их воспринимающие.

Коллизии личности и общества. Имеются в виду ценностные комплексы, закрепляющие личностный выбор, свободу. Личность, ее отно-

шение к миру становится одной из центральных проблем не только философии, но и искусства, литературы. Появляется череда персонажей – социологических двойников принца датского. Русские Гамлеты, все эти Онегины, Печорины, Обломовы, Раскольниковы тоже ищут своего ответа на вечные и роковые вопросы.

Отношение «религия – наука» («вера – знание»). Здесь имеет место очень сложный процесс, затрагивающий всю систему ценностей общества. Дело прежде всего в том, что в научной картине мира ценностные аспекты оказываются полностью элиминированными. Мир науки – это обесчеловеченный мир. Наука – сфера рационального опыта, религия – иррационального. Поэтому религиозная и научная картины мира при непосредственном прямом взаимодействии «аннигилируют». Тогда-то и появляются предпосылки для знаменитого вопрошания Достоевского: «Ибо если нет у тебя Бога, то какое же тогда преступление?», а также для известного сарказма Вл. Соловьева: «Человек призшел от обезьяны, следовательно, мы должны любить друг друга». На этом странном силлогизме, по мнению Вл. Соловьева, русские нигилисты основывали свою веру. Допуская известную схематизацию, можно утверждать, что к концу XIX века ведущими парадигмами русской философии в интерпретации всего проблемного многообразия ее становится антропоцентристская (аксиологическая), сциентистская и универсалистская парадигмы.

Основной конституирующий фактор антропоцентристской парадигмы русской философии – ориентация на аксиологический, в частности, религиозный, опыт, опыт человеческой свободы. Существо дела хорошо выражает следующее рассуждение Н. Бердяева: «Свобода для меня первичное бытие... Я положил в основание философии не бытие, а свободу... в свободе скрыта тайна мира. Свобода в начале и свобода в конце».

Основной конституирующий фактор сциентистской (гносеологической) парадигмы русской философии – ориентация на познавательный опыт (науку). Как писал Э. Радлов, «Философия невозможна без гносеологического обоснования, но потребность в таковом в русской философии стала ясно осознаваться лишь во второй половине XIX столетия, и с тех пор гносеологические исследования стали появляться в большом количестве».

Основная особенность универсалистской парадигмы русской философии – стремление к широкому синтезу как проблемных полей философского анализа, так и присущих русской философии категориальных структур. «Главная задача философии, – писал Н. О. Лосский, –

заключается в том, чтобы разработать теорию о мире как едином целом, которая бы опиралась на все многообразие опыта. Религиозный опыт дает нам наиболее важные данные для решения этой задачи. Только благодаря ему мы можем придать нашему мирозерцанию окончательную завершенность и раскрыть сокровенный смысл вселенского существования. Философия, принимающая во внимание этот опыт, неизбежно становится религиозной»*.

Следует учесть, что данная типология основных, присущих русской философии подходов к интерпретации ее проблем, как и всякая классификация, носит достаточно условный характер, не позволяя в ряде случаев квалифицировать работы того или иного из русских философов вполне однозначно.

Подлинные истоки русской философии нужно искать в «Философических письмах» П. Я. Чаадаева. В них впервые поставлена проблема исторического выбора России, проблема оснований этого выбора. Чаадаев видит три основные предпосылки негативного характера исторической российской судьбы.

Во-первых, изоляционизм, существование России вне семьи европейских народов: «Нам не было никакого дела до великой мировой работы».

Во-вторых, непроявленность, неустойчивость культуры: «Ни для чего не выработано хороших привычек, ни для чего нет правил...; в своих домах мы как будто на постое, в семье имеем вид чужеземцев, в городах кажемся кочевниками... в нашем взгляде есть какая-то странная неопределенность, что-то холодное и неуверенное, напоминающее отчасти физиономию тех народов, которые стоят на нижней ступени социальной лестницы».

В-третьих, отсутствие развитого исторического сознания, т. е. способности, не утрачивая культурной преемственности, идти навстречу изменениям, адаптироваться к ним: «Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя». Эта чаадаевская оценка делает понятным его католические симпатии. Действительно, в данной конфессии он увидел большой, и не без основания, заряд историзма. Ведь само представление о линейном историческом времени, т. е. времени «текущем» из прошлого в будущее, а не возвращающемся к одному и тому же пункту, по-

* Лосский Н.О. История русской философии. – М., 1991. – С. 516.

добно годовому циклу, восходит к основателю католической теологии, «учителю Запада» Августину Блаженному.

Общий же вывод «басманного философа» (прозвище, полученное им по названию улицы, на которой он жил) звучал так: «Если мы хотим занять положение, подобное положению других цивилизованных народов, мы должны некоторым образом повторить у себя все воспитание человеческого рода».

П. Чаадаева относят обычно к западникам, но эта оценка не совсем адекватна. Есть черты, сближающие его и со славянофилами: вера в великую историческую миссию России («ее дело в мире есть политика рода человеческого»), огромное внимание к религиозному опыту. К последнему большинство западников достаточно равнодушны, отдавая предпочтение научному знанию. Поэтому наиболее точно было бы сказать, что в «Философических письмах» посеяны зерна того, что возшло колосьями и западничества, и славянофильства.

В целом, учитывая условность и схематизм в различении основных проблемных гнезд русской философии и форм их интерпретации, позиции двух основных оппонирующих в середине XIX века школ: западников и славянофилов – можно представить следующим образом.

В трактовке исторического времени (а значит, и смысла истории) западники акцентируют категорию будущего. «Именно они, – говорил о Белинском и Герцене Н. Бердяев, – представляют левое западничество, чреватое будущим». В концепциях же славянофилов преобладает категория прошлого. Формально они тоже, конечно, рассуждали о будущем, утверждая, например, что славяно-русский мир – мир будущего. Однако этот образ будущего строился исходя из ценностей прошлого. Соответственно в плане оппозиции традиция–новация славянофилы акцентируют аспекты социальной статики, неизменного.

Согласно, например К. Аксакову, русская история – это «всеобщая исповедь», «ее можно читать так же, как жития святых». Западники, напротив, ориентируются на новацию. Достаточно вспомнить известную характеристику, данную Герценом высоко ценимой им гегелевской диалектике, как «алгебре революции». С точки зрения оппозиции личность–общество славянофилы ориентированы на коллективное, общинное начало, «соборность». Крестьянскую общину они противопоставляют западному индивидуализму. Для западников же «судьба субъекта, индивидуума, личности, важнее судеб всего мира» (В. Белинский). То же и оппозиция наука–религия, или вера–знание.

Показательны приписываемые И. Киреевскому слова: «В творениях святых отцов нечего добавлять, там все сказано». Что касается западников, то им присущ интерес к науке и гносеологически связанным с нею материализму и атеизму.

Все эти оппозиции можно рассматривать как своеобразные «оси» российской культуры. И русская философская мысль, будучи подобно всякой философии самосознанием культуры, выразила рост «напряжения» на этих осях. Напряжения, чреватого разрывами. Достаточно вспомнить феномен русского нигилизма. Российский нигилизм явился продуктом культурного шока, вызванного массированным вторжением в российскую культуру науки и ее мировоззрения – научной рациональности. Н. Бердяев писал: «У нигилистов было подозрительное отношение к высокой культуре, но был культ науки, т. е. естественных наук, от которых ждали решения всех вопросов». Вот, например, аргументация Д. Писарева, рассуждающего о школьных программах: «Спрашивает ли когда-нибудь ребенок о том, что было тысячу лет тому назад? Нет, он и представить себе не может такую крупную цифру и такую далекую эпоху. Стало быть, история дается ребенку помимо его желания, она не отвечает никакой потребности его ума. Спрашивает ли ребенок: что такое красота, добро, истина? Когда ему нравится картина или игрушка, спрашивает ли он: почему это мне нравится? Конечно, нет. Отвлечение и анализ собственных впечатлений – такие процессы, которые совершенно не свойственны уму ребенка. Стало быть, логика, эстетика и весь хлам теории словесности даются ребенку помимо его желания...». А вот «знакомство с естественными науками должно привести ребенка в восхищение».

Очевидно, так мог говорить лишь человек, смотрящий на мир исключительно сквозь очки научной рациональности. Природные, естественные процессы не могут быть сами по себе ни истинными, ни ложными, ни злыми, ни добрыми и т. д. Истина, добро и красота действительно не входят в научную картину мира как таковую. Там есть силы, взаимодействия, реакции и прочее.

Уже славянофилы осознали опасную чреватость противоречий и дисгармоний в «несущих» конструкциях российской культуры. Отсюда присущий им мотив «собирания», объединения в единую и неделимую цельность «разбегающихся галактик» человеческой духовности: «Согласить веру и разум, – писал И. Киреевский, – наполнить пустоту, которая раздвояет два мира, требующие соединения, утвердить в уме

человека истину духовную, видимым ее господством над истиною естественною, и возвысить истину естественную ее правильным отношением к духовной, и связать наконец обе истины в одну живую мысль».

В русской философской традиции представлены две более или менее завершенные попытки достижения подобного «Великого объединения», синтеза основных категориальных начал российской культуры.

Одна из них представлена философией всеединства Вл. Соловьева. Насколько объединительная установка в ней сильна, можно судить по отзыву Бердяева, писавшего о «синтезирующей примирительности, которая часто раздражает у Соловьева». Философия всеединства – чрезвычайно плюралистическая, сложная, подчас причудливая теоретическая конструкция, сопоставимая в этих своих чертах с гегелевской системой (не следует упускать из виду, что русская философская традиция, все ее школы и системы испытали значительное влияние немецкой классической философии). Но, как справедливо замечает опять-таки Н. Бердяев, вся философия Вл. Соловьева «в известном смысле есть философия истории, учение о путях человечества к богочеловечеству, к всеединству, к Царству Божьему».

Иначе говоря, в центре внимания Соловьева – историческое время, отношение «прошлое – настоящее – будущее», смысл истории, правда, погруженные в религиозную, христианскую картину мира. Вместе с тем предпринимается попытка синтеза религиозной и научной картин мира, ибо процесс эволюции включен и в космос, а материя и тело рассматриваются как проявления божественной сущности. В западно-европейской философской традиции этот мотив близок к тому, который впоследствии, уже в XX веке, разрабатывался Тейяром де Шарденом в «Феномене человека». Мир Соловьева подвижен и изменчив, он есть абсолютно становящееся. Процесс становления включает также и человеческое творческое начало, способствующее достижению всеединства. С другой стороны, этот процесс как бы «регулируется, предопределяется. Представления о том, какова, говоря современными терминами, «программа», управляющая глобальной эволюцией, оформлена у Соловьева в учениях о Логосе и Софии – божественной премудрости, опосредующих процессы творения. Оппозиция же личности и общества снимается учением о Богочеловечестве. Бог-человек есть индивидуум и одновременно универсальное существо.

Другая попытка «Великого объединения» в русской философии принадлежит философии общего дела Н. Федорова. Центральной в ней является идея «супраморализма», т. е. долг воскрешения отцов-предков, от исполнения которого зависит судьба человеческого рода. Поскольку имеется в виду воскрешение в прямом, телесном смысле, для решения данной задачи человечеству следует овладеть природными процессами во всем их объеме как на атомно-молекулярном, так и на космическом уровнях. Для этого же следует преодолеть «небратское», «неродственное», «немирное» состояние мира. Рождение детей заменяется воскрешением предков. Музеи должны стать местом воскрешения предков и поклонения им.

Таким образом, все наметившиеся по основным «осям» российской культуры разрывы оказываются «преодоленными» (по крайней мере, в рамках рациональной теоретической конструкции философии общего дела). Будущее и настоящее замыкаются на прошлое, «закольцовываются» с ним. Ведь воскрешение отцов-предков – это воссоздание всего прошлого. «Настоящее есть сын, а прошедшее, т. е. история – отец и мать», – считает Федоров. Благодаря «всебратству» личное, индивидуальное гармонизируется с общественным. Новация, ассоциируемая с наукой и техникой, подчиняется традиции в рамках решения задач, связанных с воскрешением предков. Наконец, наука образует единый сплав с религией и моралью. Разумеется, религиозность здесь приобретает совершенно иную, нежели, скажем, православие, форму. Она становится скорее похожей на то, что А. Эйнштейн называл «космическим религиозным чувством».

И философия всеединства, и философия общего дела по-своему весьма совершенны. Такая оценка, впрочем, не отбирает права рассматривать их недостатки. Относительно философии всеединства Бердяев, например, писал: «Проблема свободы не продумана до конца... парадокс свободы в том, что она может переходить в рабство. У Вл. Соловьева богочеловеческий прогресс бестрагичен, между тем как он трагичен. Свобода порождает трагедию». Что касается философии общего дела, то здесь проигнорирована проблема отношения природного, телесного, естественного в человеке, и его социальной, культурной, духовной сущности. Собрать «по атомам» отцов-предков, даже если бы это было возможным, не означает, очевидно, воскресить их в личностном смысле.

Напрашивается, очевидно, метафорическая интерпретация философии общего дела как формы рационального обоснования ценности прошлого, исторического вообще. Тогда воскрешение можно истолковать как предельный случай исторической реконструкции, т. е. восстановления прошлой действительности по оставшимся следам, историческим источникам, в терминологии историков. Но в таком случае мы столкнемся с вопросом: не выходим ли тем самым уже за границы, дозволяемые законами философствования, и является ли философия общего дела в полном смысле философской доктриной? Очевидно все же, что основная направленность ее имеет не гносеологический, а этический характер.

Но не в этих перечисленных недостатках причина того, почему реально состоявшееся великое объединение российской духовной культуры пошло отнюдь не теми путями, которые намечены у Вл. Соловьева и Н. Федорова. Оно было осуществлено в русле марксизма-ленинизма. По своему содержанию эта доктрина может быть отнесена к сциентистской парадигме русской философии. Поэтому процесс гармонизации мировоззрения на ее основе осуществиться не мог по определению. Изначально марксизм, ориентированный на науку, является исследовательской программой наук, претендующих на описание целостных социальных систем, на исследование общества на уровне целостного организма. Синтез на его основе осуществился в суррогатной и поэтому исторически эфемерной форме, в виде мимикрии одних универсалий культуры под другие. Формально культура была сориентирована в будущее: «коммунизм – светлое будущее всего человечества»; реально же были осуществлены преобразования, приведшие к восстановлению структур, присущих прошлому: азиатского способа производства, рабовладения и феодализма.

Можно сказать и по-другому: налицо выход, «опыт» выхода за пределы исторического времени, в вечное безвремяе (коммунизм – конец истории, «скачок» человечества из царства необходимости в царство свободы»). По-видимому, одной из главных ценностей общества рассматривается новация (революционные изменения во всех видах), фактически же культивируются застойность, рутинность, репродукция одних и тех же социокультурных образцов. Гуманизм, признание самоценности личности выступают лишь идеологическим прикрытием для свирепого тоталитаризма. Наука и связанный с ней гносеологически «научный атеизм» становятся лишь оболочкой, за кото-

рой скрывается суррогат религии, религии без Бога – коммунистической идеологии. Понятно, что ни к чему другому, кроме как к фрустрации культуры, к системному социальному кризису подобный «синтез» и не мог привести.

В дальнейшем в традиции философии всеединства развивается мысль целого ряда русских философов, таких, как С. Н. и Е. Н. Трубецкие, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, В. Ф. Эрн, Л. П. Карсавин, С. Л. Франк.

Однако для большинства философов, в том числе и последователей Вл. Соловьева, претензии на великое объединение уже не были свойственны. Они не пытались строить глобальную иерархию ценностей для российской культуры и судьбы, та, идущая еще от славянофилов проблема, быстро дифференцировалась на несколько подпроблем и соответственно направлений философствования. Так, Н. Я. Данилевский начинает разрабатывать исследовательскую программу специфической социогуманитарной науки: целостной исторической культурологии. Позже на Западе в этом русле работали О. Шпенглер и А. Тойнби. В России – К. Н. Леонтьев, Г. П. Федотов, отчасти Н. А. Бердяев и др. Оценка Бердяевым теории Данилевского как «срыва в осознании “русской идеи”», а также и распространенная характеристика, представляющая его эпигоном славянофильства, одинаково неверны. Имело место другое, а именно, движение от чисто философской, спекулятивной социософской постановки проблем – к попыткам формирования научных культурологических парадигм.

С другой стороны, собственно философская рефлексия обращается к миру ценностей личности, к тому, как они опосредуют личностный опыт. Русская философия все более ориентируется поэтому на тему свободы как фундаментальную для понимания личностного выбора. Так, например, Бердяев трактует свою философию как антроподицею (оправдание человека), по аналогии с теодицеей (учением об оправдании Бога за допускаемое им в мире зло). Данная философская тема развивается также в работах Л. Шестова, Б. П. Вышеславцева, И. А. Ильина и др. Через это идейное течение русская философия смыкается с европейским экзистенциализмом.

Иную линию философствования, отчасти пересекающуюся с предыдущей, образует рефлексия религиозного опыта. В какой-то мере это аналог западной теологии, идущей от Св. Августина и Св. Фомы Аквинского, но обращенный к православию. Русская философская традиция привнесла

сюда опять-таки аксиологический акцент, обращение к проблеме ценностей. Так, П. Флоренский свою теодицею разворачивает в контексте проблемы истины, трактуемой им именно как ценности. В западной же философии и теологии истина толковалась по преимуществу с гносеологических позиций. Для Флоренского – «Истина сама себя делает Истиною», для европейской философии – истина есть адекватное отражение объекта познающим субъектом. Теологическая ориентация доминирует также в трудах Отца Сергия (Булгакова), Л. П. Карсавина, Отца Георгия (Флоровского), С. Л. Франка и др.

Необходимо упомянуть еще два направления философствования в России XIX – XX веков, имеющих лишь опосредованное отношение к классической русской философской традиции. Во-первых, к ним можно отнести тех философов, которые воспроизводили в своих работах идейные установки каких-либо школ западной философии: позитивизма (П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского и др.); гегельянства (Б. Н. Чичерина и др.); феноменологии (Г. Г. Шпета); неокантианства (А. И. Введенского). Во-вторых, философов, так или иначе ориентированных на рефлексию оснований науки. Часто они очень близки позитивизму, существование которого вообще обязано процессам конституирования науки. От позитивизма в его западно-европейском варианте данную школу отличает большее внимание к мировоззренческим аспектам научного знания, его «метафизическим предпосылкам», как это позднее, уже в постпозитивизме, было названо. Классический позитивизм на рубеже XIX – XX веков интересовался по преимуществу строением, логикой научного познания. Что касается позитивистски ориентированных русских философов, то в центре их внимания – презумпция первичности объективной реальности, т. е. материализм – основная «метафизическая предпосылка» научного познания (П. А. Кропоткин, Д. И. Сеченов, В. И. Вернадский и др.).

После 1917 года в Советском Союзе традиция классической русской философии благодаря чисто внешним обстоятельствам, прежде всего, конечно, открытому политическому насилию, была прервана. Монопольное господство приобрел догматизированный вариант сциентистской парадигмы философии в форме марксизма-ленинизма. В этих условиях русская классическая философия (от Чаадаева до Бердяева) не только была убита в прямом смысле слова, но просто обречена была умереть. Ибо материализм есть уже «пограничная полоса» философии. «... Материалистическое мировоззрение, – писал Ф. Эн-

гельс, – означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений...». Философствование получает с этой точки зрения право на жизнь лишь постольку, поскольку обосновывает переход к научным формам познания и сознания – «пониманию природы такой, какова она есть».

Материализм как мировоззренческая установка в условиях СССР превращается в средство ментального контроля, используемого тоталитарной властью. В силу этих обстоятельств он догматизируется, превращается в «воинствующий материализм», становится монополично насаждаемым пропагандой, образованием, вполне аналогичным по своим функциям религиозному догмату, стремящимся к тотальному уничтожению иных мировоззренческих форм (что характерно именно для религиозных войн того или иного рода).

Но адекватные границы материализма в культуре – сфера производственной деятельности, «здравый смысл», физикалистские науки. Когда же он выносится за указанные границы, это ведет к уничтожению самостоятельного, самодовлеющего мира идеального, к которому восходят религия, мораль, собственно личностные качества человека.

Ведь правила вхождения в мир идеального – иные, нежели практические либо естественно-научные процедуры, хотя они и не содержат ничего мистического, «потустороннего». Они связаны с феноменом рефлексии. Уничтожение же мира идеального, «аннигилирующего» в ситуации тотальной монополии материализма, ведет и к ликвидации собственно гуманистической ипостаси человека, к его роботизации («человек-винтик»). К этому следует добавить, что философия диалектического и исторического материализма играла еще и роль средства манипулирования научным сообществом. Последнее приводило к реанимации преодоленных мировой наукой натурфилософских форм знания («лысенковщина»), третированию генетики, кибернетики и т. п.

Марксистская философия. Марксистская философия возникла в середине XIX века. Она была обусловлена промышленной революцией конца XVIII века, связанной с использованием пара в промышленности и на транспорте; развитием и усилением буржуазии, появлением нового класса – пролетариата, который жестоко эксплуатировался буржуазией. В Европе прошли буржуазные революции, но их победы не улучшили положения пролетариата, который неоднократно выступал против эксплуатации и несправедливости. Но эти выступления были жестоко подавлены.

Появление марксизма как идеологии пролетариата было обеспечено развитием естественных наук: открытие и обоснование закона сохранения и превращения энергии, эволюционной теории Дарвина, клеточной структуры вещества и т.д. А также общественных наук: английской классической политэкономии, немецкой классической философии и утопического социализма.

Основоположниками марксистской философии были Карл Маркс и Фридрих Энгельс. После увлечения неогегельянством, фейербахианством и революционным демократизмом произошел их переход на коммунистические позиции, взаимное сближение и последующая совместная работа.

Основные направления исследований: сущность человека, отношение человека к миру, взаимоотношение людей, человек и общество, законы развития общества. В нашей стране и в других странах, осуществлявших социалистическое строительство в течение десятков лет, имело место безмерное возвеличивание Маркса и Энгельса. А в 90-х гг. те же люди, которые восхищались Марксом и Энгельсом, подвергли их труды столь же необъективной и необоснованной критике. В то время как выдающиеся представители философской мысли XX века давали более объективную оценку К. Марксу. Так, Бертран Рассел писал, что К. Маркс был человеком, возродившим материализм, давшим ему новую интерпретацию и новое соответствие с человеческой историей. Кроме того, он «последний из великих системостроителей, преемник Гегеля, так же веривший в некую рациональную формулу, охватывающую развитие человечества»*. Карл Поппер, критиковавший позиции марксизма, отмечал: Маркс часто подвергается критике, поэтому мне казалось, что суровую критику его теорий следует сочетать с сочувственным пониманием его поразительной моральной и интеллектуальной привлекательности. Макс Вебер оценил данное Марксом материалистическое понимание истории как первый шаг в познании капитализма, как научное открытие. Он считал, что многому у Маркса научился.

В чем суть вклада К. Маркса в философию?

Ф. Энгельс указывал на два основных открытия К. Маркса: а) открытие и обоснование прибавочной стоимости, б) материалистическое понимание истории.

* Рассел Б. История западной философии. – М., 1993. – Т. 2. – С. 397.

Теория прибавочной стоимости относится к экономическим наукам. Суть ее состоит в том, что часть стоимости товаров, производимых на капиталистических предприятиях, создается неоплаченным трудом наемных рабочих сверх стоимости их рабочей силы и безвозмездно присваивается капиталистом. По Марксу, это специфическая форма капиталистической эксплуатации работников.

Основной философский раздел марксизма – материалистическое понимание истории. Сущность его сводится к распространению последовательного материализма на историю общества. Иными словами – как в природе материя первична, а сознание вторично, производно. Так и в обществе – общественное бытие первично, а сознание вторично. Общественное бытие определяет сознание.

К. Маркс и Ф. Энгельс вычленили в общественном бытии основные условия материальной жизни общества: географическую среду, плотность народонаселения и общественное производство.

Под географической средой К. Маркс и Ф. Энгельс понимали природные условия жизни человека. Уже в период жизни и деятельности Маркса в общественной мысли имели место географический детерминизм и геополитика. Представители географического детерминизма утверждали, что географическая среда играет решающую и определяющую роль в жизни народов и людей. Вытекающая из этой позиции геополитика основывалась на том, что в соответствующей географической среде формируются народы более талантливые, более способные и имеющие право поэтому на ряд преимуществ перед другими народами, в том числе и на расширение территории своего обитания за счет территории других народов.

Ярким примером такой политики была политика германского фашизма. Маркс и Энгельс утверждали, что географическая среда имеет огромное влияние на жизнь человека. Без соответствующих географических условий человек и человечество не могут существовать. Вместе с тем, по их мысли, естественные условия безразличны к потребностям людей, но общество преобразует их и подчиняет своим целям. Ведущая и решающая роль в использовании и изменении географической среды принадлежит человеку. А масштабы, характер и формы этого изменения зависят от общественного строя и прежде всего от характера производственных отношений.

Еще во второй половине XVII века английский экономист Т. Мальтус сформулировал позицию, согласно которой численность

населения имеет тенденцию роста в геометрической прогрессии, а средства существования людей могут увеличиваться только в арифметической прогрессии. В результате этого наступает перенаселение, с которым необходимо бороться естественными мерами: голод, эпидемии, войны и искусственное сокращение рождаемости. Эта позиция, получившая название мальтузианства, претерпела определенную эволюцию, но сущность ее сохранилась. Маркс и Энгельс, признавая важность определенной плотности народонаселения, показали несостоятельность мальтузианства.

Они доказали, что решающее воздействие на жизнь и социализацию общества оказывает способ производства материальных благ. Это подтверждается всей историей развития *цивилизации* человечества, на протяжении которой наибольших успехов достигали народы, имевшие наиболее развитое производство. При этом упор Марксом и Энгельсом делался на производство материальных благ, обуславливающее социальный, политический и духовный процессы жизни общества вообще*.

Способ производства – это исторически конкретное единство производительных сил и производственных отношений, это материальная основа общества, определяющая его особенности и развитие. Производительные силы – это система субъективных (человек) и вещественных (техника) элементов, осуществляющих «обмен веществ» между обществом и природой в процессе производства. Производительные силы выражают активное отношение людей к природе, заключающееся в материальном и духовном освоении ее богатств. В ходе этого процесса воспроизводятся условия существования человека и происходит убыстряющийся и совершенствующийся процесс становления и развития самого человека. Производительные силы образуют ведущую сторону способа производства, основу развития общества.

Главная производительная сила – сами люди, участвующие в процессе производства. Их производственный опыт, трудолюбие, активность и трудоспособность, задачи, которые они перед собой ставят, определяют потенциал общественного производства. Порождением их ума и труда становятся вещественные элементы производительных сил – средства производства и средства потребления. Средства производства состоят из средств труда, при помощи которых человек воздействует на природу, и предметов труда, на которые направлен труд

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – Т. 13. – С. 350.

человека. Важнейшую составную часть средств труда составляют орудия труда (инструменты, механизмы, машины и т.д.). Средства производства образуют материально-техническую базу способа производства.

В настоящее время, в период бурного научно-технического прогресса в производительные силы включается наука – сфера человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности.

Производственные отношения – это система материальных экономических отношений между людьми в процессе производства и движение общественного продукта от производства до потребителя. Это отношение собственности (отношение к средствам производства). Они пронизывают все сферы экономических отношений: производство, обмен, распределение и потребление материальных благ. Производственные отношения придают всем общественным явлениям исторически определенное социальное качество.

Производственные отношения – это социальная форма производительных сил. Вместе они составляют две стороны каждого способа производства и связаны друг с другом по закону соответствия производственных отношений, характеру и уровню развития производительных сил. Согласно этому закону производственные отношения определяются производительными силами и выступают как определенные социальные формы их развития.

Но, развиваясь, производительные силы перерастают рамки существующих производственных отношений, и последние тормозят дальнейшее развитие производительных сил. Нарастает противоречие между производительными силами и производственными отношениями, переходящее в конфликт. Он, согласно К. Марксу, разрешается социальной революцией, уничтожающей старые и утверждающей новые производственные отношения, новый способ производства.

Исходя из материалистического понимания истории К. Маркс выдвигает и обосновывает свою теорию исторического прогресса. Ядро ее – «формационный» подход к историческому развитию. Маркс применяет в исследовании исторического развития диалектический метод повторяемости и обновления, следуя которому выделяет общее и особенное в социальном строе различных стран в разные исторические периоды и обобщает их состояния в одно основное понятие: общественно-экономическая формация – это тип общества, представляющий

собой особую ступень в его развитии, общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество со своеобразным отличительным характером.

Маркс и Энгельс вычлениют пять общественно-экономических формаций: первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая. Каждая последующая формация бывает более прогрессивной в области экономики, культуры, быта и других сторон человеческой жизни по сравнению с предыдущей. По мысли основоположников марксизма силой развития общества всегда был и будет народ. А результаты присваивали себе те или другие классы эксплуататоров. Первобытно-общинный строй – первая неантагонистическая формация. Последующие три формации являются классовыми и антагонистическими. Буржуазные производственные отношения Маркс считал последней антагонистической формацией. На смену ей должна прийти коммунистическая формация, которая по мысли Маркса и Энгельса открывает подлинно человеческую историю. Переход от одной общественно-экономической формации к последующей осуществляется революционным путем, т. е. путем насилия. Мера насилия зависит от силы сопротивления свергаемого господствующего класса и строя. Возможность обратного движения общества Маркс и Энгельс допускали только в виде временного зигзага.

Переход от антагонистических формаций к коммунистической Маркс и Энгельс считали особенно сложным из-за полной, категорической смены всех сторон общественной жизни. Они утверждали, что, с одной стороны, у пролетариата нет иного пути, ибо капитализм неизбежно доведет его до полной «пауперизации». С другой стороны, капиталисты теряют все. Острота противоречий неизбежно должна привести к особенно острой борьбе. Учитывая это, Маркс и Энгельс утверждали, что социалистическая революция может победить только одновременно во всех странах или, опять же одновременно, в большинстве наиболее развитых капиталистических стран.

После победы социалистической революции неизбежен переходный период от капитализма к коммунизму. На протяжении этого периода для окончательного подавления сопротивления свергнутых классов необходима диктатура пролетариата. Сама коммунистическая формация должна состоять из двух фаз: а) социализм, б) коммунизм. Первая фаза опять же переходная с распределением материальных благ и духовных ценностей по труду. Вторая фаза – высший уровень

производства и культуры, бесклассовое общество с распределением по потребностям.

В настоящее время формационный подход к истории К. Маркса и Ф. Энгельса подвергается критике. Ему противопоставляется цивилизационный подход. Суть его в том, что, во-первых, по мнению сторонников этого подхода, история развивается не скачкообразно, а эволюционно, постепенно. Во-вторых, ведущее место в общественном прогрессе играет не экономика, а культура в самом широком смысле этого слова. В-третьих, не меньшую, а в определенных случаях большую роль в общественном процессе играют не объективные, а субъективные факторы. Некоторые сторонники этой позиции (С. Кара-Мурза и др.) утверждают, что в природе все происходит по объективным законам, а в обществе такие законы не действуют. Это не ново. Такую позицию уже давно отстаивали французские просветители и русские народники.

По существу обе позиции имеют свои плюсы и минусы. Формационный подход: минусы – не все указанные Марксом формации проявились во всех странах мира, фетишизация экономики. Цивилизационный подход: минусы – сплошная эволюционность в общественном прогрессе, необоснованное преувеличение субъективного фактора. И разве можно назвать цивилизацией господство фашизма в Германии 30-х – 40-х гг. XX века, атомную бомбардировку Японии, подготовленную человечеством угрозой атомной войны, экологический кризис, небывалый размах терроризма и наркомании? Но обе позиции имеют и несомненные плюсы. Формационный подход – конкретность и обоснованность. Цивилизационный подход – ведущая роль культуры в широком смысле слова, включающая в себя и экономику.

После смерти К. Маркса и Ф. Энгельса сложились два направления марксизма. Ведущими идеологами первого направления стали Э. Бернштейн и Карл Каутский. Ведущим идеологом второго был В. И. Ленин. Последователями Бернштейна и Каутского являются правые социал-демократические партии современности. Последователями Ленина – коммунистические партии.

Э. Бернштейн утверждал, что марксизм устарел и предлагал вернуться к философии Канта. Выступал с критикой всей системы марксизма. Пытался опровергнуть теорию стоимости и обнищания масс. Выступал против пролетарской революции и диктатуры пролетариата, вообще против насилия и катастрофизма. Утверждал, что пролетарская

революция может привести к хаосу и разрушению производительных сил, что пролетариат не способен организовать производство. Отрицал возможность построения социализма. Социализм, по его мнению, это только идеал. Отстаивал программу постепенных реформ и компромиссов с целью улучшения положения рабочего класса под лозунгом: «Движение – все, конечная цель – ничто».

Карл Каутский был несколько ближе к марксизму, чем Бернштейн. Он, по его словам, пытался систематизировать и осовременить философские и социально-политические идеи Маркса. Но ряд основных принципов марксизма отвергал. Не принимал большевизм.

Каутский отрицал партийность философии. Доказывал совместимость научного социализма и немарксистских философских систем. Отрицал связь между господством монополий и политикой империализма. Выдвигал теорию «ультраимпериализма» как перспективу развития новой фазы капитализма, свободной от ряда негативных сторон, присущих капитализму современному К. Марксу. Отрицал неизбежность пролетарской революции. Октябрьскую революцию в России встретил враждебно. Был против диктатуры пролетариата. Противопоставлял ей «последовательную» демократию. Более или менее ортодоксальными последователями этого направления являются социал-демократические партии современности.

Ведущим идеологом другого направления признан В. И. Ленин – ортодоксальный марксист. Вел решительную борьбу против Бернштейна, Каутского и их последователей. Он развивал теорию К. Маркса и Ф. Энгельса в плане ускорения пролетарской революции и ужесточения диктатуры пролетариата в условиях враждебного капиталистического окружения.

Ленин беспощадно критиковал идеализм и контрреволюцию. Развивая позиции К. Маркса и Ф. Энгельса, создал теорию социалистической революции. Он доказывал, что в новых исторических условиях начала XX века социалистическая революция может победить и в одной отдельно взятой стране, даже если эта страна не относится к числу наиболее развитых капиталистических стран. Для этого, по Ленину, необходима последовательно марксистская партия пролетариата. Ленин создал такую партию и руководил Октябрьской революцией.

Ленин создал план социалистического строительства в одной отдельно взятой стране. Существенной позицией этого плана была разработка новой экономической политики (НЭП), в которой содержались

основные положения плана современных реформ, к сожалению не реализованных в СССР 20-х – 30-х гг.

Последователями Ленина в большей или меньшей мере являются современные коммунистические партии.

Современная западная философия. Многообразие направлений классической философии так или иначе связывалось в единое целое приоритетом разума, рационалистическими построениями благоустройства общественной жизни. Начиная с середины XIX века и особенно в XX веке общефилософский стержень рационализма разрушается, оформляются отдельные самостоятельные философские направления, связывающие себя с проблематикой внерациональных (бессознательных, интуитивных, оценочных) факторов философского понимания бытия; с анализом языка, ставшего частью жизненного мира человека; с искусством и теорией толкования текста; с поиском чистого сознания, освобожденного от предметного содержания; с обнаружением скрытых смыслов феноменов культуры, лишенных своего рационального обоснования и т.д. Все это и становится предметом нашего рассмотрения.

«Философия жизни»: А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, А. Бергсон. Прежде всего, что представляет собой понятие *«жизнь»*, которое «вводится» философией жизни и которому придается философский статус. В данном понятии можно выделить три содержательных начала. Жизнь, *во-первых*, это своеобразная органическая целостность, внутри которой еще нет различения материи и духа, бытия и сознания. Жизнь, *во-вторых*, это некий хаос, некая космическая сила, обладающая огромным творческим потенциалом, и в которой скрыта заранее определенная судьба. Жизнь, *в-третьих*, улавливается, постигается с помощью интуиции, а вовсе не силой разума. С помощью этого понятия философия жизни противопоставляет себя всей предшествующей философской традиции, сводя счеты с гегелевским панлогизмом.

Родоначальником «философии жизни» принято считать немецкого философа *Артура Шопенгауэра*. Мир, по Шопенгауэру, есть проявление единственной и единой, «слепой» и могучей силы – *бессознательной воли*. Основное произведение А. Шопенгауэра так и называется «Мир как воля и представление». Все пронизано слепым инстинктом воли, приобретающим в своем всемогуществе космическое начало. Пока воля существует, сохраняется и Вселенная. В природе воля просыпается для самосознания своей силы и могущества и достигает наи-

высшей ступени развития в человеке. В жизни человека и в истории общества, как считает Шопенгауэр, нет развития: во все времена происходит одно и то же («история повторяется»), в крайнем случае, само повторение происходит по-разному. Чем больше просыпается самосознание (и, тем самым, ярость) воли, тем больше страдания человека и сильнее череда общественных потрясений, постоянно воспроизводящихся в различных проявлениях. Ведь воля – это неизменное «вожделение» (желание, стремление), постоянно неудовлетворенная «страсть» бытия.

Как только человек достигает цели, он тут же стремится к новой, разрушающей прежде достигнутое. Поэтому степень страданий человека зависит не столько от внешних ударов судьбы, сколько от того, насколько он готов воспринять ее удары, когда «просыпается» ярость воли. Где же выход? В осознании того, что находящийся под властью страстей человек становится свободным лишь тогда, когда он освобождается от всех желаний. Избавление от страданий, причиняемых слепым роком судьбы, заключается в саморастворении в ничто, в конечном счете в буддийской нирване, к чему и пришел в своих размышлениях А. Шопенгауэр.

«*Философия воли*» немецкого философа *Фридриха Ницше* опиралась на несколько иные основания. Он исходил из того, что традиционно сложившиеся в мире ценности потеряли свое содержание, настало время пересмотра всех ценностей. «Бог умер», – провозглашает в центральном произведении «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше. А если «Бог умер», то придать ценность самому себе и всему в мире может лишь человек. Но обычный средний человек не способен к этому. Лишь нравственно и интеллектуально независимый сверхчеловек в состоянии это сделать. Сверхчеловек не лицемерит, он как бы сохраняет (вынашивает в себе) первобытные инстинкты варварства, еще не испорченного цивилизацией.

Сверхчеловек возвышается над массой людей. Сфера существования сверхчеловека это не низкопробная массовая цивилизация, а культура высокого ранга, подобная той, что была в античной Греции. Без рабства нет культуры, только властвуя над слугами, сверхчеловек создает культуру высшего класса. Мораль сверхчеловека – это высшая мораль, «мораль господина», принципиально отличающаяся от рабской морали (еще Гегель противопоставлял греческую культуру «несчастному сознанию» христианства). Мораль господина – выше при-

нятых представлений о добре и зле, ее единственной побудительной силой является «воля к власти».

Эта «*воля к власти*» пронизывает весь мир, и в этой своей силе и всеохватности осознается и принимается сверхчеловеком. Если Шопенгауэр видел решение проблемы в отказе от воли, в полной пассивности, то Ницше, напротив, воспекает героические поступки. По Ницше, в мире проявляется закон «вечного возвращения». События, которые мы вновь и вновь переживаем, – одни и те же, на арену жизни выходят одинаковые герои и одинаково трусливые люди. Это «вечное возвращение», по Ницше, и оправдывает необходимость существования сверхчеловека, его нравственно одинокое подвижничество среди массы трусливых людей. Ницше как бы предугадывает те всеохватывающие тенденции, которые начинают проявляться в конце XIX – начале XX столетия и которые привели к грандиозным потрясениям и к сильнейшим внутренним переосмыслениям нравственных начал бытия человека.

И в заключение – об *Анри Бергсоне*, французском философе жизни. По мнению А. Бергсона, мир в основе своей совершенно иррационален, и человек должен быть носителем не только интеллекта, но и живой воли к творчеству. Иррациональность «*потока жизни*» постигается только с помощью интуиции. А. Бергсон подчеркивал, что замысел жизни, единое движение, пробегающее по ее линиям, связывающее их между собой и придающее им смысл, ускользает от нашего разума. Интуиция же хочет и должна одним взором охватить все многообразие явлений как единое целое и тем самым сполна приобщает это единое целое к миру знаний.

Интуиция представляет для А. Бергсона непосредственную, самое себя постигающую и действительную жизнь, как самое себя созерцающую волю. Если в свободном акте творческой фантазии Бог являет нам свою жизнь, то с помощью интуиции мы повторяем его творческий акт (и в этом смысле мы и являемся «образом и подобием Бога»). В книге «Творческая эволюция» А. Бергсон раскрывает движущую силу философии жизни, заключающуюся в желании доставить вечно расширяющейся и просвещающейся, творящей и созерцающей личности принадлежащее ей по праву место в общей картине мира. Философия А. Бергсона «есть оппозиция против механизирования и овеществления мира, реакция против холодной рассудочной работы математи-

ческого естествознания и протест против обезличивания и обесценивания жизни».

Экзистенциалистская проблематика С. Кьеркегора. *Современный экзистенциализм*: К. Ясперс и М. Хайдеггер; А. Камю и Ж.-П. Сартр. Экзистенциализм – наиболее яркий и последовательный иррационализм. Крупнейшие представители экзистенциализма – *Сёрен Кьеркегор* в Дании, *Карл Ясперс* и *Мартин Хайдеггер* в Германии, *Альбер Камю* и *Жан-Поль Сартр* во Франции.

Экзистенциализм философски выражает глубокие потрясения европейской цивилизации, наиболее полно проявившиеся в первой половине XX века. У поколения интеллигенции, перенесшей первую мировую войну, обманчивую стабильность 20–30-х гг. XX века, фашизм и гитлеровскую оккупацию, экзистенциализм вызвал интерес прежде всего тем, что эта философия обратилась к проблеме кризисных ситуаций («хождение по мукам») для человека, претерпевающего жестокие социальные потрясения и испытания, обнаружившего свою «заброшенность» (излюбленное выражение М. Хайдеггера) в иррациональный, не контролируемый им поток событий. События этого периода европейской истории обнаружили неустойчивость, хрупкость, неустранимую конечность всякого человеческого существования, и не только индивидуального, но и родового. Отсюда самым адекватным и глубоким знанием о природе человека экзистенциализм признает осознание («тревогу», «страх», «отчаяние») человеком собственной смертности и несовершенства.

Центральное место в философии экзистенциализма (философии существования) занимает понятие экзистенции (лат. *exsistentia* – существование). Под *экзистенцией* понимается специфический человеческий способ бытия, в корне отличающийся и от вещественного предметного мира, и от сверхчувственного бытия «по ту сторону» социально-природной реальности. Отсюда *существование* понимается как «промежуточное» бытие, проявляющееся в своей подлинной реальности за порогом сознания, никогда не становящееся предметом понятийного мышления. Подлинно реальное существование может быть лишь пережито человеком «изнутри» как особое «экзистенциальное озарение» (К. Ясперс) или же как эмоциональное «понимание», опирающееся на интуицию (М. Хайдеггер).

Отождествляя человеческое существование с переживанием существования, экзистенциалисты утверждают, что не все, чем человек жи-

вет, есть существование. Когда человек трудится, отдыхает, учится и т. д. – это лишь внешнее, не подлинное существование. Чтобы приблизиться к собственно существованию, необходимо, согласно экзистенциализму, «заключить внешний мир в скобки», т. е. решительно отвлечься от него, замкнуться в рамках своего внутреннего «Я». Надо отвлечься и от того, что человек получает из внешнего мира благодаря опыту, образованию и пр. Вот тогда существование человека окажется подлинным, в то время как в обществе человек ведет неподлинное (отчужденное) существование. Это отчуждение (иллюзию того, что мир вещей определяет мир человека) нужно преодолеть. А для этого, как считают экзистенциалисты, следует заглянуть в глаза смерти, т. е. сосредоточиться на осознании собственной неустрашимой смертности. Смерть – это то, перед чем человек сбрасывает покровы отчуждения. Существование есть бытие к смерти; существовать в мире – значит существовать для смерти; человек лишь перед смертью освобождается от оков отчуждения.

Это освобождение не означает, что человек куда-то девается из мира бытия, экзистенциализм о потустороннем не говорит. Просто в предельной («пограничной») ситуации человек отдает себе отчет в том, что его существование и есть бытие в мире, бытие «здесь и теперь», а не какое-то абстрактное, отдельное от человека бытие вещей (природных и социальных). Существование человека должно обязательно включаться в определение бытия; существование человека есть событие с миром вещей и с миром событий. И здесь нам надо обратиться к отдельным философам-экзистенциалистам и, прежде всего к С. Кьеркегору, заложившему принципиальные основания философии существования.

Центральной проблемой своей философии Кьеркегор считал *проблему выбора*. Выбор необходим, решаясь: «или–или». Сама ситуация выбора «потрясает» душу человека своей неизбежностью, ибо она ущемляет свободу личности. По Кьеркегору, человек многообразен в силу многообразия своей жизнедеятельности, в этом смысле свободен в своих поступках, обладает свободой воли. Но свобода в проявлении жизнедеятельности ставит человека перед необходимостью выбора. Кроме человека некому решать, куда направить свою волю, и поэтому выбор неизбежен; границей свободы субъекта является проблема выбора, это его экзистенциальная характеристика – «или–или», на языке Кьеркегора. Неизбежность выбора, принятие решения несет трагедию,

психическое переживание. Выбор навязан человеку извне (Богом ли, обществом ли), человек «заставлен» выбирать независимо от того, хочет он этого или нет. Любой выбор глубоко безразличен существованию: сделаете ли вы то или другое, вы одинаково раскаяетесь («или–или» безразлично). И в этом мука и проклятие человека. И все же выбор необходим, выбор при этом процесс неотлагаемый, срочный, мгновенный. И в этом смысле – экзистенциален.

В произведении «Наслаждение и долг» Кьеркегор пишет: «Внутреннее движение личности не оставляет времени на эксперименты мысли... наступит, наконец, минута, когда более и речи не может быть о выборе... за человека выбрала сама жизнь, и он потерял себя самого, свое Я». Здесь можно вспомнить слова Гамлета в трагедии Шекспира: «Нас трусом делает раздумье». Но если выбор состоялся, если человек осознал свое назначение, то это величайший по смыслу и содержанию этап его жизни: человек сам чувствует важность, серьезность и бесповоротность совершившегося. *Человек выбрал самого себя!*

Обратимся к К. Ясперсу. К. Ясперс ввел в философию экзистенциализма понятие «*пограничной ситуации*» и связанное с ним понятие «*раковины*», или «*футляра*». Человек в целях самосохранения живет как бы в «раковине», прячась от острых кризисных положений («пограничных ситуаций»). Но спрятаться трудно, поэтому человека всю жизнь сопровождает страх, отчаяние, страдание, вина (как понятия, это одни из центральных категорий экзистенциализма). «Пограничные ситуации» по существу неразрешимы, они ведут либо к параличу, либо к конфликту. И то, и другое – не выход. Где же он? К. Ясперс предлагает человеку в катастрофических случаях уповать на Бога. Поэтому Ж.-П. Сартр называет К. Ясперса христианским экзистенциалистом. М. Хайдеггера, так же как и самого себя, Ж.-П. Сартр относит к экзистенциалистам-атеистам.

Теперь, об идеях М. Хайдеггера. Важнейшей его книгой является «Время и бытие» (1927). Можно сказать, что это своего рода «Библия экзистенциализма». В этой книге поднимаются в духе экзистенциализма проблемы онтологии (бытия). М. Хайдеггером рассматривается не Sein (бытие вообще) и не микрокосм (человек как элемент космоса), как это было до сих пор в онтологии. Избирается анализ как бы от противоположного – от *человеческого существования* (Dasein) к миру, как он видится человеку и выстраивается вокруг него. «Чтобы как отношение бытия к существу человека, так и сущностное отношение человека к

открытости бытия как такового схватить одновременно и в одном слове, для сущностной области, в которой стоит человек как человек, было избрано имя «присутствие» (Dasein)».

Dasein первично, это бытие сознания, но сознания не познающего субъекта, а страдающее сознание. Согласно Хайдеггеру, это такое бытие, которое способно «вопрошадь» о себе самом и «устанавливать» себя по отношению к бытию (сосуществовать с бытием). Итак, Dasein есть бытие, наделенное сознанием, его «здесь»-(тут-)(вот-)бытие», т. е. «здесь-присутствие». Но это такое *здесь-присутствие*, через которое говорит само бытие. Мир оказывается как бы окрашенным в эмоциональные тона (страха, вины, заботы). *Забота* (Sorge) – важнейшая категория экзистенциализма. У Хайдеггера даже употребляется формула: «Человек есть забота». Человек постоянно озабочен, и это есть его бытие в мире («In-Der-Welt-Sein»).

Французский экзистенциалист Ж.-П. Сартр в своих произведениях поднимает проблемы соотношения существования и сущности, свободы, выбора и ответственности. В трактате «Экзистенциализм – это гуманизм» Сартр пояснял смысл категорий существования и сущности так: ремесленник, изготавливающий, скажем, нож, представляет себе, что он хочет сделать, он делает нож, – здесь сущность предшествует существованию вещи. Другое дело с человеком. Дитя рождается, оно уже существует, но ему еще предстоит обрести человеческую сущность, стать человеком. Здесь «*существование предшествует сущности*».

Приведя эту формулу, Сартр формулирует первый принцип экзистенциализма, позволяющий нам перейти к пониманию мыслителем *проблемы свободы*. Вот этот принцип (в силу его значимости, приведем его полностью): «Для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам. Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы ее задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать. И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать, и проявляет волю уже после того, как начинает существовать, и после этого порыва к существованию, то он есть лишь то, что сам из себя делает. Таков первый принцип экзистенциализма».

Теперь о свободе. В той же работе «Экзистенциализм – это гуманизм» Сартр приводит пример некоего молодого человека, который не знает, пойти ли ему защищать родину от оккупантов или остаться с матерью, для которой он единственная опора. Юноша колеблется между любовью к своей матери и ратным подвигом для спасения родины. Юноша – христианин и решает посоветоваться со священником.

Но к какому же священнику обратиться за советом? Сартр пишет: «Но есть священники-коллаборационисты, священники-выжидатели, священники-участники Соппротивления. Так кого же выбрать? И если юноша останавливает свой выбор на священнике-коллаборационисте, то он уже решил, каким будет совет». Так что, практически, выбирая советчика, выбор молодой человек все равно делает сам. Конечно, легче было выбрать коллаборационизм (сотрудничество с фашизмом), но те, кто выбрал Соппротивление, действовали не по расчету, а рискуя жизнью и ее благами, зато не изменяли себе (своему существованию). Человек, по Сартру, может оставаться свободным или рабом вне зависимости от обстоятельств. Закованный в кандалы может быть свободным, а живущий на свободе и весьма обеспеченный может быть рабом. Человек сам «выбирает» себе свободу или несвободу.

Последний из философов экзистенциалистов, к кому мы обратимся, – А. Камю. Для Камю существует лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – *проблема самоубийства*. Камю писал в «Мифе о Сизифе», в котором исследовал *абсурдность мира*, «выскальзывающего» из наших рук (мир чужд нам так же, как чужд Сизифу камень, который он вынужден катить в гору всю свою жизнь): «Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное – имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум десятью или двенадцатью категориями, – второстепенно». Как определить бóльшую неотложность одного вопроса в сравнении с другим? – спрашивал Камю. И отвечал так: нужно судить по поведению людей. Я никогда не видел, – писал он, – чтобы кто-то умирал за онтологический аргумент. Так, Галилей, хотя и ценил научную истину, но в то же время и отсекся от нее, как только отстаивание ее стало угрожать его жизни. И он был прав. Эта истина не стоила костра. Земля ли вертится вокруг Солнца, Солнце ли – вокруг Земли. Не все ли равно? Вопрос пустой. Но в то же время можно увидеть, как умирает множество людей только потому, что, по их мнению, жизнь не стоит того, чтобы ее прожить. Поэтому,

заклучил Камю, «вопрос о смысле жизни я считаю неотложным из всех вопросов».

А. Камю был идеологом молодежного движения 50–60-х гг. XX века в Западной Европе и США. Участники этого движения цитировали фразу Камю из «Бунтующего человека» (1951): «Я бунтую, следовательно, мы существуем», которую он употреблял в противовес декартовскому «я мыслю, следовательно, я существую». Отталкиваясь от философии абсурда, Камю утверждает, что «первая и единственная очевидность», которая дается в опыте абсурда – это *бунт*. Камю рассматривал различные виды бунта: «метафизический» (восстание человека против своего удела и всего мироздания), «исторический», «художественный». Лучшее выражение бунта, считал он, – в искусстве, в котором человек наиболее свободен, а свобода есть высшая цель человека.

Фрейдизм и неопрейдизм, психоанализ: З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм. Ното *sapiens* («человек разумный») – так обычно говорят о человеке, чтобы подчеркнуть его специфику. Но факты (и многие!) говорят о противоположном: о проявлениях немотивированной агрессивности, о скрытых и темных импульсах «ночного человека». Вот эта «темная» сторона человеческой природы и стала предметом психоанализа, основателем которого был австрийский психолог, невропатолог и философ *Зигмунд Фрейд*.

Согласно Фрейду, в психике человека можно выделить три уровня: *сознательное* – то, что осознается личностью; *предсознательное* – то, что личностью не осознается, но при определенных условиях может осознаваться; *бессознательное* – представления, которые «не становятся сознательными, потому что им противодействует известная сила». Развивая учение о трех уровнях психики, Фрейд выдвигает идею о «связной организации психических процессов личности», включающей «Я» (Ego) личности, «Оно» (Id) и «Я-идеал», или «Сверх-Я» (Super-Ego).

К «Я» «прикреплено сознание», контролирующее все психические процессы. Через «Я» происходит вытеснение в бессознательное «запрещенных» сознанием представлений. «Оно» – это бессознательное, сфера инстинктов, страстей и переживаний, стремящихся преодолеть сопротивление «Я» и проявиться в сознании. «Сверх-Я» – область социальных норм и нравственных установок. Главное внимание в учении Фрейда уделено бессознательному, содержанием которого являются

два вида влечений – сексуальные инстинкты – *либидо* (лат. *libido* – влечение, желание, стремление), цель которых заключается в продолжении рода, и *влечения к жизни*, имеющие своей целью сохранение, поддержание и развертывание жизни во всех ее аспектах и проявлениях. Впоследствии оба влечения Фрейд объединяет в одно – влечение к жизни (Эрос), которому противостоит влечение к смерти (Танатос).

Вокруг влечений, подвергшихся вытеснению в область бессознательного, согласно Фрейду, формируется целый ряд комплексов, центральным из которых является *Эдипов комплекс*. Согласно древнегреческому мифу, Эдипу, сыну царя Фив, было предсказано, что Эдип станет убийцей своего отца и супругом своей матери, что впоследствии и осуществилось. Отношение к отцу, по Эдипову комплексу, амбивалентно (лат. *ambo* – оба и *valentio* – сила; двойственность переживаний). Отец вызывает у мальчика противоположные чувства: стремление устранить отца как своего соперника и вместе с тем чувство преклонения перед ним, ибо отец может и наказать и защитить. У девочек подобное чувство проявляется в виде комплекса Электры – в любви к отцу и ревности к матери. «В Эдиповом комплексе, – пишет Фрейд в работе «Тотем и табу» (1913), – совпадают начала религии, нравственности, общественности и искусства в полном согласии с данными психоанализа, по которым этот комплекс составляет ядро всех неврозов...».

Важнейшую роль в учении Фрейда играют понятия сублимации (от лат. *sublimo* – возношу) и вытеснения. *Сублимация* – это перенесение, переключение психической энергии с социально неприемлемых, низменных целей на социально-приемлемые: творчество в области науки, искусства, литературы и иные виды творчества. *Вытеснение* по своей направленности противоположно сублимации. Человек неосознанно загоняет свои влечения в самые дальние уголки психики, накладывает на них жесткий запрет. Но они от этого не исчезают, а, наоборот, становятся источником отрицательной энергии, рождают агрессивность, приводят к различным психическим расстройствам и неврозам. Будучи же выявлены с помощью психоаналитических методов, разработанных Фрейдом, и представленными на свет сознания, они утрачивают свою разрушительную силу.

Вместе с тем в учении Фрейда человек предстает существом, руководимым в жизни исключительно низменными устремлениями. Теория Фрейда производит *редукцию* (низведение) всех высших проявлений

человеческого духа до низших. На эту сторону фрейдовской концепции, практически игнорировавшей социальный фактор, обратили внимание последующие психоаналитики, прежде всего К. Юнг и Э. Фромм.

Карл Густав Юнг – швейцарский психолог и философ, родоначальник аналитической психологии. Согласно Юнгу, бессознательное вовсе не является темным хранилищем пороков и плотских влечений, как считал Фрейд. Это собрание утраченных воспоминаний, аппарат интуитивного восприятия, значительно превосходящий по своим возможностям сознательное мышление. Юнг выявляет так называемое «коллективное бессознательное» как более глубинный, чем личностное бессознательное Фрейда, слой психики, несущий в себе «свойства всего человечества, как некоего общего целого». *Коллективное бессознательное* – это итог жизни человеческого рода, оно присуще всем людям, передается по наследству и служит основанием, на котором вырастает индивидуальная психика. Содержанием коллективного бессознательного являются так называемые *архетипы* – праобразы (первобытные образы), изначальные врожденные психические структуры, образования архаического характера, включающие мифологические мотивы. Мифотворчество, считает Юнг, присуще человеку во все времена. Взаимодействуя с глубинными архетипическими (от греч. arché – начало и týpos – образ) структурами коллективного бессознательного, сознание создает новые мифы, иррациональные идеи. Одной из таких идей, считает Юнг, является идея национал-социализма в Германии, основанная на архетипическом образе мифологического древнегерманского бога «грозы и неистовства» – Вотана.

Эрих Фромм – немецко-американский психолог и социолог, представитель неопрейдизма, соединившего идеи психоанализа с социологическими теориями. «Человеческая натура, – пишет Фромм в работе «Бегство от свободы» (1941), – это не сумма врожденных, биологически закрепленных побуждений, но и не безжизненный слепок с матрицы социальных условий; это продукт исторической эволюции в синтезе с определенными врожденными механизмами и законами». Фромм вводит, в отличие от классического психоанализа, понятие «социальное бессознательное». *Социальное бессознательное* – это вытесненный психический материал, общий для большинства членов данного общества; социальный по своей природе и представляющий собой социальный характер. *Характер* определяется Фроммом как «относительно

стабильная система всех неинстинктивных стремлений, через которые человек соотносится с природным и человеческим миром». Развивая идею социального характера, Фромм опирается на такие понятия, как «обладание» и «бытие», трактуя их как «два основных способа существования, два разных вида самоориентации в мире, две различные структуры характера, преобладание одной из которых определяет все, что человек думает, чувствует и делает».

Если человек живет по принципу обладания, его отношение к миру выражается в стремлении овладеть этим миром, превратить все и всех в свою собственность. Альтернативой обладания является бытие. В понимании Фромма, бытие – это истинная природа личности, которая ориентирована на независимость, свободу, критический разум. Внутренняя активность – вот основная характеристика бытия личности. «Быть активным, – пишет Фромм в работе «Иметь или быть?» (1976), – значит дать проявиться своим способностям, таланту, всему богатству человеческих дарований, которыми – хотя и в разной степени – наделен каждый человек». Быть – значит также «общаться с другими людьми, вырваться из тьмы своего одиночества и эгоизма». Ориентация на бытие включает такие качества личности как потребность отдавать, делиться с другими, стремиться к единению, что характерно для действительно демократического, гуманного общества.

Герменевтика. Интерпретация, понимание, герменевтический круг. Герменевтика (от греч. hermēneutikós – разъясняющий, истолковывающий) – это искусство и теория истолкования текста. Одним из первых произведений герменевтического характера принято считать сочинение Аристотеля «Об истолковании». Когда возникло христианство, то искусство и теорию истолкования текста, в то время называвшихся экзегетикой (от греч. exēgētikós – разъясняющий), стали применять как инструмент правильного понимания Библии. При этом было обращено внимание на то, что текст может иметь несколько смысловых уровней.

В начале XIX века немецкий протестантский теолог и философ *Фридрих Шлейермахер*, рассматривая возможность применения герменевтики к любым текстам, а не только к священному писанию, понял, что герменевтика может служить особым (в отличие от других методов работы с текстом, например, грамматики) способом понимания внутреннего мира автора текста.

Немецкий философ *Вильгельм Дильтей* уже связывает с герменевтикой «науки о духе», изучающие общество и человека, историю и культуру. Ведь «науки о духе» так или иначе сталкиваются с задачей постижения внутреннего мира автора текста, поскольку данные науки реконструируют картину изучаемых событий посредством обращения к письменным источникам, т. е. к текстам. Дильтей считал, что ученый не в состоянии адекватно воспроизвести, правильно интерпретировать прошлые факты без учета психологии, мотивации, менталитета создателя документа как письменного свидетельства. Нужно, как полагал Дильтей, «*вжиться*», «*вчувствоваться*» в образ жизни и образ мыслей автора.

В XX веке герменевтика поднимается до уровня *философской дисциплины* и рассматривается как важнейший исследовательский метод всего комплекса социально-гуманитарных дисциплин. Научная работа с текстом становится существом гуманитарного познания: постигнуть духовную жизнь человека соответствующей эпохи можно только через раскрытие многозначности текста. При этом необходимо учесть, что познающий субъект сам становится, «*вживаясь*» в содержание текста, в духовный мир, выражаемый автором текста, частью познаваемой духовной реальности. Получается, что постижение смысла текстов постоянно движется по пути их интерпретации и понимания через эту интерпретацию духовного мира автора и эпохи, выраженного в тексте, к новым текстам и к новым, более глубинным, смысловым уровням.

Понимание и интерпретация становятся важнейшими понятиями философской герменевтики. При этом сама герменевтика превращается из учения о методе познания в учение о бытии. Человек, в герменевтике, есть существо, бытие которого заключается в понимании. Понимание становится не только способом познания, но и способом существования человека. Крупнейшими представителями философской герменевтики считаются французский философ *Поль Рикёр*, уже известный нам Мартин Хайдеггер, его ученик *Ханс-Георг Гадамер*, автор программного труда «Истина и метод. Очерки философской герменевтики» (1960) и др.

Что же такое *интерпретация*? «Интерпретировать, – считает Рикёр, – значит идти от явного смысла к скрытому». Интерпретация подчинена главной герменевтической задаче – *пониманию*. Цель понимания заключается в том, чтобы перенести смысловую связь и структуру от другого жизненного (исторического и личностного) мира в свой

собственный. То, «что является жизненным, — пишет в «Истине и методе» Гадамер, — ... в действительности никогда по-настоящему не познается предметным сознанием, напряжением разума, который стремится проникнуть в закон явлений. Жизненное — не такого свойства, чтобы можно было извне достичь постижения жизненности. Напротив, единственный способ постичь жизненное — это постичь его изнутри». При этом необходимо внимательно относиться к внутреннему миру другого человека, к духу иной культуры, чтобы присущие им смыслы были восприняты нами, как они воспринимались в свое время самими носителями этих смыслов. «Понимать, — пишет Рикёр, — означает переноситься в другую жизнь». При этом возникает проблема так называемого *герменевтического круга*.

У Шлейермахера герменевтический круг — это принцип понимания текста, основанный на взаимосвязи части и целого: понимание целого складывается из понимания отдельных частей, а для понимания отдельных частей необходимо понимание целого. Получается круг, но только герменевтический. Герменевтический круг усложняется тем, что и анализируемый текст (как целое) является частью по отношению ко всему творчеству автора, а творчество автора, в свою очередь, часть соответствующего жанра, а жанр включается в литературу. Но и это еще не все! Текст ведь является еще и частью душевной жизни автора. Поэтому у Дильтея в качестве элементов герменевтического круга, в соотношении части и целого, выступают текст и биография его автора.

Идея герменевтического круга усложняется еще и тем, что взявшись за решение задачи понимания какого-либо текста, субъект исследования так или иначе уже имеет некоторое представление о том, что предстоит понять (беспредпосылочного понимания не существует!).

Исследователь уже настроен на определенную «волну», невольно ожидает от воспринимаемого текста того, что соответствует его представлениям о смысле текста. Получается, что без *предпонимания* (первичного понимания), предшествующего дальнейшему углублению в смысл текста, не обойтись. Поэтому разработка предварительного наброска смысла текста и его последовательный пересмотр становятся процессом понимания смысла текста, способом «переноса» в другую жизнь. Тем самым философская герменевтика поднимается через механизм понимания до рассмотрения всего объема человеческих взаимоотношений и форм общения, наполняется высоким моральным пафосом озабоченности за опасные последствия разобщенности людей,

трудности установления взаимопонимания. И в этом высокий гуманитарный потенциал герменевтики.

Структурализм: Ж. Деррида, М. Фуко, Р. Барт. Во второй половине XX века в Западной Европе возникает новое направление, обозначаемое в целом как «*постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистский комплекс*». Каковы общие черты данного комплекса и кто его наиболее видные представители?

Во-первых, в данном философском направлении реализуется так называемый *интердисциплинарный подход*, отходящий от узкопрофессиональной трактовки содержания философского знания (онтология, гносеология, аксиология и т.д.). Здесь объектом философского исследования рассматривается все, что может быть проинтерпретировано с целью поиска новых смыслов. Текст же в этом случае понимается как любая система знаков, несущая некую информацию и содержащая в себе любые скрытые смыслы. Поэтому, в отличие от традиционных способов и приемов философского исследования, здесь отдается предпочтение самым разным гуманитарным методикам: философским, филологическим, историческим, политологическим и др.

Во-вторых, основой методологии исследования любого текста является *принцип деконструкции* (лат. de... – отмена, устранение чего-либо). Смысл деконструкции «как специфической методологии исследования литературного текста заключается в выявлении внутренней противоречивости текста, в обнаружении в нем скрытых и не замечаемых не только неискушенным, «наивным» читателем, но ускользающих и от самого автора («спящих», по выражению Жака Дерриды) «остаточных смыслов», доставшихся в наследие от речевых, иначе – дискурсивных, практик прошлого, закрепленных в языке в форме неосознаваемых мыслительных стереотипов, которые, в свою очередь, столь же бессознательно и независимо от автора текста трансформируются под воздействием языковых клише его эпохи».

На первый взгляд кажется, что это вовсе не новое слово в философии, а уже известная нам герменевтика. Однако это не так. В герменевтике традиционно строится общая исследовательская программа, деконструктивизм же отказывается от любой программы, рассматривая ее как дань классике. Цель герменевтиков – понять текст – вообще становится для деконструктивизма малозначимой. Для него главное – текст как таковой, выяснение того, как форма, выразительные средства (особо среди них выделяется деконструктивизмом метафора) и смысл,

но не единственно только он, а среди прочих, оказывают влияние на любое содержание, облеченное в текстовую форму.

При этом текст может быть любым: как художественным, так и научным. Все это вместе составляет основу в деконструктивизме так называемой концепции «нарратива» (от лат. *gnarus* – знающий, осведомленный о чем-либо), или «повествования». «Согласно этой теории, мир может быть познан только в форме «литературного» дискурса; даже представители естественных наук, например, физики, «рассказывают истории» о ядерных частицах». Считается, что посредством нарратива мы придаем реальности форму и смысл, упорядочиваем наш опыт по отношению к этой реальности посредством текстового (повествовательного) выделения начала, середины и конца, центральной и побочной тем, т. е. человеческая способность рассказывать истории есть главный способ, каким людям удается упорядочить и осмыслить окружающий мир.

Комбинируя слова, литератор или рассказчик даже вносит в мир нечто, доселе в нем отсутствующее – новые типы личностей и виды предметов, способы поведения и существования. По мнению Р. Барта, «заявления, касающиеся «реализма» нарратива, не должны приниматься во внимание... Функция повествования – не «представлять», а составлять зрелище... Нарратив не показывает, не имитирует... С референционной, реалистической точки зрения в повествовании буквально ничего не происходит. А «что происходит», то – есть один лишь язык, приключение языка...».

В-третьих, для анализируемого комплекса характерной является критика рационалистических схем объяснения, что проявилось в постструктурализме. Классический структурализм, основанный шведским языковедом Фердинандом де Соссюром, искал некоторые исходные объяснительные схемы, которые имелись, например, уже в первобытном сознании и которые сохраняют свою устойчивость при различного рода преобразованиях и изменениях. Для нас сегодня эти схемы оказались «закрыты» цивилизацией, но их выявление способно многое объяснить (в силу их устойчивости) и в современных культурных явлениях. Постструктурализм (лат. *post* – после), напротив, предлагает свободный поток мысли и интерпретации, считая, что любые «навязываемые» человеком и эпохой схемы объяснения заставляют реальное положение дел подгонять под выдуманную кем-то систему, насильно устанавливать некий порядок схемы. «Вне текста нет ничего» – таков

девиз постструктурализма. Есть только операции «разборки» и «сборки» текста (или, иначе, деконструкции), цель которых «свести с ума структурализм, культуру, общество, религию, психоанализ», – такова методологическая направленность постструктурализма.

Наконец, *в-четвертых*, для исследуемого «постструктуралистско-деконструктивистского комплекса» характерно резкое изменение поля соотношения между обыденным сознанием и теоретическим мышлением философа. Если для классической философии обыденное сознание представляло собой лишь объект для просветительской деятельности, то для нового направления обыденное сознание (для которого найдена такая формула: «психология здесь и теперь») становится не только равноправным объектом философских изысканий, но занимает даже более значимое, приоритетное место.

Теперь немного о философских представителях данного комплекса. Теоретические предпосылки постструктурализма и деконструктивизма были разработаны французским философом и литератором *Жаком Дерридой*. В основу философской работы («грамматологии») им ставится идея принципиальной бесструктурности, интерпретация, понимаемая как свободная игра слов («поэтическое мышление», по выражению Хайдеггера). Дело в том, считает Деррида, что выбор изначальной смысловой структуры часто не только не обоснован, а самим фактом своего существования просто как бы закрывает от нас иные возможные смыслы.

Согласно *грамматологии*, у «письма» (так Деррида называет текст) нет начала, так как любое письмо есть список с более раннего письма, которое в свою очередь есть список (транскрипция) с предыдущего. Считая себя «наукой мысли и разума», классическая философия стремится избавиться от письма, тем самым упуская из виду важнейшую основу существования мысли. Поэтому, в противоположность традиционному исследованию текстов, Деррида и предлагает их структурную деконструкцию, т. е. «расколдование» от логицизма и рационализма в их построении и истолковании.

Еще более радикальную позицию занимает французский философ *Мишель Фуко*, начавший свою деятельность как структуралист, особое место уделивший исследованию истории. История интерпретируется Фуко не как общая цепь взаимосвязанных явлений, а как случайная совокупность замкнутых и разнородных событий. В основе же интерпретации истории лежат документы, т. е. тексты, которые аналогично

естественно-научным фактам выступают в качестве фактов исторических.

Но здесь Фуко един во мнениях с Дерридой, специфика любого текста позволяет его достаточно свободно интерпретировать. С точки зрения такой интерпретации, считает Фуко, нельзя говорить о примате идеи непрерывности истории, сегодня приоритет надо отдавать идее прерывности. В то время как традиционная история «видела свою задачу в определении отношений (простой причинности, цикличности, антагонизма и проч.) между фактами и датированными событиями, — пишет Фуко, — сегодня проблема состоит в установлении и переустановлении рядов, в определении элементов ряда».

Таковыми рядами в истории выступают локальные замкнутые области, которые несводимы одна к другой и обозначаются как «эпистема» — *проникающая дискурсивность* (от лат. *discursus* — рассуждение, довод; в постструктурализме и деконструктивизме — «речь», «языковое мышление»), от которой мы не можем освободиться при рассмотрении истории. *Эпистема* (франц. *épistème*) — главное понятие книги Фуко «Слова и вещи. Археология гуманитарного знания» (1966). Эпистемы — исторически изменяющиеся структуры, «исторические априоры», которые определяют, будучи сами скрыты от непосредственного наблюдения (в этом смысле они и существуют *a priori* — лат.: независимо от опыта), условия и возможности образований сознания и культуры в конкретный исторический период.

В европейской культуре Нового времени Фуко выделяет три эпистемы: возрожденческая (XVI в.), классического рационализма (XVII–XVIII вв.) и современная (с конца XVIII — начала XIX в. и по настоящее время). Основной упорядочивающий принцип — это соотношение между «словами» и «вещами». Именно это соотношение задает мыслительное своеобразие той или иной эпохи.

Для Возрождения характерным является тождественность «слов» и «вещей», классический рационализм характеризуется тем, что «слова» и «вещи» опосредованы мыслительными представлениями, а современность характеризуется тем, что жизнь, труд, язык как интегрирующие онтологические факторы опосредуют «слова» и «вещи». Каждая эпистема не сводима к другой и не выводима из другой. Следовательно, в основу истории в качестве ее принципа может быть положена случайность. Случайность в свою очередь наиболее адекватно реали-

зуется в понятии «безумие», что позволяет дать совершенно иное от традиционного рассмотрение истории.

А может быть в основе интерпретации истории рассмотрен и фактор развития сексуальности, что было предметом исследования Фуко в последние годы его жизни («История сексуальности» в 3 томах, 1976–1984). Причем Фуко анализирует сексуальность как политическую конструкцию, а не как естественную, только природную данность, существующую независимо от властных практик, которые, собственно, и придают ей статус объекта, т. е. формируют в обществе отношения между полами.

Особое место в деконструктивизме занимает творчество швейцарского литературоведа *Ролана Барта*. Основным понятием в деконструктивизме Барта является «*смерть автора*». Если для герменевтики, как уже было показано, важен автор текста как личность, учет социокультурных условий создания текста, то в деконструктивизме значим текст сам по себе, а автором вообще можно пренебречь. По мнению Барта, текстовый анализ «не ставит себе цель *описание* структуры произведения... Текстовый анализ не стремится выяснить, чем детерминирован данный текст... цель состоит скорее в том, чтобы увидеть, как текст взрывается и рассеивается в межтекстовом пространстве... Мы не ставим перед собой задачи найти *единственный смысл*, ни даже один из возможных смыслов текста. Наша цель – помыслить, вообразить, пережить множественность текста, открытость процесса означивания».

Постмодернизм (лат. post – после и модернизм) выступает как синтез постструктурализма и деконструктивизма, представляя собой самую широкую социокультурную установку, пронизывающую все уровни современного сознания. Это своеобразный новый взгляд на мир, взгляд сегодняшнего человека, занявший место некритического отношения к идеям гегелевской диалектики, просвещения, прогресса, коллективности и т. д., т. е. тому, что получило в философии культуры название модернизм (франц. modernisme от франц. modern – новый, современный). Постмодернизм имеет своей целью разрушение привычных для предшествующей культуры разделений ее феноменов на реализм и ирреализм, формализм и содержательность, «чистое» (элитарное) и массовое искусство и т. д.

Известный теоретик постмодернизма *Ихаб Хассан* (США) выделяет следующие главные принципы и ценности постмодернизма.

1. *Неопределенности, неясности, пробелы* как принципиальные установки постмодернистских произведений искусства и философских концепций.

2. *Принципиальный фрагментаризм*, воплощенный в склонности к методам коллажа (франц. collage, букв. – наклеивание), т. е. включения в сочинение стилистически чуждых ему фрагментов, произвольного монтажа, «вырезок» и «врезок», в акцентировании «разломов», «краев» и т. д.

3. *Постмодернизм отвергает все каноны, выступает против всех устоявшихся авторитетов*. В литературе это, условно конечно, означает «смерть автора» (Р. Барт), т. е. прекращение его «отцовской власти» и попечительства над читателем.

4. *Постмодернизм возвещает о «смерти субъекта»*. Традиционно понимаемый читатель (слушатель и т. д.) перестает быть центром мысли и переживания, лишается своей мнимой «глубины». Современный человек не имеет возможности и времени держать в голове глубокие идеи автора (читать «толстые книги», как это было в классике). Проще заглянуть в телевизор, как в окно, зафиксировать сиюминутный событийный момент, не утруждая себя при этом вопросами о сущности происходящих событий. Причем в любой момент можно «выйти» из воспринимаемого сюжета без последующего ощущения какой-то неоконченности, как это было бы в случае прерывания классического романа, а также вновь с любого момента «войти» в него.

5. Постмодернизм отстаивает *права ирреализма*: не все может быть реально «показано», «изображено», «иконизировано».

6. *Ирония* – одна из постмодернистских установок, подразумевающих игру, саму иронию, аллегория и т. д. как важнейшие подходы литературы и искусства и, вообще, всего мыслительного творчества.

7. *«Гибридизация»*, подразумевающая смешение, скрещивание привычных жанров искусства, заимствование одними жанрами творчества, стилей и методов других жанров («плагиатизм»).

8. *«Карнавализация»*, под которой имеется в виду «радостная релятивность» (относительность, перемешивание) вещей и событий, «сумасшедшая чересполосица жизни», т. е. карнавал, вызывающий «имманентный (внутренний, произвольный) смех» и т. п.

9. *Равное «участие в игре»*, под которым подразумевается равное «представительство» в произведении авторов, читателей, слушателей, т. е. отсутствие назидательности, морализаторства и т. п.

10. «*Конструктивистский характер творчества*», т. е. то, что можно назвать «сборкой», «разборкой» и т. д. текстовых сюжетов, что сближает постмодернизм с «техническим конструированием».

Подводя итог, можно отметить, что постмодернизм, прежде всего в философии, обратил внимание на кардинальную переоценку ценностей в обществе рубежа нового тысячелетия, отверг идеологию властвования и насилия, высказался в пользу плюрализма, равноправного диалога, совместного нахождения решения, согласия, но подчеркнул при этом, что это такое согласие, которое основывается в мире новых ценностей на неизбежности принятия расхолаживания и разногласия.

К Контрольные вопросы

1. Каков общий характер философских учений Античности?
2. Почему немецкую философию начала XIX века называют классической?
3. В чем состоит особенность русской философии «Серебряного века»?
4. Почему и справедливо ли марксистская философия претендовала на научный характер своих теорий?
5. Имеет ли общие черты западная философия XX века? Какие?

К Задания для самостоятельной работы

1. Сформулируйте свой взгляд на источник античного материализма.
2. Оцените аргументы Платона в пользу идеализма.
3. Охарактеризуйте принципиальную новизну идей И. Канта о роли философии.
4. Состоялась ли, на ваш взгляд, научная теория общества и его истории в философии марксизма?
5. Покажите уникальность «русского космизма».
6. Что дал науке и философии психоанализ З. Фрейда?
7. Покажите политическую злободневность экзистенциализма.
8. Свяжите программу позитивизма с неклассическим характером науки в XX веке.

К Литература

1. *Алексеев П.В., Панин А.В.* Хрестоматия по философии. – М., 1997.
2. *Асмус В.Ф.* Античная философия. – М., 1976.
3. *Зеньковский В.В.* История русской философии. В 2 т., 4 кн. – Л., 1991.
4. *История философии: учебник для вузов.* – М., 1998.
5. *Канке В.А.* Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. – М., 2000.
6. *Рассел Б.* История западной философии. В 2 т. – Новосибирск, 1999.
7. *Сагатовский В.Н.* Философия развивающейся гармонии. В 3 ч. – СПб., 1997–1999.
8. *Современная западная философия: словарь.* – М., 1991.
9. *Соколов В.В.* Средневековая философия. – М., 1979.

Глава 3

ФИЛОСОФСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ: ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

В формальной логике противоречие является сигналом бедствия, но в развитии реального знания оно означает первый шаг по направлению к успеху.

Алфред Норт Уайтхед

В позднем Средневековье философ Н. Кузанский замечает, что реальный процесс познания не может быть теоретически изображен в понятиях классической (аристотелевской) логики. Ф. Бэкон в XVII веке прямо ставит задачу создания «нового метода», положив начало разработке индуктивной логики. И. Кант тоже заявляет о необходимости создания «новой логики», актуализируя вопрос о «содержательной» логике. По существу, систематическое решение вопроса о создании нового метода познания, новой логики предложил в начале XIX века Гегель.

Диалектическая логика – это наука о законах и формах движения и развития *теоретического* мышления. Гегель утверждал, что «Дух и природа имеют *всеобщие законы*, согласно которым протекает их жизнь и совершаются их изменения». Всеобщность законов диалектики, т. е. отражение в этих законах и развития бытия (материи), и развития мышления, определяет различие объективной и субъективной диалектики. *Объективная диалектика* (диалектика бытия) – это диалектика «вещей», противоречивое движение (развитие) материального мира, природы, бытия. *Субъективная диалектика* (диалектика мышления) – это диалектика понятий, противоречивое движение (развитие) мышления, познания. В дальнейшем под «диалектической логикой» будет пониматься прежде всего субъективная диалектика как особая

1. Рассудочная (АБСТРАКТНАЯ) форма логического. Рассудок – это способность мышления абстрагировать общие понятия и фиксировать их непротиворечивость. Мышление на уровне рассудка «не гибко», не диалектично, т. е. не умеет понять противоречие. Тем не менее умение создавать общие (абстрактные) понятия – это первая необходимая ступень логики.

Логика рассудка есть логика формальная, которая стремится избегать противоречия по закону «исключения третьего», гласящего: из двух противоречивых мнений о предмете одно неизбежно истинно, другое – ложно, третьего – не дано. Необходимость формальной логики заключается в том, что благодаря ее правилам мы мыслим *точно и определено*.

При всей своей точности абстрактные понятия несут в себе *ограниченность формально-логического мышления*: объективно-противоречивый предмет, имеющий противоположные характеристики, описывается *односторонним* понятием, фиксирующим лишь *одну из противоположностей*. Такое понятие является ЦЕЛОСТНЫМ, но «однобоким», односторонним, неполным, абстрактным (рис. 1).

2. Отрицательно-разумная форма логического. Здесь мышление осуществляется на уровне разума, но в *отрыве* от рассудка. Роль разума заключается в том, что он видит противоречивость реальных предметов, которая на ступени рассудка игнорируется и подавляется формально-логическим определением. Однако разум, не опирающийся на рассудок, оказывается неспособен охватить противоречие как *целостность* особого рода. Предмет как бы «расщепляется» из-за внутренней противоречивости, потому что наше мышление на этой ступени не умеет «свести концы с концами».

Такое мышление характеризуется Гегелем как «негативно-диалектическое». «Диалектичность» заключается в способности видеть противоречие, «негативность» – в неспособности *целостно представить* внутренне противоречивый предмет. Проявлениями негативно-диалектического мышления являются и софистика, и гносеологический скептицизм, доведенный до агностицизма.

3. Положительно-разумная форма логического. Мышление объединяет на этой ступени и рассудок, и разум. «Союз» рассудка и разума приводит к *абстракциям, которые объединяют противоположности, тем самым наиболее полно, т. е. конкретно отражая действи-*

тельность. Предмет конструируется в понятии как КОНКРЕТНОЕ ПРОТИВОРЕЧИВОЕ ЦЕЛОЕ, единство противоположностей.

Диалектическому мышлению, «улавливающему» противоположности и объединяющему эти противоположности, соответствует *диалектическая логика*, позволяющая *конкретно-целостно представить* противоречивую и развивающуюся *сущность предметов*.

Диалектическое мышление – это мышление, рассматривающее «вещи»: 1) во взаимосвязи внутренних противоположностей, 2) в процессе саморазвития, 3) а потому наиболее полно и, следовательно, 4) целостно (рис. 1).

Диалектическая логика, по Гегелю, это наука о формах правильного мышления (как и формальная логика), но в отличие от формальной *диалектическая логика есть* способ «восхождения» мысли (знания) «от абстрактного к конкретному», т. е. *способ построения конкретно-целостного «диалектического понятия», вбирающего односторонне-абстрактные «общие понятия» формальной логики.*

Абстрактное и конкретное. В классической логике под «конкретным» понятием понимается понятие, указывающее на материально-вещественные предметы (например, «яблоко», «дерево»); под «абстрактным» – понятие, указывающее на нематериальные, идеальные предметы (например, «добро», «любовь», «наука»).

Таким образом, обыденное сознание полагает, что мыслить абстрактно – значит мыслить утонченно, теоретично; мыслить о чем-то сложном и неявном, не вполне очевидном. Напротив, мыслить конкретно – это мыслить об очевидных вещах, так что сама «конкретность» оказывается доступной через наглядно-чувственный пример, демонстрацию конкретного материально-чувственного предмета, о котором идет речь. Абстрактное мышление здесь предстает как удел людей образованных, если не сказать – оторванных от реальной жизни.

Гегель в статье «Кто мыслит абстрактно?» (1807) дает совершенно иную трактовку абстрактного и конкретного. «Кто мыслит абстрактно? – задает он вопрос и отвечает, – необразованный человек, а вовсе не просвещенный. В приличном обществе не мыслят абстрактно потому, что это слишком просто...». Гегель приводит ряд примеров, поясняющих его трактовку «абстрактного». Вот ведут на казнь убийцу. Для толпы он убийца – и только. Дамы, может статься, заметят, что он сильный, красивый, интересный мужчина. Такое замечание возмутит толпу: как так? Убийца – красив? Можно ли думать столь дурно, мож-

но ли назвать убийцу – красивым? *Это и называется «мыслить абстрактно»* – видеть в убийце только одно абстрактное – что он убийца и названием такого качества уничтожать все остальное, что составляет человеческое существо.

Абстрактным, неразвитым мышлением является «первобытное» мышление, *исходное* в истории развития общества, точно так же, как абстрактным является «детское» мышление, *исходное* в истории развития индивида. Абстрактное мышление берет предмет лишь со стороны его простейших, очевидных характеристик, но не способно охватить предмет *во всей совокупности* этих характеристик, т. е. конкретно.

Любое обозначение предмета, будь то слово естественного языка или понятие научно-теоретического языка, – абстрактно. Поэтому мышление, реализующееся в языке, всегда имеет дело с более или менее конкретными (содержательными) абстракциями. Однако именно в обыденной речи мы пользуемся абстрактными понятиями значительно чаще, чем принято считать – таков вывод из статьи Гегеля «Кто мыслит абстрактно?» Когда ребенок хочет, чтобы ему дали какую-либо вещь, он показывает на нее и говорит: «Это!» Но словом «это» можно обозначить и детскую игрушку, и яблоко, и чашку с молоком – вообще какой угодно предмет. Таким образом, слово «это» – пример *наиболее абстрактного определения*: оно слишком всеобщее, а потому никак не конкретизировано («бессодержательное», или «пустое», по Гегелю, определение). Абстрактное мышление соответствует «рассудочной» форме логического.

«**Мыслить конкретно**» – значит воспроизводить предмет максимально полно, всесторонне, целостно (т. е. конкретно). Гегель показал, что конкретное мышление осуществляется *восхождением от простейших*, а потому в значительной степени «пустых» определений *ко все более содержательным*, воссоздающим «теоретическую модель» познаваемого предмета, *определениям*. **Метод конкретного мышления** – диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному. Конкретное мышление, диалектический метод соответствуют «положительно-разумной форме» логического.

В *диалектической логике* под «**абстрактным**» понятием понимается понятие, описывающее предмет односторонне, усеченно, неполно, фиксируя наиболее общие (абстрактные) характеристики предмета вне их взаимосвязи и взаимообусловленности; под «**конкретным**» – понятие, описывающее предмет наиболее всесторонне, полно, исчерпы-

вающе, фиксируя противоречивое единство (конкретное единство) противоположных характеристик предмета в их взаимообусловленности и взаимосвязи.

Логика формальная и диалектическая. Со времен Парменида и Аристотеля *истинность мышления означала непротиворечивость мысли*. Что в самом общем виде отличает **непротиворечивое логичное мышление** от нелогичного?

Логичное мышление направлено на **выявление соответствия** нашего *понятия о предмете*, т. е. нашего мысленного представления о предмете *действительной структуре предмета*, т. е. «внутреннему устройству» этого предмета, реальным характеристикам предмета. Для логичного мышления характерна смысловая целостность знания о предметах, смысловая целостность умственных операций, позволяющая связывать отдельные мысленные характеристики предмета в целостное знание о нем. Истинным будет такое мысленное (теоретическое) знание о предмете, которое адекватно объективно существующему предмету.

Нелогичное мышление связано с неустойчивостью, неотчетливостью (в крайних случаях патологии – распадом) смыслообразующих структур, в которых человек пытается описать окружающие его предметы. Для неотчетливого мышления характерны «скачки мысли», «мысленный сумбур», неумение отличать главное от второстепенного. В итоге нелогичное мышление не способно построить целостную структуру мысли с последовательной разверткой смысловых (содержательных) представлений о предмете вокруг основного смыслового «стержня» так, чтобы **непротиворечиво** описать сущность предмета. Это выражается в допущении двусмысленных высказываний о предмете, противоречии самому себе при описании предмета, смысловой нерасчлененности рассуждений.

Следовательно, логичным является такое мышление, для которого характерна строгая организация смысловой структуры: последовательность, обоснованность и непротиворечивость отдельных мыслей. Таково понимание логичного мышления в традиционной (классической) логике.

Но что представляет собой «логичное мышление», если оказывается необходимым **соединять** противоречивые характеристики, создавая конкретно-целостное понятие о предмете? Особенность логико-

диалектического мышления состоит в том, что оно направлено на выявление *реальных противоречий* в предметах.

Эта особенность логики-диалектического мышления исторически связана с онтологией Гераклита – объективной диалектикой. Если формально-логическое мышление осуществляется по правилам индуктивного или дедуктивного вывода истины как непротиворечивого знания, то логики-диалектическое мышление не обосновывает знание как истинное или ложное ссылкой на необходимость соблюдения правил традиционной логики, ибо «все течет, все меняется» и «мир полон противоречий».

Логики-диалектическое мышление опирается и на опыт, и на дедуктивную аргументацию. Однако формально-логическое понятие, полученное таким образом, будет абстрактным и односторонним, поэтому диалектическое мышление не останавливается на этом. Абстрактно-логическое понятие не может рассматриваться **окончательно** в качестве истинного или ложного: *исходя из диалектической позиции* мы 1) *подчеркиваем*, что, по-видимому, компетентные люди согласятся, что **односторонняя** позиция является недостаточной, и, кроме того, 2) *указываем* на другую, более совершенную точку зрения. В этом смысле логики-диалектическое мышление является **предметно-ориентированным**, т. е. руководствуется предметом, а не правилами формальной логики. Поэтому для диалектического мышления недостаточно владеть формальными логическими правилами, необходимо еще и выявлять противоречия в конкретных предметах. Только так возникает «диалектическое понятие», устанавливающее связь между формально-логическими понятиями.

Приведем пример. «Если мы подумаем о понятии «видеть», то заметим, что видение есть всегда видение *чего-то*, – не важно, материального или нет. То, *что* мы видим, появляется на определенном *фоне*. Когда мы видим нечто на определенном фоне, мы смотрим на это с *определенной позиции*. Другими словами, оказывается, что понятие «видеть» так или иначе указывает вне себя на другие понятия, с которыми оно необходимо связано. Только тогда, когда мы начинаем осознавать все эти взаимосвязанные понятия, мы впервые понимаем, чем действительно является наш феномен – видение»*. Так понимается логическое мышление в *диалектической логике*.

* Скирбекк Г., Гилье Н. История философии. – М., 2000. – С. 506–507.

Диалектическое понятие. Выход за пределы эмпирического сознания (рассудка) осуществляется разумно-диалектическим (теоретическим) мышлением, раскрывающим конкретность предмета как **единство** различных абстрактных определений, которые признаются рассудком лишь в их раздельности. Диалектическое мышление *рефлексивно*, т. е. исследует природу и взаимосвязь самих понятий. Рефлексивное мышление возможно только для человека, достигшего относительно высокой ступени культуры. Историческое возникновение рефлексивного (теоретического) мышления отмечается в античной греческой философии (Гераклит, Платон) и примерно в то же время – в индийской религиозно-философской мысли (Будда) и древнекитайской философии (даосизм). Однако свое полное выражение оно получает, вероятно, лишь в европейской культуре XIX–XX веков.

Теоретическое мышление, оперирующее понятиями, связано со следующими действиями:

- 1) предмет познания *мысленно* перемещается в такие **условия**, в которых его сущность может быть раскрыта;
- 2) эти **условия** – *мысленно* формируемая **среда**, т. е. система связей, в которую помещается данный предмет;
- 3) предмет, рассматриваемый в системе внешних связей, становится **объектом** последующих *мысленных* трансформаций;
- 4) **понятие** (диалектическое понятие) – такая форма мышления (вид существования мысли о предмете), посредством которой воспроизводится идеализированный предмет в системе его связей.

Диалектическое понятие одновременно выступает как 1) форма отражения **материального предмета** и 2) средство *мысленного построения идеального объекта*, т. е. особое творческое мысленное действие.

Иметь понятие о каком-либо предмете – значит владеть общим способом его мысленного построения. **Способ построения понятия** – это особое мыслительное действие субъекта, осуществляемое по законам мышления, которые изучает и описывает логика. За каждым теоретическим понятием скрывается особое мыследействие (или система таких действий), с помощью которого это понятие «сконструировано», теоретически порождено. Без выявления общих способов такого «конструирования» (общих способов порождения теоретических понятий) и овладения ими невозможно понять ни возникновение, ни смысл понятия.

Обратим внимание на некоторые основные различия эмпирических и теоретических понятий.

1. Эмпирическое понятие, опирающееся на наблюдение (чувственное восприятие), отражает в представлениях внешние свойства предметов. Теоретическое понятие, возникающее на основе мысленного преобразования предметов, отражает их внутренние структурно-функциональные отношения и тем самым «выводит» мышление за пределы чувственно воспринимающего рассудка.

2. Эмпирическое понятие строится в процессе сравнения предметов, что позволяет выделить в них общие свойства и дать дефиницию понятия по правилам формальной логики. Теоретическое понятие строится в процессе «конструирования» и исследования внутренних структурно-функциональных связей системы, которые служат *инвариантом* (неизменной основой) *множества вариантов* проявления системного объекта.

3. Эмпирическое понятие фиксируется прежде всего в словесном термине. Теоретическое понятие для фиксации предполагает наличие более сложных средств – методологических (процедуры мыследеятельности) и знаково-символических (естественные и искусственные языки).

Теоретическое мышление, опирающееся на диалектическую логику, исходит из двух идей (принципов), содержащихся в философии Гегеля. Это – идея системности и идея причины саморазвития.

Идея системности, сформулированная в общем виде, вытекает из различения Гегелем двух аспектов, в которых должно рассматривать предмет в сфере бытия: 1) предмет, взятый сам по себе, т. е. изолированно от других предметов; 2) предмет, взятый в системе, т. е. в соотношении с другими предметами. Возникает **вопрос о «базовой» точке зрения на предмет** (т. е. философско-методологической позиции), позволяющей выявить его *сущностные качества*.

В первом случае принципом правильного описания становится принцип, сформулированный основоположником «логического позитивизма» Людвигом Витгенштейном: любая вещь должна быть описана так, чтобы это описание осталось правильным и в том случае, если бы все остальные вещи в мироздании вовсе не существовали.

Во втором случае принципом правильного описания выступает диалектический (**системный**) принцип Гегеля: вещь только тогда может быть правильно понята и описана, когда она рассматривается в

системе внешних и внутренних связей, причем во внутренней структуре вещи (и в словесных определениях вещи) выявляется внутреннее сущностное противоречие. Это внутреннее противоречие, присущее предмету, Гегель рассматривает как причину самоизменения, саморазвития предмета. **Идея причины саморазвития**, следовательно, состоит в признании внутреннего противоречия как имманентной причины изменчивости вещи.

Принцип диалектического противоречия как внутренней причины саморазвития «конечных вещей» в «Логике» Гегеля прокомментировал М. М. Розенталь: «Реальный смысл его диалектики конечного означал, что каждая конечная вещь имеет не только свою определенность, т. е. качество, делающее ее *данной* вещью, но и *содержит в себе свою отрицательность*, которая «гонит» ее к своему концу, к переходу в нечто иное. Уже то обстоятельство, что предмет имеет определенность, означает существование *границы*, отделяющей его от других вещей, иными словами, означает отрицание его другим. Но отрицательность как свойство вещей имеет более глубокий смысл: *другое*, противоположное данному предмету, есть не внешнее другое, а его *собственное* другое, другое *его самого*»^{*}.

Гегель считал, что противоречие является источником **всех** изменений: и в человеческом мышлении, т. е. в субъективном мире «понятий», и в чувственно воспринимаемом мире «вещей». Это положение диалектики чрезвычайно актуально в современном теоретическом познании. Многие из того, что традиционно называлось «целостным», сейчас принято называть «системным». Статические целостности, или системы, достаточно эффективно описываются в рамках философско-методологического подхода, называемого «структурным функционализмом». Однако структурный функционализм испытывает затруднения, когда сталкивается с необходимостью описания динамических целостностей, или саморазвивающихся систем. Язык, принципы, общие категории и законы описания динамических систем и предлагает диалектическая логика.

Диалектика субъекта и объекта. Российский философ А. Ф. Лосев писал о необходимости придерживаться определенной позиции, когда речь идет о познании реального мира: «В первую очередь

^{*} Розенталь М. М. Учение Гегеля о диалектических противоречиях и марксизм // Вопросы философии. – 1974. – № 8. – С. 49–50.

вы должны критически относиться ко всем предрассудкам, которые еще встречаются в научной и ненаучной литературе. Вы будете читать, что существует только объект, а все субъективное ничтожно и как бы вовсе не существует. Вам будут твердить, что на первом плане должен стоять субъект, а все объективное всегда сомнительно, всегда условно, всегда на последнем месте. Все подобного рода утверждения, все подобного рода предрассудки идут вразрез с самыми простыми жизненными ощущениями человека. Если вы не хотите расстаться с реальной жизнью, то жизнь требует от вас признать и реальность объекта, и реальность субъекта, и реальность их жизненных соотношений»^{*}.

Итак, диалектика субъекта и объекта раскрывается в четырех следующих положениях.

1. *Существует объективный предметный мир*, бытие «вещей», который дан субъекту как объект.

2. *Существует* также субъективный мир «идей», сознание, т. е. существует *субъект*. Субъект – нечто специфическое, отличное от объекта. Субъект (сознание и мышление) нельзя отождествлять с объектом, нельзя не видеть очевидное их различие.

3. *Объект и субъект* находятся в определенном отношении друг к другу, *взаимосвязаны*. Нет никакого объекта, если о нем ничего нельзя ни помыслить, ни сказать, т. е. нет такого объекта, для которого в принципе нет никакого субъекта. Точно так же бессмысленно говорить что-либо о субъекте, для которого не существует никакого объекта.

4. *Характер связи* между объектом и субъектом *можно обозначить как процесс «отражения»*.

Объяснение познания как *процесса отражения* предметного мира человеком в виде истинного знания означает признание **процессуального** характера истины. **Истина** есть **процесс**. Гегель утверждал, что никто не обладает истиной как отчеканенной монетой, «которая может быть дана в готовом виде и в таком же виде спрятана в карман» или передана другому человеку. Рассмотрим, *как* совершается процесс познания и *что* является решающим в процессе достижения истины: объект, субъект или их единство?

Речь идет о **трех гносеологических позициях**, т. е. трех подходах к познанию предметной действительности.

^{*} Лосев А.Ф. Дерзание духа. – М., 1988. – С. 94–95.

ПЕРВЫЙ ПОДХОД к решению этого вопроса, называемый *«созерцательным»* («натуралистическим»), заключается в том, что *познание* представляется как *пассивное* отражение, копирование, *созерцание объекта* (единичных предметов), *который* независим от субъекта и *существует* как не связанный со *специфической практикой субъекта*. Следствием этого подхода является догматическое, «застывшее» понимание истины как прочного, непосредственного и одинакового для всех знания. Игнорирование субъекта, специфики его «созерцательной» позиции *не позволяет* при этом убедительно обосновать возможность истинного знания, поскольку одинакового «видения» у разных субъектов не существует.

Существующую в действительности зависимость результата познания от позиции субъекта можно проиллюстрировать на следующем примере: один и тот же предмет, спроецированный из своего измерения в низшее по отношению к нему измерение, отображается в этих проекциях так, что различные проекции могут противоречить друг другу (рис. 2). стакан, геометрической формой которого является цилиндр, проецируется из трехмерного пространства на двумерные плоскости так, что в одном случае получается круг, а в другом – прямоугольник.

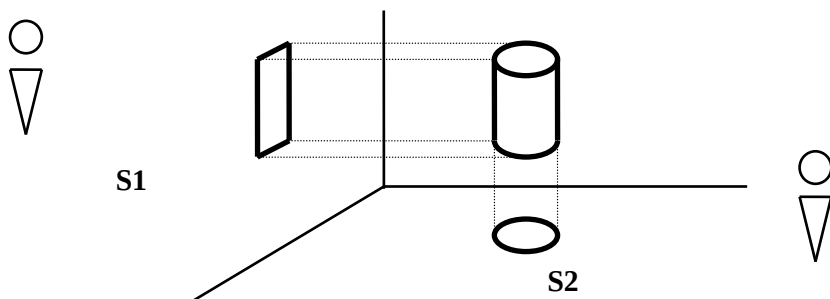

Рис. 2

Следовательно, субъект активно влияет на результат познания хотя бы в том отношении, что отражает предмет неполно и искаженно, причем особенности «неполноты и искажения» определяются особенностями «позиции» субъекта.

ВТОРОЙ ПОДХОД, называемый *«идеалистическим»*, правомерно исходит из принципа активности субъекта, который не ждет, когда

предмет «отразится» в его сознании, а сам создает образ и понятие предмета, конструирует истину. Однако соотнесение знания *только* со сферой мышления, логикой построения идеализированных объектов без их соотнесения с предметным миром ведет к отрыву от предметной реальности.

ТРЕТИЙ ПОДХОД исходит из *единства* субъекта и объекта, *которое представляет собой предметную деятельность*, практическое отношение человека к предметному миру. Согласно этому подходу, *один и тот же предмет* предстает в виде *разных объектов* для *разных субъектов* (рис. 2, 3). **Объект** – это предмет, на который *направлена* активность субъекта. Поскольку субъекты, их активное отношение к предмету *различны* между собой, постольку предмет как бы «дан» им в виде разных объектов, т. е. «дан» им *субъективно*. Простейший пример – два разных «истинных» изображения гипсовой головы Сократа, сделанных двумя разными людьми с двух различных позиций. Кроме того, что два человека владеют искусством рисования в различной степени (и это выразится в изображенных ими объектах, придавая рисункам «субъективность»), изображение «анфас» будет существенно отличаться от изображения «в профиль».

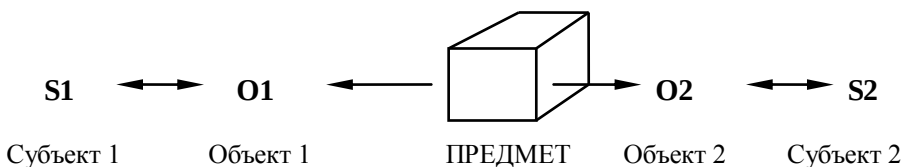

Рис. 3

Предметно-практическое отношение человека к миру выражается *не только* в определенной «пространственной» позиции воспринимающего субъекта. Или, если пользоваться аналогией «пространственной» позиции восприятия, то следует понимать позицию субъекта как *определенную позицию в «пространстве культуры»*. («Пространство культуры» – понятие, указывающее на *не* физическое измерение, а *культурное измерение* бытия человека; это измерение, в отличие, например, от «математического пространства», задается не осями измерения «х», «у», «z»..., а сферами (мирами) «символов», «смыслов», «ценностей», «норм»...). При этом «*позиция субъекта* в «пространстве культуры» *определяется сущностью той предметной деятельности*, которой субъект владеет и которую он «практикует».

Например, в глыбе мрамора, лежащей в поле, скульптор (субъект 1) видит **материал** для статуи (объект 1); геолог (субъект 2) – **образец**, по которому можно судить о геологическом строении местности (объект 2) и т.д. «Материал для статуи» и «геологический образец» – существенно *разные объекты*, хотя перцептивным источником их формирования является *один и тот же предмет* – глыба мрамора. Активность субъекта, таким образом, заключается в том, что он конструирует знание о предмете исходя из собственных свойств. Эти свойства определяются практической деятельностью субъекта, находящей свое проявление в специфических субъективных потребностях и установках, определяемых средой, воспитанием и самовоспитанием.

Субъект активно *формирует* объект, конструирует знание, но **содержание** этого **знания** задается свойствами существующего вне субъекта предмета. В этом смысл утверждений, что «*знание содержательно*», «*знание предметно*». В этом смысл утверждения, что «*из субъекта невозможно вывести содержательное (предметное) знание*».

Но если содержательное знание «нагружено» субъективностью, то как быть с оценкой истинности знания? Можно ли сказать, согласившись с Протагором, что сколько людей – столько и истин? Нет, если мы будем учитывать процессуальный характер истины.

Истина «процессуальна» в том смысле, что представляет собой **конструирование объекта как целого** (нельзя же всерьез утверждать, что у гипсовой головы Сократа нет затылка, если рисуешь голову «анфас»). «Целостность» знания возникает в процессе расширения и углубления знания посредством соотнесения «мысленных конструкций» как между собой, так и с предметной реальностью. Причем, как полагает К. Маркс, это соотнесение, расширение и углубление знания, т. е. продвижение к истине, происходит естественным, не вполне контролируемым образом в практике субъекта. В этом смысл утверждения «*истинность идей проверяется практикой*».

Культурно-историческую и предметно-практическую сущность познавательной активности субъекта хорошо иллюстрирует философ и логик А. Уайтхед в следующем фрагменте: «С момента рождения мы погружены в деятельность и можем лишь время от времени направлять ее, руководствуясь разумом. Следовательно, мы должны приспособлять к разным сферам опыта те идеи, которые представляются нам работающими в этих сферах. Абсолютно необходимо доверять тем иде-

ям, которые в общем верны, хотя мы знаем, что могут существовать тонкости и дистинкции, выходящие за рамки нашего знания... Мы не способны думать в терминах неограниченного разнообразия деталей; очевидность приобретает присущее ей значение лишь в том случае, если она предстает перед нами, приведенная в порядок при помощи общих идей. Эти идеи мы наследуем от предшествующих поколений, они входят в традицию нашей цивилизации. Традиционные идеи никогда не бывают статичными. Они либо превращаются в бессмысленные формулы, либо приобретают новую силу в процессе более полного постижения действительности. Они трансформируются под действием критического разума, ясных свидетельств чувственного опыта и холодной строгости научного восприятия. Несомненным является то, что их нельзя остановить в развитии. Ни одно поколение не может слепо повторять своих предшественников. Вы можете сохранить жизнь только в движении формы, сохраняя же форму, вы будете способствовать деградации жизни. Но вы все равно не сумеете заключить жизнь в одну и ту же форму»*.

Логическое и диалектическое противоречие. Формальная логика – наука о законах и операциях правильного мышления. Главное, чему учит формальная логика – это схемы (структуры) правильного мышления, правильного рассуждения, ведущие к получению истины. Правильным, например, является рассуждение по следующей схеме: «Если есть первое, то есть и второе; есть первое, следовательно, есть и второе». По этой схеме из высказываний «Если есть день, то светло» и «Сейчас день» следует высказывание «Сейчас светло». Конкретные высказывания, подставляемые в данную схему, обязательно должны быть истинными; тогда следствие, вытекающее из наличия первого, всегда будет истинным высказыванием-утверждением. Любая схема правильного логического рассуждения является логическим законом.

Центральный закон формальной логики – это **закон непротироречия**. Закон непротироречия сформулирован Аристотелем, основоположником классической логики. Этот закон представляет собой запрет на противоречивое представление о предмете: «Нельзя приписывать предмету одновременно два прямо противоположенных (противоречащих друг другу) признака». Закон непротироречия – логический закон, согласно которому высказывание и его отрицание не могут быть

* Уайтхед А. Избранные работы по философии. – М., 1990. – С. 249.

одновременно истинными, поскольку образуют формально-логическое противоречие.

Логическое противоречие – это два высказывания, из которых одно является отрицанием другого. Поскольку в одном высказывании что-то утверждается о предмете, а в другом высказывании это же самое отрицается, наше представление об этом предмете становится не отчетливым, запутанным, ошибочным. Например, высказывания «Железо является химическим элементом» и «Железо не является химическим элементом» образуют логическое противоречие, так что истинным может быть только одно из этих высказываний. В логических символах закон непротиворечия имеет вид следующей формулы:

«Неверно, что p и не- p »

$$\sim (p \ \& \ \sim p),$$

где p – некоторое высказывание; $\&$ – конъюнкция («и»); $\sim$ – отрицание (читается как «не», или «неверно, что»).

Итак, истинное высказывание соответствует действительности, ложное высказывание – не соответствует действительности. Закон непротиворечия позволяет избавиться от непоследовательного, путаного представления о реальных предметах. Поэтому формальная логика утверждает: «Отсутствие противоречия в нашем знании о предмете – критерий истинности знания».

В «Науке логики» Гегеля понятие «противоречие» по-прежнему остается в центре логики, но Гегель формулирует странную на первый взгляд мысль: «Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия – критерий заблуждения». Как это понимать?

И в повседневной практической деятельности, и в научном познании человек сталкивается с противоположностями, исключаящими друг друга. Это не вызывает затруднений, пока не обнаруживается *связь противоположностей*. Понимание мира как сложного и изменяющегося порождает вопрос: «Изменчив или устойчив мир?» На такой вопрос можно дать противоположные ответы. «Да, изменчив, поскольку в мире со временем все утрачивает прежние черты, ничто не существует вечно». «Нет, устойчив, поскольку при всех изменениях нетрудно заметить за внешней подвижностью явлений устойчивые, сохраняющиеся структуры, процессы, черты». Ни один из противоположных ответов нельзя ни принять, ни отбросить. Для понимания

сложноорганизованных саморазвивающихся объектов оказываются одинаково необходимыми обе характеристики: для арифметики – положительные и отрицательные числа, для физики – положительные и отрицательные заряды, для химии – ассоциация и диссоциация, для биологии – наследственность и изменчивость и т. д. Но первоначально все эти противоположности рассматривались как *антиномии*, т. е. как *непреодолимые* противоречия между двумя определениями, поскольку каждое из этих определений может быть убедительно обосновано.

Диалектическая логика предлагает способ формализации, в рамках которого возможен *синтез* – объединение синтеза и антитезиса. В основе такого способа формализации лежит диалектическое противоречие. В связи с этим и встает вопрос о понимании различия между диалектическим и формально-логическим противоречиями. Обратим внимание на два обстоятельства.

1. Существует различие между формально-логическими (или просто «логическими») и диалектическими противоречиями. Логические противоречия рассматриваются специальной наукой – формальной логикой, диалектические подлежат изучению в философской науке – диалектической логике. При этом формулируется требование: диалектические противоречия должны формулироваться (описываться) логически непротиворечиво.

2. Диалектические противоречия выступают первоначально в форме антиномий – проблем. Однако решение таких проблем (разрешение диалектических противоречий) осуществляется не на пути устранения антиномии в результате изменения смысла одного из противоположных высказываний, поскольку антиномия предполагает истинность и достаточную точность тезиса и антитезиса. Путь разрешения диалектических противоречий – нахождение посредствующих звеньев («среднего термина»). Диалектическое противоречие с помощью «среднего термина» связывает противоположные высказывания в логически непротиворечивое понятие (целостность, единство).

Например, в XIX веке биологов озадачивала противоречивость наследственности и изменчивости, пока они не были объяснены как две стороны единства в рамках эволюционной теории; физики противопоставляли волновые и корпускулярные свойства материи, пока эти свойства не были объединены квантовой механикой; биологическое и социальное в человеке рассматривалось как антиномия, но и сейчас

еще не создана общепринятая социологическая теория, объединяющая эти противоположности.

Таким образом, научные теории уже в середине XIX – начале XX века начинают использовать диалектику как элемент научно-теоретического мышления. И именно Гегель связал собственно теоретическое мышление с логической формулой:

«А равно и в то же время не равно А»

$$(A = A) \& (A = \sim A)$$

Эта формула означает, что конкретное тождество – это тождество с различием. Там, где необходимо понять вещь как изменяющуюся, развивающуюся, *себетожждественность* вещи сочетается с ее *нетождественностью* самой себе. Таким образом, Гегель формализует структуру *переходных состояний*. Предмет может изменяться лишь в том случае, если в любой отдельно взятый момент он тождествен самому себе и в то же время не тождествен, т. е. в какой-то степени стал другим. Формализация структуры переходных состояний позволяет понимать и описывать реальные предметы и процессы, которые характеризуются изменчивостью, динамичностью, способностью к саморазвитию. Диалектическое противоречие – это и есть структура переходного состояния не статичных, но динамичных вещей; диалектическое противоречие как структура представляет собой 1) тождество противоположностей, присущих вещам, и 2) способ уяснения и описания этого тождества теоретическим мышлением (разумом).

Основные законы диалектической логики. Традиционно называют три основных закона и ряд категорий диалектической логики. Отметим, что «основные законы» представляют собой связь и взаимодействие «категорий» диалектики, так что фактически закон – это развернутые, соотнесенные определенным образом категории.

Закон противоречия. Важнейшее место в системе диалектики занимает категория «противоречие», трактуемая именно как диалектическое противоречие, в отличие от противоречия формально-логического. **Противоречие** – это взаимосвязь и взаимодействие противоположностей в составе целого, в котором они взаимополагают, взаимопроникают и одновременно взаимоисключают друг друга. Диалектическое противоречие – это единство взаимополагающих и одно-

временно взаимоисключающих противоположностей (сторон, тенденций).

Противоположности – различные, противостоящие элементы, стороны, свойства, тенденции *единого*, целостного материального или идеального образования. Противоположность, таким образом, – это один из двух моментов конкретного единства; это сторона, тенденция единства, которая, будучи полярной (прямо противоположной) другой стороне, тенденции, *не может существовать отдельно от данного конкретного единства*. Следовательно, диалектическое противоречие не есть логически непреодолимая антиномия, т. е. формальное противоречие тезиса и антитезиса. Оно есть *состояние, способ бытия* целостного объекта, в *структуре* которого *противоположности* (1) взаимополагают, (2) взаимоотрицают, (3) взаимопроникают, т. е. *взаимодействуют* друг с другом. Как это понимать?

Противоречие не есть нечто застывшее, статичное. Противоречие – это *процесс*, т. е. оно возникает и функционирует. Между противоположностями существует связь по происхождению (генетическое единство) и связь в процессе сосуществования (функциональное единство). Существование этих связей – частный случай проявления принципа всеобщности отношений.

Принцип всеобщности связи – это принцип, согласно которому реальности, вещам и процессам присуща внутренняя организованность, т. е. существует определенная *соотнесенность* как между частями некоторой целостности, так и между целостностями разного рода. Смысл принципа связи заключается в том, что любая целостность имеет *внутреннюю структуру* и, одновременно, будучи частью более широкого целого, является элементом *внешней структуры*. Исходное понятие здесь – это понятие «отношение».

Отношение – это наличие двух или более вещей, свойств, понятий и т.п., *сопоставимых* друг с другом. Поскольку все существующее так или иначе сопоставимо друг с другом, то отношения всеобщи. Иначе говоря, можно всегда сопоставить вещь, свойство или понятие с другой вещью, иным свойством или понятием, т. е. установить некоторое отношение.

Связь – это такое отношение, которое выражает зависимость между предметами или явлениями, их взаимообусловленность. Таким образом, связь всегда представляет собой отношение, но такое отношение, когда изменение одного члена отношения влечет за собой измене-

ние другого члена отношения. Отношения многообразны, поскольку за ними кроются различные типы связей, различные типы взаимозависимостей.

Генетической называется связь, при которой явления имеют общее происхождение, общее основание своего возникновения и существования. **Функциональной** называется связь, при которой явления взаимозависят таким образом, что изменение одного из них влечет изменение другого.

Генетическая связь отражает ситуацию следования во времени «одно после другого». Примером генетических связей могут быть семейно-родственные связи «родители–дети», «брат–сестра». Брачная связь «муж–жена» – это уже функциональная связь. Примером функциональной связи будет также математическая функция – переменная, принимающая определенные числовые значения в зависимости от значений другой переменной (аргумента), и выражаемая формулой $y = f(x)$.

Поскольку противоречие является процессом, разворачивающимся во времени, генетическая и функциональные связи между противоположностями не статичны, не заданы раз и навсегда. Поэтому можно выделить *этапы* возникновения и развития (функционирования) противоречия.

Этапы возникновения противоречия описал Гегель, причем в его понимании эти этапы соответствуют формированию понятия о противоречии в мышлении человека. Этапы описания противоречия совпадают с этапами формирования этого противоречия в самобытии рассматриваемого объекта. Развернутое описание противоречия (знание о данном противоречии) является не только указанием на конкретное единство противоположностей, но должно включать описание противоречия как процесса с помощью категорий «тождество», «различие», «противоположность», «противоречие» (рис. 4).

1 этап. Тождество. Первоначально возникающий предмет в онтологическом аспекте представляет собой нерасчлененное, бесструктурное единство. Однако это единство (тождество) содержит в себе в зародыше (потенциально) различия. Первое, исходное знание о предмете также является нерасчлененным, бесструктурным представлением, «целостным образом». Такое знание позволяет опознавать предмет, отличать этот предмет от всех прочих, но такое знание себестождест-

венно, т. е. содержит лишь потенциальную возможность высказать какие-либо подробности о предмете.

2 этап. Различие. При общей основе в объекте формируются существенные части, стороны, тенденции, не соответствующие друг другу и оформляющиеся как различия. В гносеологическом плане знание о предмете начинает обогащаться различными «подробностями» – свойствами, характеристиками, признаками данного объекта.

В онтологическом плане с различия начинается наличное бытие «вещи». «Всякое наличное бытие есть поэтому некоторое внутри себя разделенное бытие. С одной стороны, оно существует *само по себе*, с другой стороны, обладает отношением к другому. Наличное бытие, мыслимое с этими двумя определениями, есть *реальность*», – писал Гегель.

3 этап. Противоположность. Различия в самобытии предмета достигают стадии конкретных, противоположных сторон, тенденций, которые оформляются как противоположности. На этом этапе наше знание начинает фиксировать противоположные характеристики, черты предмета, которые противоречат друг другу, порождают «странности», антиномии.

4 этап. Противоречие. Противоположности начинают попарно взаимодействовать, взаимоисключая и взаимодополняя друг друга, оформляясь как единое противоречивое целое (рис. 4).

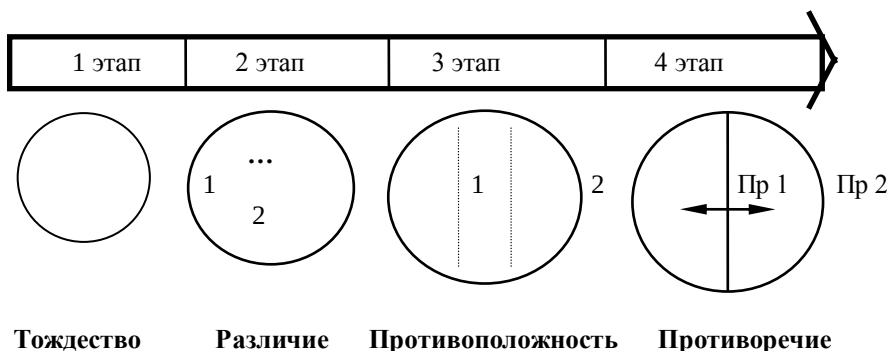

Рис. 4. Этапы (процесс) возникновения противоречия

Отметим, что генетическое единство противоположностей формируется на протяжении всех четырех этапов возникновения противоречия, а функциональное единство – на четвертом этапе.

Итак, в гносеологическом плане понять и описать предмет как противоречивое целое можно только на уровне диалектического мышления, например, воспользовавшись *логической цепочкой категорий «тождество–различие–противоположность–противоречие»* и владея смыслом понятия «диалектическое противоречие». На уровне диалектического мышления можно описать внутреннюю структуру предмета как **конкретное** диалектическое противоречие. В противном случае наше знание о предмете остановится на стадии описания антиномий, а наше понимание предмета останется парадоксальным и неотчетливым.

Сформировавшееся противоречие не статично, динамика его развития также описана Гегелем, зафиксировавшим следующие **этапы развития противоречия**: «гармония–дисгармония–конфликт–преодоление» (рис. 5).

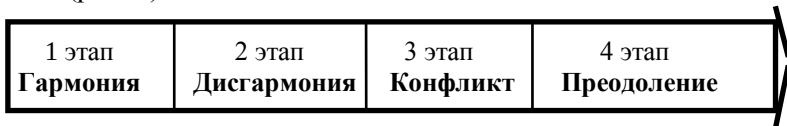

Рис. 5. Этапы (процесс) развития противоречия

1 этап. Гармония. Противоположностям на первом этапе свойственно взаимоукрепление: при гармоническом развитии единство системы постоянно укрепляется, наращивается темп позитивных изменений, увеличивается устойчивость и надежность системы. Ведущей стороной противоречивого единства здесь является взаимополагание.

2 этап. Дисгармония. Взаимодействие противоположностей становится дисгармоничным, когда развитие одной из противоположностей начинает осуществляться за счет другой. Дисгармония неизбежно приводит к расшатыванию общих структур, поскольку ведущей стороной противоречивого единства здесь выступает взаимоотрицание.

Противоположности **утрачивают гармонию** как *совместное однонаправленное изменение*, преобладающей становится разнонаправленность их развития.

3 этап. Конфликт. Дисгармония противоположностей достигает предела, они поляризуются как антагонистические (т. е. непримиримые), что ставит под вопрос само существование развивающегося системного целого.

4 этап. Преодоление (разрешение) противоречия. Это заключительный этап развития противоречия, на котором происходит переход

от одной целостности к другой. Антагонистические противоположности на стадии разрешения противоречия (преодоления конфликта) исчезают: либо происходит переход противоположностей в иное качество в новом единстве, либо происходит гибель противоположностей, а новое единство формируется на иной основе, порождающей иные исходные противоположности.

Гегель утверждал, что противоречие есть «источник всякого развития». Чтобы понять это утверждение, необходимо ясно представить, что само по себе противоречие, *взятое статически*, еще не означает развития. Развитие есть там, где есть *противоречие как процесс*, где есть процесс движения противоречия, представленный в виде описанных структур возникновения и развития противоречия.

Гегель сформулировал положение, задающее логику познания сложных саморазвивающихся систем и звучащее как афоризм: «Противоречие – вот что на деле движет миром, и смешно говорить, что противоречие нельзя мыслить».

Закон противоречия (в традиции диалектического материализма этот закон называют «законом единства и борьбы противоположностей»), следовательно, отвечает на вопрос «Почему происходит развитие?», указывая на *самодвижение* противоречия как источник развития.

Его можно сформулировать так: развитие объективной реальности и ее познание осуществляются раздвоением исходного единства на противоположности, которые образуют противоречивое целое и, взаимодействуя друг с другом, порождают импульс к изменению и развитию этого целого.

Закон количественно-качественных переходов. Этот закон отвечает на вопрос «Как происходит развитие?» Закон количественно-качественных переходов называют также «законом перехода количественных изменений в качественные», так что само название содержит указание на внутреннее содержание процесса развития.

Развитие как процесс направленного качественного изменения системы описывается категориями «количество», «качество», «мера», «скачок».

Качество – это внешняя и внутренняя определенность предмета, теряя которую предмет перестает быть самим собой. Категория «качество» обозначает функциональное единство объекта, обладающего относительной устойчивостью. Гегель писал: «Нечто есть благодаря сво-

ему качеству то, что оно есть, и, теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно есть».

Количество – это внешняя определенность предмета, изменение которой не ведет к изменению качества предмета. Таким образом, изменение количественных характеристик предмета не мешает предмету быть самим собой. Количественные характеристики выражаются **числом**, которое представляет собой мысленную (теоретическую) форму описания количества.

Количество и качество – это две противоречивые, взаимодополняющие друг друга характеристики предмета. Неразрывная взаимосвязь количественной и качественной сторон системных объектов отражена в словах Гегеля: «качество есть в-себе-количество, а количество есть в-себе-качество».

Мера – это количественные рамки (интервал количества), в пределах которых изменение количества не ведет к изменению качества. Мера, таким образом, является выражением взаимосвязи количества и качества:

КОЛИЧЕСТВО ← МЕРА → КАЧЕСТВО

Обратим внимание, что изменение количественных характеристик предмета не мешает предмету «быть самим собой», если это изменение не выходит за определенные рамки, не превышает некоторую меру. Если же мера количественных изменений нарушена, то качественная определенность предмета разрушается, предмет становится иным, происходит переход к новому качеству, иначе говоря, появляется новый предмет взамен исходного. Это и есть развитие как переход от одного качества к другому. Изменение качества есть изменение самой вещи.

Закон количественно-качественных переходов выражает такую взаимосвязь характеристик целостной системы, при которой количественные изменения на определенном этапе приводят к качественным, а новое качество порождает новые возможности и интервалы количественных изменений.

Развитие характеризуется постепенностью, непрерывностью количественных изменений в пределах меры, в пределах качественного состояния системы. Но как только система достигает предела меры изменчивости количественных характеристик в рамках существующего качества, происходит **прерыв постепенности** развития. Этот заключительный этап развития, прерыв постепенности количественных из-

менений Гегель назвал «скачком». **Скачок** – это непосредственный этап перехода одного качества в другое, граница между двумя качествами, прерыв постепенности в развитии. Важно понимать, что скачок не является мгновенным переходом в новое качество, а представляет собой 1) процесс и 2) особое состояние системы.

Как *процесс*, скачок «длится» во времени, и, если речь идет о переходе *материальной системы* в новое качество, то на стадии «скачка» для формирования этого нового качества требуется поступление в систему вещества и энергии из вне (из окружающей среды).

Как *состояние*, скачок представляет собой *состояние неопределенности* (состояние качественной неопределенности), при котором «старого» качества уже нет, а «нового» качества еще нет. Можно утверждать, что структура скачка принципиально хаотична, так что качественное состояние системы вообще невозможно однозначно описать.

Закон отрицания отрицания. Гегель полагал, что в процессе развития системного целого происходит своеобразное «наследование» последующими состояниями (качественными определенностями) системы некоторых характеристик, возникающих на предшествующих стадиях существования системы. Это «наследование» заключается в сохранении *позитивных* (положительных) моментов старого качества, которые могут служить эффективному существованию нового качества.

Процесс развития приобретает, следовательно, общую направленность, которая задается структурой движения от одного качественного состояния системы к другому. Когда исходное качество переходит в новое, происходит *отрицание* старого качества новым, поскольку развивающееся системное целое приобретает характеристики, прямо противоположные исходным. Но новый цикл развития сопровождается уже новым отрицанием, т. е. *отрицанием* (предыдущего) *отрицания*. В данном случае возникает такая структура развития (рис. 6):

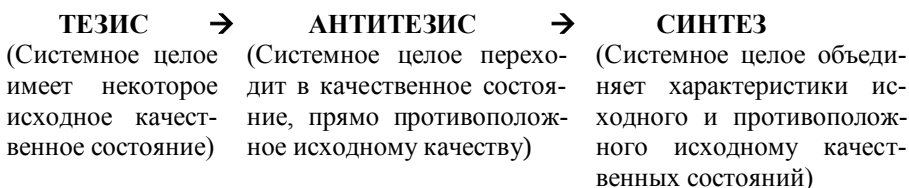

Рис. 6.

Закон отрицания отрицания – наиболее сложный и многоаспектный закон, поскольку описывает структуру развития как **позитивного единного** процесса. Развитие предмета – это всегда отрицание своих прежних форм существования. Одновременно отрицание «прежних форм существования» приводит к становлению такого другого, которое сохраняет генетическую связь с тем, что отрицается.

Первое отрицание **еще не дает е д и н с т в а** процесса развития. Единство и законченность цикла развития появляется через второе отрицание (отрицание отрицания), причем единство процесса развития опирается на «удержание позитивного» (рис. 6).

Рис. 7.

Процесс развития совершается не как прямое линейное движение, переход «по цепочке» от одного к другому. Процесс развития «замкнут» сам на себя как некоторое **системное единство**. Гегель писал: «Всеобщее составляет основу, поэтому поступательное движение не должно быть принимаемо за некоторое течение от некоторого другого к некоторому другому. На каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения, но несет с собой все приобретенное, и обогащается и уплотняется внутри себя».

«Обогащение», «удержание позитивного» как результат целостного развития системного единства формируется на этапе синтеза предшествующих качественных состояний – исходного качества («тезис») и противоположного исходному качества («антитезис»).

Итак, целостный цикл развития представляет собой синтез двух противоположных моментов конкретного процесса развития, который осуществляется на этапе «отрицания отрицания» и приводит к формированию нового содержательного единства (рис. 7). Таким образом, общее направление развития оказывается заложенным в исходном качестве системного целого.

Закон отрицания отрицания: в процессе прогрессивного развития первый этап является результатом отрицания, а второй этап – результатом двойного отрицания, так что развитие воспроизводит на более высоком этапе черты, характеристики, структуры исходного этапа, а новое качество выступает как синтез «старого» и «нового».

Диалектика и синергетика. Классическая наука XVII–XIX веков представляла мир как *линейный* процесс, придавая особое значение закрытым статическим системам. В центре внимания – упорядоченность, устойчивость, равновесие. Возникающая в XX веке и переживающая активное становление во второй его половине **неоклассическая наука** видит мир как *нелинейный* процесс, акцентируя открытые динамические системы. В центре внимания – неустойчивость, неравновесные состояния, нелинейное (вариативное, разнонаправленное) развитие.

Недостаточность логико-методологических построений классической науки особенно ярко выразилась в связи со *вторым началом термодинамики*: эволюция системы происходит в сторону «рассеивания» энергии, установления однородности, т. е. распада структур и дезорганизации (возрастание энтропии). *Универсальность* второго начала термодинамики была поставлена под сомнение, когда обнаружилось ПРОТИВОРЕЧИЕ между принципом возрастания энтропии и биологической эволюцией как движением к более сложным и организованным структурам. Отсюда определение жизни как негэнтропийного процесса.

Фактически в классической науке сложилась ситуация, когда для описания реальности потребовался *логико-диалектический* подход. Для описания тенденций усложнения или упрощения системы оказалось необходимо рассматривать систему связей «интеграция–дезинтеграция», «дифференциация–дифференциация». Оказалось, что процесс *системной* дифференциации можно охарактеризовать **только** через *диалектику* интеграции–дезинтеграции, поскольку этот процесс представляет собой **одновременно усиление** взаимодействия

различных групп однородных элементов (в подсистеме) и *ослабление* взаимодействия однородных элементов (между подсистемами). Рост сложности системы можно представить как усиление структурно-функциональной дифференциации элементов системы и установление новых интегральных связей между ними.

Таким образом, именно потребности развития современного научного знания актуализируют логику познания сложных саморазвивающихся систем. Однако развитие естественных наук в XX веке не сопровождалось широким освоением диалектической логики. Диалектическая логика Гегеля, так сказать, «переоткрывается». Ученые-«естественники» создают собственные логико-методологические (философско-методологические) подходы, по существу родственные диалектическому, но основанные на ином терминологическом аппарате. Примером может служить синергетика.

Синергетика – это междисциплинарное направление научных исследований, возникшее в 70-е гг. XX века, рассматривающее общие закономерности и принципы *процессов* самоорганизации в системах различной природы. Термин «синергетика» (от греч. «совместное действие», «сотрудничество») был введен Г. Хакеном, обратившим внимание на *сходное поведение элементов систем различной природы* (фазовые переходы, гидродинамическая устойчивость, образование макромолекул, динамика популяций и др.) *при переходе от хаоса к порядку*. Синергетика складывается как *теория самоорганизации* (саморазвития), создаваемая в рамках естественно-научной проблематики. Причем она быстро становится *специфическим философско-методологическим подходом, логикой* описания нелинейного развития сложноорганизованных систем, претендующей на объяснение самых различных процессов – от рождения Вселенной до познания и творчества. В работах Г. Хакена, И. Пригожина, Г. Николса синергетике придается именно широкий философско-методологический статус.

Сторонники синергетического подхода полагают, что в перспективе в синергетике будет разработана *логическая (теоретическая) модель процессов самоорганизации*, обладающая чертами универсальности и общезначимости, а потому применимая для научного исследования в любой предметной области. Кратко созданную синергетикой «базовую модель» процесса самоорганизации (саморазвития) можно представить следующим образом.

Самоструктурирование возможно в открытых системах. **Открытая система** – это система, включенная во *внешние взаимосвязи и обменивающаяся* с окружающей средой веществом, энергией, информацией. Такая система обладает **«источниками»** (зонами «подпитки» извне, что способствует росту, структурному усложнению) и **«стоками»** (зонами «сброса», в результате чего происходит обеднение, структурное упрощение).

Открытая система постоянно находится в движении – флуктуации. **Флуктуация** – это отклонение системы от равновесия (отклонение данного значения переменной величины от среднестатистического). Если флуктуация превышает некоторый предел (по Гегелю – «нарушается мера количественных изменений»), система входит в *необратимое изменение* («переходит в новое качество»). В результате наличная структура гибнет либо с рождением новой структуры, либо без такового.

Состояние необратимого изменения системы (по Гегелю, этап «скачка») *связывается с ее вхождением в «зону бифуркации», характеризующуюся неопределенностью будущей судьбы системы.* **Точка бифуркации** – точка разветвления *возможных направлений* эволюции системы, причем принципиально непредсказуемо, произойдет ли полный структурный распад системы или генезис новой упорядоченной структуры.

Принципиально важно то, что синергетика рассматривает «зону бифуркации» как зону, где самопорождаются особые структуры, задающие линию дальнейшей самоорганизации системы. Это связывается с **синергетическим эффектом** – особым «кооперативным» (однонаправленным) поведением элементов системы в некоторой ее области. Синергетический эффект нужно понимать как «пусковой механизм» процесса формирования особого вида структур-аттракторов. **Аттрактор** – это процесс самоструктурирования (и одновременно некоторая структура), потенциально включающий в себя «план эволюции», самодостраивания вновь возникающей структуры в некотором направлении в открытой нелинейной среде.

К Контрольные вопросы

1. Каков предмет логики?
2. В чем проявляются эвристическая сила и ограниченность формальной логики?
3. Какова специфика познавательных задач, характерных для диалектики?
4. Чем отличается диалектическое противоречие от формально-логического?
5. Отменяет ли диалектика логику?

К Задания для самостоятельной работы

1. Логика и диалектика: конкуренция и взаимное дополнение.
2. Покажите особенность диалектического понятия.
3. Оцените асимптотический характер диалектических категорий.
4. Обоснуйте разумность противоречивого мышления.
5. Синергетика: развитие или применение диалектического метода?

К Литература

1. *Иванов Е. А.* Логика. – М., 1998.
2. *Кумпф Ф., Оруджев З.* Диалектическая логика. Основные принципы и проблемы. – М., 1979.
3. *Материалистическая диалектика*: Краткий очерк теории. – М., 1980.

Глава 4

ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ

Философия природы, натурфилософия, естественная философия, наконец, онтология: учение о сущем, существующем; сфера философского знания, предмет которой – действительность, мир вещей и явлений, сложившийся до человека и существующий помимо человека. В этом отношении философия природы рассматривает тот же круг объектов, что и естествознание. Однако в отличие от естествознания, ориентированного на создание конкретной, фактической научной картины мира, философия в основу своих теоретических построений кладет принцип многообразия и пытается найти нечто общее в различных фрагментах реальности – вещах и явлениях, формируя тем самым абстрактную модель действительного мира. Базовые категории, которыми с древнейших времен оперирует философская онтология, – понятия «материя» и «бытие».

Учение о материи. Понятие материи возникло еще в античной философии. Само слово «материя» заимствовано из ткацкого ремесла и в дословном переводе значит «основа». До сих пор в ткацком производстве существует такая операция: сколачивается деревянная рама, на которую натягиваются вертикальные нити. Такая конструкция и называется основой. Затем с помощью челнока вертикальные нити переплетаются горизонтальными, и получается кусок ткани. Кстати, мы и сейчас говорим: в универмаге продаются сатин, саржа, шелк и другие материи. Понятно, что в философии слово «материя» используется в переносном смысле, как термин, и по мере развития философского знания понятие материи становится все более общим и абстрактным. В истории философии известно четыре последовательно сменявших одна другую модели материи: субстратная, субстанциональная, атрибутивная и реляционная.

Субстратная модель материи сложилась в античной философии, где материя понималась как субстрат – нижний слой – всего существующего, как материал, из которого все состоит. Первые философы – ионийцы – традиционно выделяли в многообразии сущего четыре стихии, простейших вещества: землю, воду, воздух и огонь, и полагали, что одна из них есть первая стихия, а остальные производны. Так, Фалес Милетский учил: все из воды происходит и в воду обращается; вода есть первое, из чего все возникает, и она есть последнее, во что все превращается. Варианты были разные: Анаксимен считал первой стихией воздух, а Гераклит Эфесский – огонь.

Хотя эти идеи выглядят архаично, многое в них созвучно нашим современным представлениям. Так, водород – это простейший элемент таблицы Менделеева, это самое распространенное вещество во Вселенной и это материал для термоядерного синтеза всех остальных химических элементов. Кислород – элемент, обеспечивающий процессы окисления и горения, без него невозможны химические реакции и дыхание жизни. Наконец, согласно современным космологическим представлениям, наша Вселенная возникла около 20 млрд лет тому назад в результате Большого взрыва сингулярного состояния вещества и первоначально была распухающим комом плазмы огромной температуры. Прав Гераклит: все из огня!

Еще более современным выглядит учение мегарских философов – Демокрита и Эпикура – о том, что все состоит из мельчайших неделимых частиц: атомов. Атом – дословно «неразрезаемый». Атомы различаются по весу, по величине и по фигуре; они носятся в пустоте, сталкиваются, сцепляются друг с другом и, образуя различные сочетания, порождают в одном случае гору, в другом – дерево, в третьем – человека и т.д. Идея атомного строения всего сущего возродилась в классическом естествознании Ньютона, Лавуазье, Ломоносова, употреблявших термин «корпускула» – дословно «тельце». Она существует и в современной науке, хотя природу атома мы себе представляем совершенно иначе, а именно с позиций электромагнитной теории. Тем не менее и сейчас мы оперируем понятиями «атомный вес», «размеры атома», «конфигурация орбит электронов» и т.п.

Понятие материи фигурировало и в учениях идеалистов – Платона об идеях и Аристотеля о формах. И здесь материя понималась как материал, но только пассивный, косный, которому придает тот или иной образ внешнее идеальное начало, подобно тому, как гончар из куска

глины может вылепить кувшин или блюдо, воплощая в субстрате свой мысленный замысел.

Субстанциональная модель утвердилась в средневековой философии. Здесь материю трактовали как субстанцию, дословно – «конечную остановку» множества воплощений и превращений. Субстанция в понимании средневековых мыслителей – это носительница всех свойств, сущность, не нуждающаяся ни в чем внешнем для своего существования, или автономная система, как говорим мы сейчас. Это понятие использовали алхимики и астрологи, такие, как Парацельс и Нострадамус, и многие другие.

Поставив перед собой задачу отыскать «философский камень», превращающий в золото любые металлы, «эликсир жизни», возвращающий молодость и продлевающий жизнь, «панацею», лекарство от всех болезней, они открыли множество химических веществ: металлы, газы, кислоты, щелочи, соли; разработали технику химических экспериментов – реакции окисления и восстановления, растворение и выпаривание; создали химическую посуду – колбы и реторты, которой мы пользуемся и по сей день.

Алхимики полагали, что все открытые ими вещества суть лишь модусы, разновидности некоего правещества, которые они называли «квинтэссенция» – пятая, после четырех стихий древних греков, сущность, и считали, что квинтэссенция – это и есть субстанция всего сущего, и если удастся выделить ее в чистом виде, она то и будет философским камнем, эликсиром жизни и панацеей. Многовековые попытки «получить в осадке» квинтэссенцию не привели к успеху, и тогда стали говорить, что субстанция всегда остается «в тени», она прячется под масками своих модусов, никогда не проявляясь отдельно от них, но в этом случае субстанция оказывается абстрактным понятием, выражающим общее, основу, материю в многообразии веществ.

Следующий шаг в обобщении понятии материи сделала философия Нового времени. Здесь возникает *атрибутивная модель* материи – от слова «атрибут»: неотъемлемое свойство. На смену алхимии и астрологии приходит опытное, экспериментальное естествознание, в авангарде которого находится физика – учение о телах – и особенно ее раздел механика, основы которой заложили Галилей и Ньютон. Согласно механистическим представлениям всему сущему принадлежит общее фундаментальное свойство – это свойство массы, которую определяли как количество вещества. Именно это свойство фигурирует в формулах

законов механики и закона всемирного тяготения. Это-то свойство-атрибут и стало основанием определения: материя есть все то, что обладает массой. Еще проще: материя – это вещество. Отсюда вытекают и другие свойства материи: тяжесть, непроницаемость, инертность, объем и т.п.

Механика добилась огромных успехов и в теории, и в технических приложениях, тем не менее уже с середины XIX века механистическая модель материи начинает разрушаться. Первая брешь в ней была пробита созданием теории электромагнитного поля Фарадеем и Максвеллом. Однако ученые не сразу поняли фундаментальный характер новых идей и стали говорить о том, что существует два вида материи: вещество и поле. Но оказалось, что дело обстоит сложнее. Следующий шаг сделал немецкий физик Рентген, открывший проникающее излучение, затем француз Беккерель открыл явление радиоактивности, а англичане Томсон и Резерфорд пришли к выводу о сложном строении атома и создали его первую – «планетарную» модель.

В начале XX века появилась теория относительности Эйнштейна, а затем и квантовая механика, после чего стало ясно, что атомы сложны, имеют электромагнитную природу, а свойство массы перемененно, зависит от взаимодействия и движения тел и ни в коем случае не является атрибутом. С позиций квантовой механики вещество и поле – это две идеализации одной и той же физической реальности, масса выражает лишь ее частный аспект, не более того; масса есть лишь физическое свойство и она нехарактерна для химических, биологических и уж тем более для социальных объектов.

Реляционная модель материи начала формироваться еще до переворота в естествознании. Первым эту модель предложил французский энциклопедист Гольбах, а затем она утвердилась в диалектическом материализме. Ее смысл: нет никакой необходимости связывать понятие материи с теми или иными конкретными свойствами явлений действительности; достаточно задать отношение – по латыни «реляцию» – нашего сознания, познающего субъекта к этим явлениям. Важнейшим понятием реляционной модели стало понятие «объективная реальность», т. е. все то, что существует само по себе, вне и независимо от нашего сознания. Отсюда и определение, которое сформулировал Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм», а именно: материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, «фотографируется»,

отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них. Еще проще: материя есть все то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущения, и далее: единственное «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, это свойство «быть объективной реальностью, существовать вне и независимо от нашего сознания».

Современная научная картина мира. В XX веке утвердился структурно-функциональный подход к проблеме классификации объективной реальности. В основу этой классификации положен древний принцип Пифагора: целое больше суммы своих частей, и идеи Берталанфи, современного создателя общей теории систем. Выглядит эта классификация следующим образом: любая система есть совокупность элементов, и она же есть элемент более сложной системы. Природа – это большая матрешка! Так, атом состоит из элементарных частиц; из атомов состоят молекулы; из молекул состоят различные вещества; из веществ состоят живые клетки; из клеток построены организмы; из организмов образованы животные сообщества: популяции, виды, экосистемы; из органических и неорганических элементов строится социальная система, человеческая культура, ноосфера; она вместе с биосферой, литосферой, атмосферой и т. д. составляет часть планеты Земля; Земля есть часть Солнечной системы; Солнечная система есть часть галактики Млечный Путь; наша галактика – часть Метагалактики; Метагалактика – часть нашей Вселенной.

Более того, на уровне научных гипотез или же философии природы имеется идея, согласно которой элементарные частицы состоят из еще более фундаментальных образований – кварков, превосходящих по массе сами элементарные частицы во много раз, а кварки построены из фридмонов или планкеонов, своего рода микро-«черных дыр» с огромной плотностью вещества, а в последних скрыты целые вселенные. Получается так, что мегамир и микромир смыкаются друг с другом, а объективная реальность замкнута сама на себя, что напоминает образ мира в древней восточной философии: змея, кусающая себя за хвост. Фигурально говоря, открыв маленькую матрешку, мы обнаружим, что в ней скрыта самая большая.

Ограниченность реляционной модели. Хотя реляционная модель и позволила преодолеть недостатки редукционизма – сведения абстрактного понятия материи к частным, как правило, – физическим свойствам и расширила объем категории на химические, биологические и

социальные системы, сама эта модель столкнулась с существенными трудностями.

Во-первых, в этой модели материя – это все то, что существует объективно. Однако такое понятие слишком широко и поэтому бессодержательно. Определяя объективную реальность как совокупность разнообразных систем, мы не находим существенного, специфического качества, их объединяющего, и оказываемся в ситуации неопределенности подобно тому, как если бы мы лес трактовали как совокупность елей, берез и осин; фауну как совокупность лис, волков, зайцев и пр.; а общество как совокупность разнообразных стран и народов. Это, по сути дела, тот же редукционизм, разве только не такой примитивный, как физический.

Во-вторых, определяя понятие материи через отношение сознания к объективной реальности, мы выходим за рамки собственно онтологии, поскольку отношение «оригинал-копия», «материя дана нам в ощущениях» – это гносеологическое, чисто познавательное отношение, которое задает не само существование объекта, а лишь правильность или ошибочность его отображения. Если этим отношением оперировать в онтологии, мы получим некую выделенную систему отсчета: познающий человек займет привилегированное положение среди других фрагментов реальности, что неминуемо приведет нас к антропоцентризму и субъективизму, т. е. к абсолютизации нашей собственной точки зрения.

В-третьих, определяя материю как объективную реальность, как реальность вне нас, мы в недоумении остановимся перед вопросом о том, что представляет собой субъективная реальность, реальность в нас самих, в нашей психике и в нашем мышлении. Отвергая наличие духовной субстанции во внешнем мире, мы ее получим в мире внутреннем, а это ведет к удвоению реальности, дуализму, и тем самым к нарушению принципа материального единства мира, что не вяжется с естествознанием. Ссылки на то, что сознание – свойство высокоорганизованной материи неубедительны: свойство не может противопоставляться своему носителю. В определении реляционной модели материя есть все то, что не сознание; носитель есть все то, что не свойство; но это абсурд.

В-четвертых, понятие материи в реляционной модели константно, фиксировано раз и навсегда: отношение субъекта к объекту в процессе познания инвариантно. Парадокс, но в диалектическом материализме

базовое понятие онтологии оказывается недиалектическим, т. е. не развивающимся, заданным однозначно и в силу этого застывшим и жестким. Такое определение не будет пересмотрено никогда, но это уже весьма сомнительная претензия на абсолютную истину.

Высказанные соображения заставляют искать другие пути реализации фундаментальной идеи философии природы – идеи единства в многообразии. Но прежде чем к ним обратиться, рассмотрим еще одно базовое понятие онтологии – категорию «бытие».

Учение о бытии. Слово «*бытие*» во всех языках от древних до современных – это отглагольное существительное, образованное от глагола «*быть, существовать*». В своей истории это понятие эволюционировало в порядке, обратном эволюции понятия материи. Его развитие шло от предельно общих и абстрактных представлений ко все более конкретным и содержательным интерпретациям. Каждая эпоха в истории философии выдвигала свою концепцию способа существования реальности, а от эпохи к эпохе понимание бытия смещалось все больше и больше от характеристики устойчивости к характеристике изменчивости.

Первыми в аппарат онтологии понятие бытия ввели представители *Элейской школы* античной философии – Парменид и Зенон Элейский. Они полагали, что бытие – это то, что есть, а небытие – то, чего нет. Но если рассуждать строго логически, не доверяя обманчивым чувствам, то мысленная картина реальности окажется вовсе не такой, как картина видимая. Так, бытие единственно, ибо если бы было другое бытие, то оно отделялось бы от первого бытия небытием, а небытия нет по определению. Далее, бытие однородно, ибо если бы оно разделялось внутри себя на части, то части были бы отделены одна от другой небытием, а небытия нет по определению. Бытие вечно, несотворимо и неуничтожимо, ибо в то время, когда отсутствует бытие, должно быть небытие, но его нет по определению. Наконец, бытие неподвижно, ибо движение – это перемещение бытия в то место, где его еще нет, в небытие, но небытия нет по определению.

Казалось бы, перед нами логическая казуистика, игра мысли, и тем не менее идеи элеатов остро современны и реализуются в сегодняшней научной картине мира. Так, принцип Парменида: ничто не возникает из ничего и не исчезает в ничто – один из краеугольных камней научного мышления. Первый принцип термодинамики утверждает невозможность создания вечного двигателя. Или возьмем множество зако-

нов сохранения: энергии, количества вещества, количества движения, импульса, заряда, спина, четности и т.п. Наконец, любое взаимодействие в природе выражается в науке в виде уравнения, будь то физические, химические или другие реакции. Прав Парменид: к бытию ничего нельзя прибавить и от бытия ничего нельзя убавить. Любое событие в природе – это, строго говоря, не возникновение или уничтожение, а преобразование одного фрагмента реальности в другой, перекомбинация элементов действительности.

Похожие идеи относительно бытия были и у античных идеалистов Платона и Аристотеля. Истинным существованием обладает не то, что преходяще, что возникает и исчезает, а это прежде всего воспринимаемые чувствами вещи, но то, что вечно, неизменно, инвариантно.

У Платона это потусторонние идеи, которые воплощаются то в одном, то в другом материале, а у Аристотеля это хотя и посюсторонние, земные, но тем не менее идеальные формы, которые не существуют отдельно от тел, но вместе с тем выступают по отношению к телам как активные начала, придающие им качественную определенность и являющиеся по отношению к ним и действующими, и конечными причинами, и основаниями, и целью их существования.

В средневековом теоцентризме эпохи готики основной дилеммой оказывается сотворенность или несотворенность того или иного бытия, и в соответствии с религиозной доктриной истинным, полным и совершенным, самосушим и вечным существованием обладает только Бог, тогда как все остальное есть лишь результат его творения, проявление его воли и реализация его могущества. Именно в силу этого принципа в природе все происходит по необходимости, осуществляется согласно законам, предписанным Господом, сам же он не ограничен никакими законами и может действовать произвольно, и результат такого действия вопреки обычному порядку вещей воспринимается людьми как чудо.

Такой ход мысли характерен и для современной религиозной философии. Так, в неотомизме – новой интерпретации идей Фомы Аквинского, величайшего философа средневековья, прозванного «ангельским доктором», – имеется принцип гармонии веры и разума, согласно которому последний постигает лишь природную необходимость, вера же идет путем откровения божественного промысла, и потому наука и религия органично дополняют друг друга, не противореча одна другой и не опровергая другую сторону.

В эпоху Просвещения с ее акцентом на проблемы теории познания в понимании бытия ведущей стала проблема его подлинности, истинности. С этой точки зрения характерен заочный спор субъективного идеалиста Беркли и дуалиста Декарта.

Джордж Беркли, доводя до предела позицию сенсуализма в гносеологии, т. е. отдавая приоритет в познании органам чувств, приходил к парадоксальной онтологической интерпретации этой позиции. Если действительность дана нам исключительно в форме чувственного опыта, в ощущениях и переживаниях, то наша психическая жизнь и есть единственная реальность. Вещи, как мы их воспринимаем, суть не более чем комплексы наших ощущений, но тогда их внешнее по отношению к нам существование есть всего лишь иллюзия. То, что мы называем действительностью, ничем не отличается от сновидения или галлюцинации.

Альтернативное понимание бытия предложил Рене Декарт. Начав с вроде бы субъективистского тезиса «мыслю, следовательно, существую», французский философ приходит к утверждению существования вещей именно потому, что мыслящий субъект не может произвольно предписывать то, какими им быть. Если бы реальность была продуктом моего воображения, я придумал бы себе мир прекрасный, совершенный, благодетельный. Однако я вынужден мириться с тем, что есть и что доставляет мне страдание и разочарование; я должен это принять и бессилен изменить, следовательно, реальность существует сама по себе. Следующий тезис Декарта – «мыслю о вещах, следовательно, они существуют».

В эту же эпоху зарождается классическое естествознание. Механика выглядит чуть ли не всесильной дисциплиной: она объясняет все и вся от действия рычага и устройства механизма до причин приливов и отливов и законов движения планет вокруг Солнца. Понятно, что в механистической картине мира понятие бытия оказывается связанным с физическими параметрами взаимодействия тел. Эти параметры, а именно перемещение, протяженность и длительность осмысливаются в философии природы как движение, пространство и время. Причем если в понимании материи уже утвердилось атрибутивная модель, то в отношении бытия еще господствует субстанциональная точка зрения.

В ньютоновской физике тела неизменны, обладают неотъемлемыми свойствами и приводятся в движение внешней силой. В самом начале, как полагал Ньютон, имел место первотолчок, когда Бог «запус-

тил механизм» Вселенной, который продолжает «работать» уже по естественным законам. Пространство и время также представляют собой внешние и ни от чего не зависящие формы существования, и тогда пространство есть чистая протяженность, пустота, в которой перемещаются механические массы, а время есть чистая длительность, которая определяется раз и навсегда установленными циклами движений, например движением планет по стационарным орбитам.

В XIX веке появились две альтернативные концепции *способа и форм бытия реальности*. Это были априористская модель Канта и реляционная модель в диалектическом материализме и неклассическом естествознании XX века.

Немецкий философ Иммануил Кант полагал, что представления о пространстве и времени имеют априорный, т. е. доопытный, характер и не могут быть выведены ни из каких наблюдений, а, напротив, являются врожденными формами человеческого восприятия. Основным аргумент Канта состоял в том, что математические дисциплины, упорядочивающие наше созерцание, а именно – геометрия и алгебра, относящиеся к внешним и внутренним чувствам, а значит, к пространству и времени – имеют аксиоматический характер. Пять аксиом Евклида, или принципы арифметики, мы принимаем без доказательств, поскольку они самоочевидны, а не выведены и не могут быть выведены из опыта. Это сильный аргумент, но он был опровергнут созданием в том же XIX веке неевклидовых геометрий Лобачевским и Риманом, а появление теории множеств Кантора перевернуло арифметику и алгебру. Системы аксиом могут быть различны, и какую из них выбирать – может решать только опыт.

Идею о том, что пространство и время суть лишь отношения между фрагментами реальности впервые высказал еще Готфрид Лейбниц. Эта идея хорошо вписалась в реляционную модель материи, которую наиболее ярко развил диалектический материализм. В этом плане наиболее показательны работы Энгельса. В своей книге «Диалектика природы» он разрабатывает основные аспекты реляционной модели.

Поскольку и в философии, и в естествознании в XIX веке прочно утвердилась идея эволюции – в философии Гегель, а в науке, скажем, Дарвин – постольку и Энгельс принципиально по-новому трактует движение. Он понимает его, во-первых, как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут. С этой точки зрения изменчивость есть фундаментальное качество реальности и никакого

первотолчка не было. В действительности, прямо по Гераклиту, «все течет, все меняется, и в одну реку нельзя войти дважды, ибо в следующий раз нас омывают новые воды». Энгельс вслед за Гегелем полагал, что движение вызывается внутренними противоречиями в природе вещей, борьбой противоположных сил и тенденций в самих структурах материальных систем.

Во-вторых, движение трактуется Энгельсом не только и не столько как перемещение в пространстве. В реляционной модели движение понимается как развитие, как качественное изменение, усложнение, совершенствование или деградация и разрушение, т. е. как прогресс или регресс, имеющие необратимый характер. В соответствии с таким подходом Энгельс говорил о многообразии форм движения материи, среди которых он выделял механическую, физическую, химическую, биологическую и социальную. В принципе каждый уровень организации материи характеризуется особенностями не только строения соответствующих систем, но и специфическими типами взаимодействия и характером функционирования. И хотя, скажем, процесс жизнедеятельности клетки нельзя свести полностью к совокупности химических воздействий, тем не менее идея развития состоит в том, что сложное возникало из простого и жизнь есть результат эволюции, ведущей от неорганики к органике и далее ко все более организованным биологическим и социальным системам.

Аналогично в духе реляционного подхода понимаются пространство и время. Энгельс рассматривает их не как внешние по отношению к материальным телам сущности, а как внутренне присущие материальным системам характеристики, как отношения между элементами систем и между самими системами, выражающие момент их упорядоченности. В этом смысле он определяет пространство как порядок сосуществования вещей, а время – как последовательность сосуществования вещей. С этой точки зрения движение есть способ существования материи, а пространство и время суть формы существования.

В неклассическом естествознании XX века краеугольными камнями понимания движения, пространства и времени стали теория относительности Эйнштейна и квантовая механика. В теории относительности длина тела и длительность событий – величины переменные и зависят они либо от скорости движения (частная теория), либо от силы гравитационного взаимодействия (общая теория). Так, если скорость движения тела стремится к скорости света, то, по формулам Лоренца,

его линейный размер стремится к нулю, а временные интервалы увеличиваются до бесконечности. Сам Эйнштейн в одном из интервью так оценил ситуацию: «Раньше считали, что если из Вселенной убрать массы – звезды, тела, планеты, то пространство и время останутся; я же доказал, что если из Вселенной убрать массы, то вместе с ними исчезнут и пространство и время».

Весьма любопытна квантово-механическая интерпретация движения. Согласно гипотезе трансмутаций, в природе не существует пустоты, а пространство заполнено вакуумом, представляющим собой плотную среду виртуальных частиц, которые в спокойном состоянии ненаблюдаемы, а в возбужденном состоянии выглядят как та или иная элементарная частица. Тогда то, что мы воспринимаем как движение микрообъекта, есть лишь передача возбуждения от одной виртуальной ячейки вакуума к другой, соседней с ней. Все ячейки «стоят на месте», а движение – это чисто макроскопический эффект подобно тому, как мы видим движение буквы по строке световой газеты, хотя на самом деле лишь последовательно загораются и гаснут лампочки, которые сами никуда не бегут. Ситуация прямо как у Парменида: движение есть лишь видимость, иллюзорный эффект чувственного восприятия.

Парадоксы микромира заставляют нас избегать кажущейся простоты и наглядности в описании процессов, которые мы наблюдаем в макромире, а для этого требуется учесть те новые аспекты трактовки реальности, которые открывают нам релятивистская теория и квантовая механика.

Релятивистская модель реальности. Следует сразу оговорить, что модель, которая будет предложена ниже, имеет гипотетический характер и находится в стадии обсуждения. Задача, для решения которой создана эта модель, состоит в том, чтобы избежать трудностей реляционной концепции объективной реальности, избавиться от антропоцентризма и субъективизма гносеологического подхода к определениям понятий материи и бытия. Вместе с тем реляционная модель не отвергается вовсе, но включается как частный случай в более общие представления при том условии, что в качестве системы отсчета выступает человек – наблюдатель и субъект познавательной деятельности. Однако и в этом состоит принцип релятивизма (лат. «релятивный», т. е. «относительный, переменный»), системой отсчета может быть любой фрагмент реальности, поскольку нет привилегированной, каким-то образом выделенной точки зрения, а картина реальности в

том или ином варианте имеет смысл лишь относительно всех остальных.

Основная идея релятивистской модели состоит в том, что изменчивость реальности рассматривается с позиций принципа развития, т. е. события, происходящие в действительности, представляют собой не только движение, внешним образом проявляющееся перемещение в пространстве, но и качественное изменение, внутреннюю новацию, развертывающуюся во времени.

Этот подход вполне соответствует представлениям теории относительности, в которой линейные величины и интервалы времени связаны в единый континуум, четырехмерное пространство–время в интерпретации Минковского.

Новый аспект видения реальности состоит в том, что изменчивость имеет относительный характер не только в случае пространственного перемещения, когда в принципе нет большой разницы в том, какое из тел считать движущимся, а какое – покоящимся. Такая же ситуация имеет место и в описании изменений по координате времени, поскольку процессы протекают с разными скоростями в различных фрагментах реальности, им присущи разные темпы преобразований и ритмы накопления существенных, задающих ту или иную определенность новаций.

С учетом этих различий в составе реальности имеют место быстрые и медленные относительно любого наблюдателя фрагменты. В этом отношении более медленные в своем развитии объекты будут восприниматься наблюдателем как застывшие, определенные четкими границами, с выраженными телесными характеристиками вещи. Тогда как более быстрые в своем развитии объекты будут восприниматься наблюдателем, как стремительно меняющиеся, неопределенных размеров и очертаний, не локализованные в конкретной точке бестелесные процессы.

Хроноскопический метод. Различия во временной организации разных фрагментов реальности не позволяют наблюдать непосредственно характерные особенности объектов. Так человек не воспринимает движения часовой стрелки по циферблату, хотя со временем констатирует, что она переместилась, но точно так же человек не замечает пулю в полете, хотя и знает, что это вполне телесный кусок свинца, а вот с точки зрения пули даже бегущий человек выглядит как застывшее изваяние.

Диалектика вещи и процесса. Если разделение реальности на вещи и процессы оказывается условным и зависит от системы отсчета, если один и тот же объект выглядит то как вещь, то как процесс с различных точек зрения, то следует сделать радикальный вывод: вещь и процесс – это одно и то же; всякая вещь есть процесс, но и всякий процесс есть вещь. Переходя на категориальный уровень, можно сказать так: реальности в целом, как и любому ее фрагменту, присущи как вещные, так и процессуальные характеристики, которые проявляются альтернативно, но и дополняют друг друга, образуя конкретную меру единства в том или ином объекте определенной природы.

Такая констатация напоминает принцип дополнительности в квантовой механике, что и неудивительно: именно в микромире мы сталкиваемся с короткими временными интервалами и высокими скоростями взаимодействий, что и приводит к неопределенности описания микрообъекта, которую открыл Вернер Гейзенберг, и дополнительности корпускулярных и волновых представлений, предложенной Нильсом Бором. Однако и медленные объекты, если их брать в огромных по масштабам человека интервалах времени и расстояний, дадут такую же картину. Так, звезды, события в которых растягиваются на миллиарды лет, тоже эволюционируют, и наблюдения за Метагалактикой, в которой в связи с конечностью скорости света огромную роль играет фактор времени – чем удаленнее объект, тем более глубокое прошлое мы наблюдаем, – позволили получить в астрономии картину развития звезд, зафиксированную диаграммой Герцшпрунга – Рессела.

Определения. По отношению к реальности в целом для выражения вещных и процессуальных характеристик объектов логично использовать базовые категории онтологии, дав им в этом случае новые определения.

Материя есть философская категория, выражающая момент устойчивости, определенности, телесности любого фрагмента реальности.

Бытие есть философская категория, выражающая момент изменчивости, неопределенности, бестелесности любого фрагмента реальности.

Итак, релятивистская модель реальности базируется на двух постулатах. Противоположные категории осмысливаются как асимптоты реальности, ограничивающие область определения. В данном контексте это асимптоты существования, выраженные категориями «устой-

чивость» и «изменчивость». А, во-вторых, это понимание существования и становления или движения и развития по координатам времени, фиксирующим длительность и последовательность событий. В этом аспекте определенность или неопределенность, телесность или бестелесность произвольного фрагмента реальности оказывается относительной, и он, в зависимости от системы отсчета, может восприниматься то как вещь, то как процесс.

Тем самым обосновывается релятивистский подход к существованию, в рамках которого утверждается относительный характер развития аналогично относительности движения в релятивистской механике; показывается фундаментальное значение временной координаты реальности, относительно которой только и приобретают смысл понятия ограниченного тела или дисперсной среды, точки или континуума. Как принципиально существенный результат *диахронической* (через время) версии существования получаются дефиниции материи и бытия, которые в данном контексте освобождаются от наслоений гносеологического и, тем более, идеологического характера (определение единственно верное, потому что ленинское!) и получают статус собственно онтологический, т. е. адекватный предмету исследования.

К Контрольные вопросы

1. Что такое субстрат? субстанция? атрибут?
2. Определите материю в релятивистской модели реальности.
3. Что такое движение? развитие?
4. Что такое пространство? время?
5. Определите бытие в релятивистской модели реальности.

К Задания для самостоятельной работы

1. Сравните философию природы античную и современную.
2. Оцените философское значение теории относительности.
3. Оцените философское значение квантовой механики.
4. Оцените философское значение эволюционной космологии.
5. Что дала философии общая теория систем?
6. Покажите пользу философии для естествознания.

К Литература

1. *Доброхотов А. Л.* Категория бытия в классической западно-европейской философии. – М., 1986.
2. *Крюков В. В.* Концепция материи и релятивистская модель реальности. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 1998.
3. *Кучевский В. Б.* Анализ категории «материя». – М., 1983.

Глава 5

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Познание как отражение действительности. Понятия «сознание», «мышление», «познание», «дух», «интеллект», «идеальное» и др. фиксируют свойства и признаки явлений и процессов одного класса, но не являются синонимами, поскольку акцентируют разные аспекты и стороны одного и того же феномена.

Сознание – имманентное, атрибутивное (неотъемлемое) свойство высокоорганизованной материи, позволяющее реалистически, но творчески преобразовывать окружающий мир в соответствии с поставленными целями. Понятие сознания является родовым по отношению ко всем действиям человека, которые он совершает в сфере идеального. Оно описывает феномен активно-творческого отношения человека к миру в общем виде, фиксируя специальным образом лишь самые общие черты проблемы – историческое происхождение, меру зависимости от материального носителя, основные способы существования и проявления, механизмы и критерии содержания и т.п.

Общепризнанно, что сознание – способ жизнедеятельности человека, требующий умения путем мыслительной деятельности строить и краткосрочную, и долгосрочную программу целенаправленных действий независимых (или не вполне зависимых) от давления внешней среды. Биологическими предпосылками этой способности у человека являются развитый мозг, развитые для тонкого манипулирования верхние конечности и гортань, позволяющая модулированное и артикулированное звукопроизношение. Социальными предпосылками данной способности является необходимость в передаче членам сообщества той части индивидуального опыта, который невозможно передать биологическим путем, т. е. по наследству.

Признание всех вышеперечисленных свойств сознания и его предпосылок в качестве исходных принципов исследования проблемы сознания в целом позволяет сформулировать и методологические установки, на базе которых возможно логически последовательным образом поставить и исследовать проблему функционирования сознания, т. е. – проблему познания.

Познание, таким образом, можно определить как «сознание в действии», как процесс последовательного (т. е. целенаправленного) движения индивидуального и коллективного знания. Общей целью познания при этом является постижение истины, и достижение этой цели является результатом «правильно» направленной деятельности сознания.

Краеугольным камнем понимания познания и, соответственно основой его исследования, является положение о сознании как активно-творческом отражении действительности. Максимальную сложность проблеме придает необходимость объяснения творческой сущности мышления (под *мышлением* обычно понимают «сознание в действии» без акцентирования его целенаправленности). Понятие «творчество» подчеркивает неоднозначность ответной реакции сознания на внешние воздействия. Вопрос «где истина?» – не случайно постоянный вопрос философии во все времена. Если мышление «неоднозначно по определению», можно ли верить в его достоверность даже при условии наличия цели мышления?

К слову сказать, само умение сознания ставить цель, заслуживает специального осмысления. Еще в античной Греции это умение сознания было сформулировано как парадокс: «Как мы можем искать то, чего совсем не знаем, а если знаем, Что нам искать, то зачем тогда искать?». Дело в том, что мышление начинает работать в режиме познания лишь в том случае, если оно «определило» наличие проблемной ситуации. Если проблемной ситуации, предполагающей многовариантное решение, в наличии не имеется, сознание попросту бездействует («спит»), а человек если и действует при бездействующем сознании, то только на основании инстинктов и/или рефлексов, как животное.

С. Л. Рубинштейн определил проблемную ситуацию как ситуацию, в которой неизвестное дано не прямо, а через личностное отношение к тому, что содержится в данной ситуации. Иными словами искомое в мышлении дано не прямо, а опосредованно в виде условий задачи, которую необходимо решить. При этом «условиями» задачи являются

известные факты (информация, знание), сопоставление (анализ, синтез и/или обобщение) которых позволяет получить новое знание. Отсюда можно вывести и основной алгоритм мышления (познания): для решения любой познавательной задачи необходимо заполнить «пробел» в знаниях, который всегда выступает в виде внешнего противоречия требований задачи и ее условий. Неизвестное обнаруживается через свою связь с тем, что известно. Область поисков истины, таким образом, в мышлении сведена к логическому навыку формулировки для самого себя так называемого «недоступного» вопроса, который может быть сведен мышлением к последовательному ряду доступных для самого себя вопросов. «Доступными» при этом называются вопросы, ответы на которые мышлению относительно легко получить с помощью известной для него (или «доступной») информации.

Вопрос о том, как, каким образом человек познает окружающий мир и самого себя, как уже отмечалось выше, остается открытым еще со времен Античности. Это означает, что единого ответа на него не существует. Ряд философских направлений признает возможность познания истины и, следовательно, возможность познания самих механизмов мышления. Ими создана теория познания – *гносеология*. Часть философских школ и учений полностью или частично отказывают сознанию в способности проникнуть в тайны бытия. Мыслителей, полностью или частично отказывающих сознанию в способности познать мир таким, каким он является на самом деле, называют *агностиками*.

Так, английский философ Д. Юм писал: «...опыт учит нас тому, что одно явление следует за другим, но не открывает нам тайной связи, соединяющей их и делающих их неотделимыми друг от друга». Немецкий философ И. Кант полагал: «Естествознание никогда не раскроет нам внутреннего содержания вещей, т. е. того, что, не будучи явлением, может, однако, служить высшим основанием для объяснения явлений». По мнению еще одного английского мыслителя Пирсона человеческий разум подобен телефонисту, который никогда не видел внешнего мира, вещей самих по себе, но судит о них по чужим телефонным разговорам.

Спор о степени познаваемости мира и самого себя легче всего понять, обратившись к исследованию одной из форм общественного сознания, которая занимается изучением ядра сознания – знания. Этой формой общественного сознания является наука, и именно в науке,

сущность которой состоит в добывании нового знания, концентрируются все проблемы сознания.

Наука – не просто знание и не просто процесс его добывания. Это – очень сложная система знания, включающая в себя различные виды взаимосвязи знаний и их уровни.

Эмпирическое и теоретическое. Наиболее важными уровнями науки являются эмпирическое и теоретическое познания. Эмпирическое познание – это познание на уровне чувств – эксперимент, наблюдение, описание. На данном уровне знание фиксируется с помощью органов чувств – зрения, слуха, обоняния, осязания. На ступени эмпирического познания воспринимаемое подвергается первичному осмыслению: выявляются внешние особенности предмета или явления; фиксируются некоторые закономерности (например, что чашку с чаем нельзя выпускать из рук, а следует осторожно ставить на какую-либо поверхность). Помимо собственно «чувств», таким образом, на этом уровне работает и разум (мышление), но разум, оперирующий почти исключительно чувственными образами, непосредственно синтезирующими ощущения, восприятия и представления. Рациональное мышление, имеющее форму понятий и суждений, на эмпирическом уровне не выходит за пределы чувственных образов и работает только с ними.

Некоторые философы считают эмпирический уровень мышления единственно истинным. Их называют *эмпириками*. Эмпирики обычно не отрицают, что имеются и более сложные формы мышления, но сомневаются в их достоверности. Например английский эмпирик Дж. Локк считал, что человеческая душа подобна чистой доске, не содержащей при рождении ребенка ни одной идеи, но заполняемой в процессе жизни ощущениями и восприятиями. Разум у Дж. Локка – лишь механизм создания из этих ощущений и восприятий различных комбинаций, в которые разум ничего не добавляет. Разум, по этой логике, в принципе не способен создать ничего нового и потому не нуждается в специальном изучении.

Противоположной точки зрения придерживаются так называемые «*рационалисты*». Рационалисты относят чувственное знание (отражение) к недостоверному, темному. Значение чувственности в познании ими зачастую вообще отрицается. Древнегреческий философ Зенон приводил такой пример: одно зерно при падении не производит шума, а мешок зерна – производит. Значит, – делал он вывод – хотя бы в од-

ном случае чувства ошибаются. Чувства, безусловно, ошибаются: оцениваем состояние ложки в тонком стакане с чаем и она вопреки очевидному опыту кажется изломанной. Таких примеров можно привести значительное множество. Следовательно, чувствам верить нельзя. Рационалисты утверждают, что верить можно только разуму.

Объясняя возникновение мыслей (основных единиц мышления), рационалисты прошлого нередко говорили о наличии у человека «врожденных идей». Лейбниц сравнивал сознание с глыбой мрамора, в которой прожилки намечают фигуру будущей статуи. Скульптор, работая с глыбой, «отсекает все лишнее». Примерно также работает и мышление: в процессе познания разум выбирает из массы ощущений лишь то, что необходимо для решения познавательной задачи, решение которой разум предвидит, не нуждаясь для этого в чувственных раздражителях. Чувства по логике рационалистов нужны в познании лишь для обоснования и подтверждения уже готовых идей. К формуле эмпириков «нет ничего в разуме, чего не было бы в чувствах» они добавляли: кроме самого разума. С точки зрения рационалистов чувственность – лишь толчок и дополнительное обоснование для деятельности врожденных идей.

Кто прав? Пожалуй, истина – в золотой середине: все знания имеют чувственное происхождение, но разум – нечто гораздо большее, чем простая комбинация ощущений и восприятий. Чувства – начальная ступень познания. Однако одного чувственного опыта для мышления недостаточно: чтобы познание было истинным, надо знать не только внешние особенности познаваемого явления или предмета, но и выявить его внутренние отношения, свойства и закономерности. То есть надо осуществить процедуры анализа, синтеза и обобщения, а также – создать особые конструкции, которые закрепят выявленные отношения и свойства во времени в виде понятий.

Познание мира не сводится только к восприятию предметов и явлений, их чувственному отражению. Познание, как уже отмечалось выше, означает выявление в отражаемых предметах или явлениях некоторых существенных признаков, на основании которых строится модель данных предметов или явлений. Моделировать действительность необходимо потому, что мысль о предмете, не являясь самим предметом, требует точной фиксации во времени тех характеристик и признаков предмета, которые выявлены мышлением на данном этапе для того, чтобы в дальнейшем уточнять или изменять их в ходе познания.

Мысленная модель отображаемого предмета, зафиксированная в слове, называется понятием.

Понятие – это форма, позволяющая общепонятным и логически достоверным образом отобразить в мышлении (и, соответственно, в общении с себе подобными) выявленные связи и отношения. В реальном мире не существует ни «человека вообще», ни «стола вообще», ни «двадцати восьми», ни многого другого. В реальности существуют конкретные люди, конкретные столы или количественные отношения. Отвлечение (игнорирование) от несущественного и акцентирование существенного позволяет мышлению при помощи лексических единиц (слов или словосочетаний) сформулировать имеющиеся впечатления и представления емким и лаконичным образом.

Чувственное и рациональное связаны между собой в понятиях и исторически, и логически. Понятия всегда «осмысленны» и в них наличествует социальная оценка. При этом понятия как логическая форма мысли всегда используются в познании в неразрывном единстве с данными чувственного опыта, анализируя и обобщая его.

Обобщение (абстрагирование) на уровне чувственного отражения позволяет группировать (классифицировать) существенные внешние признаки предметов и явлений: красные, круглые, тяжелые, большие или маленькие и т. п. При этом исторически формирование понятий осуществляется в направлении отсечения все большего количества малосущественных деталей и расширения на этой основе множества описываемых предметов или явлений. Например, известно, что в так называемых «первобытных» сообществах в языке зачастую отсутствуют понятия, обобщающие в единое слово или словосочетание, отображающие наиболее изученные и освоенные предметы или явления. У многих народов Севера существуют десятки слов для обозначения снега, которые можно было бы перевести как «снег влажный», «снег хрустящий», «снег колючий», «снег пушистый» и т. п., но отсутствует общее понятие «снег»; этнографы фиксировали у арабов несколько десятков слов для обозначения верблюда, но так и не нашли общего понятия «верблюд». Иными словами, исторически понятие «дерево» появляется раньше понятия «лес». И фразеологизм «Из-за деревьев не видеть леса» призван подчеркивать «младенческую стадию развития мышления» у личности, поскольку только после формирования навыка обобщения человек способен системно организовывать свое поведение. На основе чувственного обобщения предметы или явления групп-

пируются мышлением по сферам практического опыта: слесарный инструмент, предметы для рисования, садовый инвентарь, посуда и т. д., что позволяет человеку в конечном итоге более экономно и эффективно ими пользоваться. Это сложные процедуры, которым человек обучается обычно без необходимости осознания технологии обучения.

Еще сложнее (но также в связи с практическим опытом) происходит образование абстракций по внутренним существенным признакам. Например, для того, чтобы найти причину разных темпов и даже направленности развития целых стран и народов необходимо выявить «базисное понятие», в сравнении с которым можно будет проанализировать историю изучаемых стран и построить прогноз на будущее. В качестве такого базисного понятия могут быть признаны «стоимость», «ценности», «менталитет» и др. В зависимости от избранного основного понятия будет строиться и вся логика обоснования исторической специфики анализируемых стран. Например К. Маркс, начиная свой главный труд «Капитал» с рассмотрения товарного производства, которое с позиций понимания труда как главного источника стоимости по К. Марксу, признается главным фактором формирования общественных отношений.

Избрание понятия «стоимость» в качестве базисного предопределяет объяснение общественных отношений прежде всего как результата товарного производства, в результате которого происходит обмен товарами. Товар при этом есть вещь (сапоги, ткани, машины), которая обладает признаком полезности и служит удовлетворению потребностей человека. Полезность вещи составляет потребительную стоимость товара. Потребительная стоимость реализуется в процессе потребления вещи, ее свойства чувственно воспринимаются. Вместе с тем товары обязательно обмениваются друг на друга: обмен товаров есть приравнивание их друг к другу. Например, одни сапоги можно обменять на две юбки, что выражается в равенстве «1 пара сапог = 2 юбкам». Отождествление разнородных товаров возможно потому, что они обладают чем-то общим и это общее лежит вне сферы потребительной стоимости – сапоги есть нечто иное, чем юбки или, скажем, сахар. Общим у них является только то, что все товары создаются в результате труда. Но ведь и труд существует в разных формах – построить дом или машину, добыть жемчужину со дна моря или перевезти груз на некоторое расстояние – весьма различные и по сложности, и по результатам занятия. Общим у них является то, что в процессе любой деятельности

осуществляются физические и/или финансовые, интеллектуальные, материальные и т. п. затраты. Они имеют место при любой работе, но в процессе труда затраты способны принести доход, что может быть зафиксировано формулировкой закона стоимости, а на его основе – закона прибавочной стоимости.

Абстракции этого порядка также возможны только на основе чувственного опыта, но они есть результат обобщения ненаблюдаемых признаков, результат отвлечения от наглядных признаков.

Для уяснения сущности абстракций поставим такой вопрос: почему, если с листа ватмана стереть рисунок, на нем ничего не остается? Исчез образ. Исчезли детали, из которых формировался образ. Но почему же, если мы забыли («стерли») чувственные признаки предмета (например, какого цвета, формы, размера был автобус, на котором мы ехали), в сознании все равно наличествует знание того, что из себя представляет предмет («что есть автобус»)?

Дело в том, что абстракция – это не ликвидация результатов чувственного познания, а его продолжение на уровне мышления. Скажем, нам нет нужды представлять, кто, куда и почему падает, если нам необходимо употребить слово «падение», мы и так это знаем на уровне мышления.

Формирование абстрактных понятий и исторически, и у отдельной личности происходит при помощи процедур анализа и синтеза воспринимаемого. Анализ состоит в мысленном разложении предмета или явления на составные части; синтез, напротив, есть мысленное воссоздание целостности объекта. Анализ и синтез всегда связаны с практикой: любой предмет обладает практически бесконечным количеством элементов и именно практический опыт определяет направление нашей аналитической и синтезирующей деятельности, формируя своеобразный познавательный фильтр, при помощи которого происходит систематизация информации о предмете по критериям значимости – малозначимости, существенности – несущественности, полезности – вредности и т. п. В противном случае мы разлагали бы предмет или явление на элементы до бесконечности: начиная от формы, физических свойств, кончая эстетическим и научным содержанием. Синтезировать впечатления о предмете нам попросту не хватало бы времени и системности – элементы целостности воспринимались бы хаотично и аморфно.

Между тем, на практике, любой здоровый человек, даже на уровне обыденного мышления, в норме оценивает любой воспринимаемый предмет достаточно целенаправленно и системно. Человека, например, можно определять как понятие (изучать) и со стороны его физиологии, и в отношении его социально обусловленных качеств, и в направлении его анатомической специфики, и как представителя общественных отношений. Именно практическая деятельность и практические потребности направляют наше познание на главное, существенное в значимых предметах или явлениях.

Абстракции неотделимы от языка, речи. В природе, например, нет ничего такого, что мы называем словами «бегать» или «бег»; «петь» или «пение», «любить» или «любовь». В природе нет действий, отдельных от предметов, которым они присущи. В человеческой реальности действия и предметы могут существовать различно друг от друга. Более того, в человеческой реальности существуют абстракции разного рода.

В познании используются абстракции отождествления, когда мы ищем признаки, объединяющие ряд предметов, например, «одежда». Применяются так называемые «изолирующие абстракции», выделяющие (абстрагирующие) отдельные свойства предметов, например, — «белизна». Существуют абстракции идеализации, с помощью которых отсеиваются существенные для данного предмета или явления, но ненужные для решения конкретной проблемной ситуации детали или свойства. Например, на школьных уроках физики часто решают задачи из области механики, в которых не учитывается сила трения. Известные математические задачи «Из пункта А в пункт Б...» практически никогда не учитывают закономерные для практики задержки в движении. Но и математические абстракции «идеализации» в конечном итоге используются для практических измерений, создания технических систем и удовлетворения других насущных нужд человека.

Переход мышления к абстракции совсем не означает, что сознание начинает функционировать в сфере «чистых мыслей», не обремененных чувственностью. Так, слово «колокольчик» помимо сопонимания будит в разных людях разные образы — у кого-то луга и цветов, у кого-то — школьной переменки. И это закономерно, ибо в чувственных ассоциациях проявляется единство мышления с практикой, а через нее — со всем миром объективного. Так, феноменальная память российского журналиста Шершевского, способного на долгие годы запоминать бес-

системные наборы 30–40 слов с одного прочтения или прослушивания, базировалась на том, что он переводил эти слова в систему зрительных образов. Анализ немногочисленных ошибок Шершевского демонстрирует, что наглядные образы в ряде случаев могут затруднять мышление: например, слова «коса» или «ручка» имеют множество значений и потому их понимание через зрительный ряд затруднено. Дело в том, что чувственные образы всегда индивидуальны, наделены личностными смыслами. А смыслы и значения понятий совпадают далеко не всегда.

Значения понятий – это их смыслы, прошедшие проверку временем и социальными контекстами. Значения понятий одинаковы для всех. Смыслы в большинстве своем индивидуальны. Чем развитее мышление, тем большим количеством значений оно оперирует. Именно поэтому наука как система понятий требует значительной эрудиции и специальным образом сформированных навыков абстрактного мышления, на основании которых возможно уяснить и выразить сущность предметов и явлений общезначимым образом.

Чувственно-наглядный уровень мышления, который исторически предшествует абстрактному мышлению, необходим преимущественно для осмысления гуманитарной проблематики. Точные науки требуют развитых навыков абстрагирования и обобщения. Обобщение – это сведение первичных абстракций в новое, единое целое на основе мыслительной операции синтеза. Эта функция мышления также развита у различных людей в разной степени. В максимальной степени она бывает востребована при решении многофакторных задач повышенного уровня сложности – при выявлении и формулировке законов и всеобщих базовых понятий.

Фактически каждая наука имеет ключевые понятия: в математике это «число»; в физике – «поле» и т.д., на основе которых строится ее теоретическая система. Имеет собственную понятийную систему и философия, ключевые понятия которой отличаются наиболее высоким уровнем всеобщности.

Познание и практика. Познание – творческий процесс. Познание неотделимо от творческой деятельности, хотя и не сводимо к нему. Существуют многочисленные концепции творчества, но ни одна из них не удовлетворяет требованиям научности в полной мере. Например, вполне привлекательна на первый взгляд концепция, объясняющая творчество как врожденную способность человека к свободной,

ничем не ограниченной мыслительной деятельности. Исходным тезисом этого подхода являются рассуждения о том, что создать новое в науке, технике или искусстве способно только существо, которое не связывают во взаимоотношениях с действительностью никакие ограничения. И если не каждый человек является творцом, то только потому, что мы с детства ограничиваем свободу человека стереотипами – житейскими, научными и др. Эйнштейн по этой логике создал свою теорию относительности только потому, что плохо учился в школе и не научился уважать догмы классической физики. Остальные, затвердив их в качестве аксиом, даже не пытались взглянуть на мир с иной точки зрения.

Вряд ли подобные взгляды можно признать достоверными, поскольку отсутствие ограничений всегда означает хаос и, следовательно, смерть системы. Абсолютная свобода в обществе – это свобода убивать, насиловать, обижать слабых и оставлять без внимания просьбы о помощи, потому что любое социально приемлемое общение есть прежде всего самоограничение. Вряд ли возможна абсолютная свобода и в мыслительной деятельности: маловероятно, чтобы бушмен был способен придумать космический корабль, поскольку свобода его мысли закономерным образом ограничена и недостатком знаний, и кругом потребностей его племени.

Практика показывает, что мыслительная свобода должна быть максимальной, но не безграничной. Чем шире практика, тем шире пределы свободы мысли. *Творчество* – создание нового, активное преобразование действительности, ограниченное пределами общественной практики.

Творчество – всегда акт сознательный, хотя некоторые процедуры «придумывания» нового могут осуществляться и в сфере подсознания (сфере интуиции). Осознанность процессов творчества всегда проявляется в том, что новое человек создает лишь при условии целенаправленности своей мыслительной деятельности и понимании значения создаваемого нового. Сама цель при этом также должна быть осознана и достаточно четко сформулирована. Невозможно создать значимое новое, поставив цель: «придумать какую-нибудь новую модель машины».

Исходной фазой, предшествующей созданию нового, является постановка проблемы: «Я (человечество, покупатели) хочу создать машину, способную ездить по бездорожью и не утратившую при этом

своих эстетических качеств легкового автомобиля». В некоторых случаях проблемная ситуация выявляется при навыке находить необычное в обычных явлениях. Открытие начинается с удивления, говорил Аристотель. Открытия бывают индивидуально значимые и общественно значимые. Дети, познавая мир, творят беспрестанно, потому что не ведают ограничений в познании. Но их открытия, наполненные личностных смыслов, либо уже давно известны человечеству, либо не имеют для него значения. Общественно значимые открытия делаются лишь при условии формирования такого знания, которое обладает признаками новизны и, одновременно, общезначимыми способами опровергает старые общезначимые представления. Целенаправленным системным творчеством нового в обществе занимается специальная форма общественного сознания и специальный общественный институт – наука. Парадоксальность науки, сущностью которой является доказательство истинности результатов творческого освоения действительности, хорошо видна из следующего высказывания: «Новое в науке делается так: все знают, что это сделать невозможно. Но вот приходит невежа, который этого не знает. Он и делает открытие».

Наука акцентирует своей деятельностью проблемные ситуации, открывая закономерности, которые обыденному мышлению кажутся парадоксальными: вода состоит из двух легковоспламеняющихся газов; Земля движется вокруг Солнца, а не наоборот; животному или растительному виду для того, чтобы в ходе эволюции сохранять себя как вид, необходимо постоянно изменяться вслед за изменениями окружающей среды и т. п.

Парадоксальные (неожиданные) решения – неотъемлемое условие творческой стороны познания. Творческие научные решения возникают как результат выбора одного из вариантов, вытекающих из разностороннего (альтернативного) рассмотрения зафиксированной сознанием проблемной ситуации.

Проблема выбора альтернатив – одна из существеннейших сторон процессов познания и человеческого поведения в целом. Выбор – понятие, подразумевающее целый комплекс познавательных процедур, характеризующих ключевой акт человеческой жизнедеятельности: искания и обретения, цели и результаты, цели и средства, свобода и ответственность, принятие решения и его исполнение, рациональность и иррациональность. Выбор – понятие, которое содержит как объективные, так и субъективные значения. Необходимость выбора – неотъем-

лемое свойство познания, вытекающее из его репродуктивно-творческой сущности. «Репродуктивность» при этом следует понимать как способность мышления отображать предметы и явления такими, какие они есть на самом деле, «объективно». «Творческая сущность» выбора заключается в отображении предметов или явлений такими, какими они могут быть использованы, или какими они могут стать при некотором преобразовании вследствие «субъективированного» к ним отношения.

Объект и субъект познания. Исходным в анализе сущности познания как отражения (субъективного образа объективной действительности) является понимание обусловленности субъекта, его сознания объективными отношениями, а также творческой активностью человека. В процессе активного взаимодействия субъекта с объектом формируются познавательные проблемы, структура научного исследования, знание реализуется в сфере практики, развивается сам человек.

Для того чтобы акцентировать в языке репродуктивно-творческую, активную сторону сознания, в науке создано понятие «субъект». Субъект – это человек, социальная группа или общество в целом, активно осуществляющие процесс познания и преобразования действительности. Субъект познания – сложная система, в качестве своих компонентов включающая группы людей, отдельных личностей, занятых в различных сферах духовного и материального производства. Процесс познания предполагает не только взаимодействие человека с миром, но и обмен деятельностью между различными сферами как духовного, так и материального производства.

То, на что направлена познавательно-преобразовательная деятельность субъекта, называется объектом. Объект познания в широком смысле слова – весь мир. Признание объективности мира и его отражения в сознании человека – важнейшее условие научного понимания человеческого познания. Но объект существует лишь в том случае, если есть субъект, целенаправленно, активно и творчески с ним взаимодействующий. Абсолютизация относительной самостоятельности субъекта, отрыв его от понятия «объект» ведут в познавательный тупик, поскольку процесс познания в этом случае теряет связи с окружающим миром, с реальностью. Понятия «объект и субъект» позволяют определить познание как процесс, характер которого зависит одновременно и от особенностей объекта, и от специфики субъекта. Содержание познания в первую очередь зависит от характера объекта. Но

познавательная деятельность всегда осуществляется через посредство индивидуального сознания, которое специфическим образом отражает действительность. Например, большой камень на берегу реки может стать объектом внимания (познания) разных людей: художник увидит в нем центр композиции для пейзажа; инженер-дорожник – материал для будущего дорожного покрытия; геолог – минерал; а усталый путник – место отдыха. Вместе с тем невзирая на субъективные различия в восприятии камня, зависящие от жизненно-профессионального опыта и целей каждого из людей, все они будут видеть в камне именно камень.

Кроме того, каждый из субъектов познания будет осуществлять взаимодействие с объектом (камнем) по-разному: путник скорее физически (попыtet на ощупь: гладкий ли, теплый ли и т. п.); геолог – скорее теоретически (посмотрит цвет и строение кристаллов, попыtet определить удельный вес и т. д.). Существенная особенность взаимодействия субъекта и объекта заключается в том, что в основе оно материальное, предметно-практическое отношение. Не только объект, но и субъект обладает предметным бытием. Но человек не обычное предметное явление. Взаимодействие субъекта с миром не ограничивается механическими, физическими, химическими и даже биологическими закономерностями. Специфическими закономерностями, определяющими содержание этого взаимодействия, являются социальные закономерности. Социальные отношения людей, опосредуя взаимодействия субъекта и объекта, определяют конкретно-исторический смысл этого процесса. Изменение смысла и значения познания возможно в силу исторического изменения психологических установок и базы наличных знаний человека, находящегося в гносеологических отношениях с действительностью.

В процессе гносеологических отношений происходит «перенос» особенностей объекта в сознание субъекта в виде установления некоторого структурного соответствия между знаниями, целями и способами деятельности субъекта и объектом. Принцип структурного соответствия является общим для всех форм отражения на всех уровнях существования материи, но в социальной практике он действует особым образом. В обществе соответствие между объектом и субъектом может достигаться как на «физическом» (биологическом, химическом и пр.), так и на теоретическом уровне.

«Теоретическое» познание отличается от «физического» (практического) прежде всего тем, что в его процессе объект воспринимается не только как ощущения или их комплекс, но и производится соотнесение ощущений с понятиями (знаками, символами), которыми в обществе принято оценивать данные ощущения во всем их известном многообразии и глубине. Но различаются не только субъекты познания, вносящие в процессе взаимодействия с объектом в зависимости от уровня культуры, социальной принадлежности, сиюминутных и долгосрочных целей и др. в его отображение собственные корректировки. Весьма существенно различаются по качеству своего влияния на процесс познания и объекты.

Все объекты доступной мышлению действительности можно разделить на три большие группы: 1) принадлежащие миру природы, 2) принадлежащие обществу и 3) относящиеся к самому феномену сознания. И природа, и общество, и сознание – качественно различные объекты познания. При этом, чем совершеннее система, тем более сложным образом реагирует она на внешние воздействия, тем активнее отражение ею взаимодействий. При этом высокий уровень отражения, как правило, связан с большой самостоятельностью воспринимающей системы и многовариантностью ее поведения.

Природные процессы протекают на основе естественных закономерностей и по своей сути не зависят от человека. Природа была первопричиной сознания. Природные объекты, вне зависимости от уровня их сложности, лишь в минимальной степени способны оказывать обратное влияние на результаты познания, хотя могут быть познаны с различной степенью соответствия своей сущности.

В отличие от природы общество, даже становясь объектом познания, одновременно является и его субъектом, поэтому результаты познания общества гораздо чаще бывают относительными. Общество не просто активнее природных объектов, оно само способно к творчеству настолько, что развивается быстрее окружающей среды и потому требует иных средств (методов) познания, нежели природа. (Разумеется, проводимое различие неабсолютно: познавая природу, человек может познавать и собственное субъективное отношение к природе, но подобные случаи находятся пока вне обсуждения. Хотя следует запомнить, что человек способен познавать не только объект, но и свое отражение в объекте).

Особой реальностью, выступающей в качестве объекта познания, является духовная жизнь общества в целом и человека в отдельности, т. е. – сознание. В этом случае процесс познания проявляется в основном в виде самопознания (рефлексии). Это – наиболее сложная и наименее исследованная область познания, поскольку мышлению в данном случае приходится прямо взаимодействовать с творчески непредсказуемыми и неустойчивыми процессами, протекающими к тому же с очень высокой скоростью («скоростью мысли»). Не случайно научное познание к настоящему времени добилось наибольших успехов в познании природы, а наименьших – в исследовании сознания и связанных с ним процессов.

Сознание как объект познания выступает прежде всего в знаковой форме. Объекты природы и общества, хотя бы на чувственном уровне, практически всегда могут быть представлены и в знаковой, и в образной форме: слово «кошка» может быть неизвестно человеку, не владеющему русским языком, тогда как изображение кошки будет правильно понято не только иностранцем, но, при определенных условиях, даже животным. «Изобразить» мышление, мысль – невозможно.

Образ невозможно мыслить без предмета. Знак от предмета относительно независим. Ввиду независимости формы знака от формы предмета, который этот знак обозначает, связи между предметом и знаком всегда более произвольны и многообразны, чем между предметом и образом. Мышление, произвольно создающее знаки разного уровня абстрагирования, формирующее то новое, что не может быть «изображено» для других в форме, доступной для сопонимания, требует особых познавательных средств для изучения.

Добиться сопонимания относительно легко в познании объектов природы: и грозу, и зиму, и камень все понимают относительно одинаково. Между тем, чем «субъектнее» объект познания, тем больше различий в его интерпретации: одну и ту же лекцию (книгу) все слушатели и/или читатели воспринимают с тем большим количеством существенных расхождений, чем в большей степени мысль автора касается субъектных объектов!

Именно субъект-объектная сторона процессов познания чрезвычайно обостряет проблему истинности результатов познания, заставляя сомневаться в достоверности даже очевидных истин, которые на практике далеко не всегда проходят испытание временем.

Определяя источник, пути, способы познания окружающего нас мира, мыслители постоянно ставили и ставят перед собой вопрос: как отделить истинное от ложного, как определить достоверность наших знаний? Рассматривая познание мира в историческом аспекте, можно отметить неуклонное возрастание роли научного, точного знания. Процесс этот, начавшись в незапамятные времена, убыстряясь, привел к представлениям рационалистов XVII–XVIII веков. Они поставили вопрос о возможности познания мира в рамках строго научных, логически взаимно обусловленных понятий и связей. В современном мире значение точного знания иногда даже фетишизируется и достоверным признается лишь такое знание, которое может быть доказано строго логически.

При этом представители «точных» наук убеждены, что исходя из строго сформулированных основных положений и в дальнейшем рассуждая в рамках системы законов формальной логики, можно прийти к одному-единственному и потому правильному выводу. Однако любой представитель точной науки осознает, что сначала нужно выбрать «строго сформулированные основные положения», например, исходить из системы аксиом и определений Евклида в геометрии. Существует ли действительное соответствие между аксиомами Евклида и свойствами мира, после выбора Евклидовой геометрии, обычно не обсуждается. Подобный подход к познанию действительности был четко сформулирован Ньютоном применительно к механике в виде дедуктивного метода: сначала следует дать четкое определение понятий, которые будут использованы в дальнейшем, определяют правила действий с этими понятиями, а также постулируют законы и аксиомы, связывающие данные понятия. После этого в процессе исследования применяют лишь логические операции. Предполагается, что исходные принципы выбираются изначально правильно и в дальнейшем не корректируются.

Однако возможна ли практически такая идеальная формализация, при которой в систему знаний в дальнейшем никогда не будут вноситься уточнения и дополнительные гипотезы? Возможно ли создание такой знаковой системы, которая всеми будет восприниматься одинаково? Хотя развитие отдельно взятой «точной» науки по евклидово-ньютоновской схеме возможно на длительных исторических этапах, ответ будет отрицательным.

Логически безупречная конструкция, исходящая из наудачу взятых посылок, сама по себе бессодержательна. Она может быть интересной головоломкой, умственной гимнастикой, игрой, но какого-либо отношения к конкретным явлениям, к свойствам мира, в котором мы живем, результаты интеллектуальных игр могут не иметь. Наш выдающийся физик Л. И. Мандельштам очень точно говорил: «Всякая физическая теория состоит из двух дополняющих друг друга частей». Одна часть – «это уравнения теории – уравнения Максвелла, уравнения Ньютона и т. д. Это просто математический аппарат». Но необходимую часть теории составляет также связь этого математического аппарата «с физическими объектами». Без установления таких связей, по Мандельштаму, «теория иллюзорна, пуста». С другой стороны, без математического аппарата «вообще нет теории» и только «совокупность двух указанных сторон дает физическую теорию». Но что дает нам уверенность в правильности связей теоретического аппарата с реальностью? Как научно установить, верны или нет исходные посылки познания?

С детских лет мы чувствуем, что Евклидова геометрия верна, например, верна одна из ее исходных аксиом: через точку, лежащую вне данной прямой, можно провести прямую, параллельную данной, и притом только одну. Но Н. Лобачевский попробовал отказаться от этой аксиомы и предположил, что через такую точку можно провести не одну-единственную, а сколько угодно прямых, не пересекающихся с данной. В результате он получил хотя и противоречащую нашим наглядным представлениям, но последовательную и стройную систему, в которой выводы отличны от выводов Евклидовой геометрии. Впоследствии были построены и другие неевклидовы геометрии.

Вопрос о том, насколько неевклидовы геометрии соответствуют реальности, оставался открытым около ста лет, пока не была создана общая теория относительности Эйнштейна. Справедливость неевклидовой геометрии для физического мира была установлена не логически, а практически: путем изучения и обобщения опытных фактов. Опытным путем были обнаружены явления тяготения, описываемые законами точно определенного математического вида. Иными словами истинность неевклидовой геометрии была подтверждена в результате испытания критерием практики.

Таким образом, истинность или ложность положений, исходных для логического построения, может быть установлена лишь способа-

ми, отличными от методов формальной логики – сравнением с опытом. Но здесь мы сталкиваемся с тяжелой проблемой: опыт всегда ограничен. Откуда мы знаем, что на основе ограниченного опыта мы придем к неограниченно верному выводу?

Такая уверенность может быть взята только из нашей способности оценивать доказательства опыта, из нашей способности к суждению. Суждение при этом имеет не только логическую, но и внелогическую природу. Только дополняя формальную логику критерием опытной проверки, критерием практики и оценивая в процессе этой проверки с помощью «внелогического» суждения достаточность оснований для обобщающего вывода, мы можем познавать мир. И эта более полная система умозаключений образует метод более мощный, чем формальная логика и представляет собой теорию познания или диалектическую логику. Именно диалектическая логика выступает основным способом познания, целью и основой которого является практика.

Гносеологические функции практики. Под практикой при этом понимается целенаправленная деятельность человека, направленная на преобразование действительности по заранее разрабатываемой идеальной модели, составляющей содержание цели. Основными функциями практики в познании являются следующие.

1. Она является целью познания. Стремление к познанию возникает одновременно со становлением личности человека. Его жизнедеятельность в возрастающей мере требует познания тех сторон действительности, с которыми человек сталкивается в процессе жизни.

2. Практика – основание человеческого познания. Именно на практике человек осознает свои потребности и интересы, на основании которых он строит программы своей мыслительной деятельности и осуществляет выбор исходных установок познавательной активности.

3. Практика выступает и как критерий истинности полученных знаний. На вопрос, соответствуют ли знания реальной действительности, способна дать ответ прежде всего практика. Практика, таким образом, выступает как своеобразная форма связи между мышлением и всеми видами реальности.

Теория познания, не включающая в качестве существенной составной части познания практическую деятельность человека, остается созерцательной и не способна объяснить мир в его динамике и неравновесности. Любые положения, которые были достоверными для своего времени, должны в дальнейшем подвергаться уточнению, конкретиза-

ции или коренной ломке в соответствии с новейшими достижениями общественной практики и передовой науки.

В этом смысле было бы неправильно абсолютизировать роль практики как критерия истины, и практика призвана подтверждать относительную истинность полученных знаний, а не устанавливать метафизические абсолюты, «вечные» и «неизменные» истины. Критерий практики, так же, как и само познание, имеет исторически относительный характер.

К Контрольные вопросы

1. Что есть истина?
2. Как соотносятся чувственные и рациональные формы познания?
3. Как соотносятся объект и предмет познания?
4. Какова роль практики в процессе познания?
5. Что такое духовная практика?

К Задания для самостоятельной работы

1. Покажите соотношение отражения и освоения предмета в процессе познания.
2. Охарактеризуйте познание как деятельность субъекта.
3. Оцените значение опыта в познании действительности.
4. Покажите состав знания как результат познавательной деятельности.
5. Обозначьте границы теоретических спекуляций и интеллектуальной фантазии.

К Литература

1. *Бряник Н. В.* Введение в современную теорию познания. – М., 2003.
2. *Рассел Б.* Проблемы философии. – М., 2000.
3. *Основы современной философии.* – СПб., 1999.

Глава 6

МЕТОДЫ И ФОРМЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Методология. *Метод* (греч. method) – это *путь* познания и преобразования какого-либо объекта, независимо от того, природное это тело, искусственное устройство или же мысль. Метод всегда опирается на некоторую совокупность ранее полученных общих знаний. Методология – это учение о методах познания и исследования, проектирования и конструирования, преобразования объектов разного рода; это система принципов и способов организации и создания теорий, а также практической деятельности, включая инженерную.

Методологию можно разделить на содержательную и формальную. Первая занимается проблемами структуры научного знания вообще и особенно научных теорий. Она изучает вопросы возникновения научных теорий, их функционирование в науке, а также их развитие. Для нее важно описать понятийный базис науки и отдельных теорий, характер объяснения, структуру и способы операций со знанием (методы). Она должна прояснить вопрос о том, что же научно, а что ненаучно, какова роль практического и прикладного знания в его связи с теоретическим, формы и виды деятельности, действий и операций любого рода. Вторая занимается анализом языка науки, формальной стороной описания, объяснения и анализом формальных и формализованных методов, в том числе вопросов о том, как строить научную теорию, при каких условиях она истинна, каковы типы систем знания в науке, какова логика структуры научного знания.

Поскольку метод связан с предварительными знаниями, то методологию обычно делят на две части: во-первых, учение об основных, исходных понятиях и принципах познания и преобразования и, во-вторых, учение о способах познания, исследования и преобразования объектов. *Методологию* часто отождествляют с логикой научного ис-

следования. На самом деле содержание методологии шире. Она включает в себя и логические методы исследования, и исходные принципы познания и преобразования, и методики, способы подготовки и проведения наблюдений, измерений и экспериментов, проектирования, планирования и конструирования, а также пути формирования общих научных понятий, законов, принципов, целых научных теорий и дисциплин. Фактически методология – специализированная часть теории познания и преобразования мира. Она – предмет особых забот ученых, инженеров, проектировщиков. Английский философ XVII века Ф. Бэкон сравнил роль методологии с фонарем, освещающим дорогу путника в темноте.

В чем же особенности научного познания, инженерной деятельности и проектирования в настоящее время?

1. Значения знания, результатов и масштабов научных исследований, проектов и инженерной деятельности настолько увеличились, что зачастую являются государственными, а затраты на них сопоставимы с затратами крупнейших отраслей экономики целых государств.

2. Объем научных и инженерных знаний так возрос, что появилась потребность в их систематизации. А для этого нужна методология научного познания и практики.

3. Возрастают дифференциация науки и многообразие информации. Заметим, что 90 % ученых во всей истории человечества работали в XX веке, и 90 % всей научной и научно-технической информации человечества добыто тоже в XX веке, а ее рост идет по экспоненте. Это означает, что нужны новые современные способы обработки, доступа, хранения и передачи информации. В этой связи неопределимо значение банков данных и сетей связи типа Интернета.

4. Экологические и вообще глобальные проблемы современности требуют от ученых и практиков особого, системного и оптимизационного мышления и подхода, поскольку здесь всюду речь идет о поведении сложных систем разного рода. Решение этих проблем – одна из задач научной методологии.

5. В целом возрастают роль и значение синтеза научного знания, междисциплинарного взаимодействия, широты мышления ученых, инженеров, проектировщиков и др. Важно также, чтобы науки не дублировали друг друга и излагали бы свои основные положения и результаты в максимально сжатом виде. Но это одна сторона дела. Другая заключается в том, что необходима дальнейшая разработка спосо-

бов приобретения и осмысления новых знаний и эвристики, способов быстрого овладения ими. Синтез знаний возможен лишь на основе каких-то общих представлений о мире и методах познания и овладения миром. То есть нужны более современная картина мира и новейшие методологии. Без этого синтез знаний неосуществим.

Значение научной методологии состоит еще и в том, что она позволяет:

- выяснить подлинно философскую основу научного познания и практики;
- произвести на этой основе систематизацию всего объема научного познания и знания;
- создать условия для разработки эффективных методов научных исследований, методик, технологий проектирования и конструирования.

Существует проблема предмета научного исследования. Для научного познания и методологии основными положениями считаются: признание существования объекта исследования, наличия у него определенных аспектов, интересующих нас в соответствии с нашими целями и задачами, и рассмотрение познания как отражения объекта субъектом познания посредством понятий, суждений и умозаключений, включая специальные понятия науки, модели, гипотезы, законы, принципы и теории разного рода.

Следует отметить и то, что во всех описываемых процессах исследователь, проектировщик, практик имеют дело не столько с самими объектами, сколько с их отражениями – своими восприятиями, показаниями приборов или описаниями (информацией об объектах). В ходе логической обработки фактов познания и конструируемых моделей исследователь, конструктор или практик стремятся понять и отобразить объективные связи между явлениями, свойствами и характеристиками, в том числе те, которые недоступны непосредственному наблюдению. А это значит, что в ходе логической обработки наблюдаемых фактов и моделей идеального порядка они должны конструировать понятия и логические структуры, соответствующие глубинным объективным сущностям и их связям. Такие понятия и структуры выражают внутреннюю сущность объектов, какими бы они ни были по природе. При этом строятся схемы, чертежи, графики, натурные и теоретические модели, используются специальная символика, математические

уравнения, компьютерные отображения разного рода («виртуальная реальность») и др.

Рассмотрим в этой связи понятия субъекта и объекта познания. Субъект – познающая и целенаправленно практически и теоретически действующая сущность: человек, группа людей или общество в целом. Объект – та часть материальной или идеальной действительности, которая почему-то интересует субъекта. В этой связи объектом может быть и отображение объекта условным образом самим человеком, т. е. слова, мысли, знаки, символы, их системы разного рода.

Чтобы точнее выразить познаваемое или преобразуемое, можно ввести понятие «Предмета познания и преобразования». Предмет – это лишь определенный аспект объекта, на который направлены внимание и действие субъекта. Им могут быть отдельные вещи и тела (например, атомы, химические вещества, детали машин и разных устройств, процессы, технологии, они в целом и их части, живые организмы и сообщества, а также их части, люди и их сообщества и др., – вообще, – любые совокупности, включая идеальные по природе, вроде слов, мыслей, образов и т.п.), либо отдельные свойства и стороны (сопротивление, теплопроводность, реагентная способность, прочность, совместимость и др.), наконец, их условное выражение в знании. В этом смысле каждая наука имеет свой предмет исследования, как имеются и предметы проектирования, моделирования и преобразования.

Чтобы все это могло происходить, необходимы *средства* познания и преобразования. Надо четко понимать различие между предметом и средствами подобной деятельности. Дело в том, что, приступая впервые к изучению или преобразованию какого-либо объекта в определенном аспекте (т. е. предмета), мы вначале имеем или общие смутные представления о нем или вовсе не имеем их. Пользуясь средствами научного познания и преобразования, мы получим в итоге более определенное количественное и качественное представление о предмете.

Наиболее простой предмет научного познания и преобразования – это отдельные явления, отдельные сущности, а также их различные свойства, стороны. Средства их познания формируются за счет наших восприятий в виде простых суждений, описывающих результаты наблюдений: «теплота никогда не передается от менее нагретого тела к более нагретому», «повышение температуры проводника увеличивает его электрическое сопротивление» и т. д. Более сложный вопрос, каковы связи и отношения между явлениями и свойствами. Средствами

выражения первых служат эмпирические научные понятия и модели, элементарные логические формы и простые математические отношения типа больше, меньше, равно, пропорционально и др. Связи и отношения, особенно сложные, выражаются при помощи теоретических понятий и более сложных моделей, логических форм и сложных математических уравнений. При помощи простых конструкторов выражают эмпирические законы и правила. При помощи более сложных – общетеоретические законы и принципы науки, а также гипотезы и целые теории.

Одной из основных проблем методологии научного познания является проблема источника знания, которая связана с вопросом, что считается предметом научного знания и познания. Вопрос об источнике познания вообще – предмет давних философских споров между эмпиризмом (Бэкон, Гоббс, Локк и др.) и рационализмом (Декарт, Спиноза, Лейбниц и др.). Как известно из теории познания, первое направление считало источником знания только опыт, чувства (сенсуализм), которые и создают по их мысли основу для описания, второе – разум. Для первого критерий истинности – в опыте, для второго – в разуме, в логичности, что неизбежно вело к выводу о существовании у человека доопытных, врожденных идей – к так называемому «априоризму» (у Декарта и Канта). Оба направления – крайности. Вообще, вопрос усложняется, когда предметом познания становятся мысли, фигуры логики, теоретическое знание. Налицо – знание о знании и познание знания. А такое и в самом деле характерно для всего теоретического, в том числе философского знания и познания. В этой связи различают науки, в которых предмет познания – данные опыта (эмпирические науки), и такие, где этот предмет дан уже в теоретической форме, обобщен, а деятельность целиком теоретическая (как в логике, математике, в теоретической физике, философии и др.). В процессе развития науки крайности обоих учений постепенно преодолевались, в каждом из них было свое рациональное зерно, что указывает на необходимость диалектического подхода к процессу познания. Отсюда естественно сделать вывод о наличии двух источников научного знания. Один из них лежит в основе эмпирических средств и методов исследования и преобразования, он связан с обыденным знанием и знанием теоретическим, предварительно освоенным (предпосылочным); второй – в основе теоретических средств и методов исследования, он связан с логикой,

математикой и философией. Оба они через деятельность уходят в практику или обращены к новым, возникающим теориям.

В ходе развития науки стало также ясно, что в построении научного знания данные опыта играют исходную роль. Опыт, однако, – ведущая сила «опытных» наук и практики. Заслуга эмпиризма и сенсуализма в том, что они выдвинули опыт в качестве источника знания. Но эмпиризм абсолютизировал опыт в качестве источника знания, игнорировал теоретическое познание. В итоге и роль философии в развитии научного познания эмпиризмом была сведена до нуля, а значение чувственной ступени познания непомерно раздуто. Рационализм обратил внимание на теоретический источник знания, но повторил методологическую ошибку эмпириков. Заметим, что приверженность эмпиризму или рационализму – это не вопрос истории: эти взгляды вновь и вновь воспроизводятся и сегодня в научной и инженерной среде.

Современная методология стремится не противопоставить их друг другу и не абсолютизировать каждый из них, так как на самом деле они взаимосвязаны и взаимно дополнительные. Они образуют две ступени, два уровня познания и деятельности – эмпирический и теоретический. Даже в случае простейшего эмпирического исследования – наблюдения – необходимо иметь сознательно поставленные цели и задачи после того, как осмыслено наличие познавательной или практической проблемы, надо осмыслить также результаты наблюдения и действий на основе теоретических понятий и представлений. В истории науки ими часто были не только обыденные и практические обобщения и выводы, но и философские идеи. В результате применения особых научных методов полученные в опыте знания формулируются более точно и строго в научных понятиях и терминах в рамках определенной концепции. Следовательно, даже при чисто эмпирическом исследовании нельзя обойтись без определенных форм логического мышления и теоретических конструкт, что указывает на взаимосвязь опыта и теории.

Напротив, в теоретическом познании существует правило избегать ненаблюдаемое, опираться на факты наблюдения, измерений и эксперимента. Но все же в методологии науки и сегодня нет единого понимания того, какие научные знания следует относить к эмпирическим, а какие – к теоретическим знаниям. Так, многие исследователи, связывая понятие эмпирического только с чувственным содержанием опыта, слишком сужают его содержание, расширяя тем самым непомерно об-

ласть теоретического и его смысл. При этом допускаются две ошибки: не учитывают, что термины «эмпирический» и «теоретический» относятся к знаниям, а любые знания всегда выражаются в логико-теоретических формах. Или же не принимается во внимание, что сами знания по происхождению могут быть двух видов – эмпирические и теоретические.

Чтобы правильно понять особенности эмпирического и теоретического знания, надо учесть, что первое есть знание о явлении, а второе – о сущности явления. Однако и это не решает вопрос до конца, так как некоторые явления могут познаваться и теоретически, а некоторые сущности – эмпирически.

Эмпирический и теоретический уровни исследования можно понять как две противоположности, присущие научному познанию. Одна из них исходит из наиболее общего частного и конкретного научного знания – базисного эмпирического знания. Другая же – из наиболее общего теоретического знания, связанного с обобщающей научной картиной мира. При этом, чтобы их рассматривать как противоположности, следует отвлечься от способов получения базовых знаний. Тогда эмпирическое исследование состоит в переходе от частного к общему, а теоретическое – от общего к частному, т. е. в конкретизации общего научного знания.

В процессе научного познания и преобразования обе противоположности находятся в противоречии, ведущем в конечном счете к новым знаниям и объектам разного рода. Так, данные опыта, возникая в известном смысле независимо от теории и тем самым как бы противопоставляя себя ей, рано или поздно охватываются теорией и становятся знаниями, выводимыми из нее. Научные теории, возникая на своей особой теоретической основе, строятся относительно самостоятельно, вне жесткой и однозначной зависимости от эмпирических знаний, но подчиняются им и контролируются ими.

Важнейшая проблема познания – проблема истинности науки. Критерием истинности здесь являются практика, опыт. Они могут рассматриваться в трех аспектах:

- проверка истинности теоретических положений в наблюдениях, измерениях и эксперименте;
- внедрение научных и инженерных открытий и изобретений;
- проверка на практике любых положений науки, технического знания и технологии (в том числе и наиболее общих).

Непосредственно в научном познании наиболее часто применяется первый из этих критериев. Однако относительно окончательным критерием истины является последний, практический. При этом сама практика исторична. Подтверждение в эксперименте – еще не абсолютный критерий истины. Сам эксперимент нуждается в проверке при помощи первого и третьего критериев, так что почти всегда прибегают, если это возможно, к перепроверке эксперимента новыми экспериментами.

В XX веке методология и логика науки складывались в целом в самостоятельную научную дисциплину. Помимо общенаучных методов, о которых мы и будем дальше в основном рассуждать, существуют и частнонаучные методы и методики. О них идет речь при изучении частных научных дисциплин. При этом методология практической деятельности оформилась в особую ветвь – праксиологию (от греч. *praktikos* – деятельный + ...логия).

Эмпирические методы. К методам эмпирического исследования в науке и технике относятся наряду с некоторыми другими наблюдение, сравнение, измерение и эксперимент.

Под *наблюдением* понимается систематическое и целенаправленное восприятие интересующего нас почему-то объекта: вещи, явления, свойства, состояния, аспектов целого – как материальной, так и идеальной природы. Это наиболее простой метод, выступающий, как правило, в составе других эмпирических методов, хотя в ряде наук он выступает самостоятельно или в роли главного (как в наблюдении погоды, в наблюдательной астрономии и др.). Изобретение телескопа позволило человеку распространить наблюдение на ранее недоступную область мегамира, создание микроскопа ознаменовало вторжение в микромир. Рентгеновский аппарат, радиолокатор, генератор ультразвука и много других технических средств наблюдения привели к невиданному росту научной и практической ценности этого метода исследования. Существуют также способы и методики самонаблюдения и самоконтроля (в психологии, медицине, физкультуре и спорте и др.).

Само понятие наблюдения в теории познания обобщенно выступает в форме понятия «созерцания», оно связано с категориями деятельности и активности субъекта.

Чтобы быть плодотворным и продуктивным, наблюдение должно удовлетворять следующим требованиям:

– быть преднамеренным, т. е. вестись для решения вполне определенных задач в рамках общей цели (целей) научной деятельности и практики;

– плановым, т. е. состоять из наблюдений, идущих по определенному плану, схеме, вытекающих из характера объекта, а также целей и задач исследования;

– целенаправленным, т. е. фиксировать внимание наблюдателя лишь на интересующих его объектах и не останавливаться на тех, которые выпадают из задач наблюдения. Наблюдение, направленное на восприятие отдельных деталей, сторон, аспектов, частей объекта называют *фиксирующим*, а охватывающее целое при условии повторного наблюдения (возвратного) – *флуктуирующим*. Соединение этих видов наблюдения в итоге и дает целостную картину объекта;

– быть активным, т. е. таким, когда наблюдатель целенаправленно ищет нужные для его задач объекты среди некоторого их множества, рассматривает отдельные интересующие его стороны, свойства, аспекты этих объектов, опираясь при этом на запас собственных знаний, опыта и навыков;

– систематическим, т. е. таким, когда наблюдатель ведет свое наблюдение непрерывно, а не случайно и спорадически (как при простом созерцании), по определенной, продуманной заранее схеме, в разнообразных или же строго оговоренных условиях.

Наблюдение как метод научного познания и практики дает нам факты в форме совокупности эмпирических утверждений об объектах. Эти факты образуют первичную информацию об объектах познания и изучения. Заметим, что в самой действительности никаких фактов нет: она просто существует. Факты – в головах людей. Описание научных фактов происходит на основе определенного научного языка, идей, картин мира, теорий, гипотез и моделей. Именно они и определяют первичную схематизацию представления о данном объекте. Собственно, именно при таких условиях и возникает «объект науки» (который не надо путать с объектом самой действительности, так как второй есть теоретическое описание первого!).

Многие ученые специально развивали у себя способность к наблюдению, т. е. наблюдательность. Ч. Дарвин говорил, что он обязан своими успехами тому, что усиленно развивал в себе это качество.

Сравнение – это один из наиболее распространенных и универсальных методов познания. Известный афоризм: «Все познается в

сравнении» – лучшее тому доказательство. Сравнением называют установление сходства (тождества) и различия предметов и явлений разного рода, их сторон и др., вообще – объектов исследования. В результате сравнения устанавливается то общее, что присуще двум и более объектам – в данный момент или в их истории. В науках исторического характера сравнение было развито до уровня основного метода исследования, который получил название *сравнительно-исторического*. Выявление общего, повторяющегося в явлениях, как известно, – ступень на пути к познанию закономерного.

Для того чтобы сравнение было плодотворным, оно должно удовлетворять двум основным требованиям: сравниваться должны лишь такие стороны и аспекты, объекты в целом, между которыми существует объективная общность; сравнение должно идти по наиболее важным, существенным в данной исследовательской или другой задаче признакам. Сравнение по несущественным признакам может привести лишь к заблуждениям и ошибкам. В этой связи надо осторожно относиться к умозаклучениям «по аналогии». Французы даже говорят, что «сравнение – не доказательство!».

Интересующие исследователя, инженера, конструктора объекты могут сравниваться или непосредственно или опосредованно – через третий объект. В первом случае получают качественные оценки типа: больше – меньше, светлее – темнее, выше – ниже, ближе – дальше и др. Правда, и здесь можно получить простейшие количественные характеристики: «выше в два раза», «тяжелее в два раза» и др. Когда же имеется еще и третий объект в роли эталона, мерки, масштаба, то получают особо ценные и более точные количественные характеристики. Такое сравнение через посредствующий объект называют измерением. Сравнение подготавливает основу и для ряда теоретических методов. Само оно опирается часто на умозаклучения по аналогии, о которых мы будем говорить дальше.

Измерение исторически развивалось из наблюдений и сравнения. Однако в отличие от простого сравнения оно более результативно и точно. Современное естествознание, начало которому было положено Леонардо да Винчи, Галилеем и Ньютоном, своим расцветом обязано применению измерений. Именно Галилей провозгласил принцип количественного подхода к явлениям, согласно которому описание физических явлений должно опираться на величины, имеющие количественную меру – число. Он считал, что книга природы написана на языке

математики. Инженерия, проектирование и конструирование в своих методах продолжают эту же линию. Мы будем здесь рассматривать измерение в отличие от других авторов, объединяющих измерение с экспериментом, как самостоятельный метод.

Измерение – это процедура определения численного значения некоторой характеристики объекта посредством сравнения ее с единицей измерения, принятой как стандарт данным исследователем или всеми учеными и практиками. Как известно, существуют международные и национальные единицы измерения основных характеристик различных классов объектов, такие как час, метр, грамм, вольт, бит и др.; день, пуд, фунт, верста, миля и др. Измерение предполагает наличие следующих основных элементов: объекта измерения, единицы измерения, т. е. масштаба, мерки, эталона; измерительного устройства; метода измерения; наблюдателя.

Измерения бывают *прямые и косвенные*. При прямом измерении результат получается непосредственно из самого процесса измерения (например, используя меры длины, времени, веса и т. д.). При косвенном измерении искомая величина определяется математическим путем на основе других величин, полученных ранее прямым измерением. Так получают, например, удельный вес, площадь и объем тел правильной формы, скорость и ускорение тела, мощность и др.

Измерение позволяет находить и формулировать эмпирические законы и фундаментальные мировые константы. В связи с этим оно может служить источником формирования даже целых научных теорий. Так, многолетние измерения движения планет Тихо де Браге позволили потом Кеплеру создать обобщения в виде известных трех эмпирических законов движения планет. Измерение атомных весов в химии явилось одной из основ формулирования Менделеевым своего знаменитого периодического закона в химии и т. п. Измерение дает не только точные количественные сведения о действительности, но и позволяет вносить новые качественные соображения в теорию. Так произошло в итоге с измерением скорости света Майкельсоном в ходе развития Эйнштейновской теории относительности. Примеры можно продолжить.

Важнейшим показателем ценности измерения является его *точность*. Благодаря ей могут быть открыты факты, которые не согласуются с ныне существующими теориями. В свое время, например, отклонения в величине перигелия Меркурия от расчетного (т. е. соглас-

ного с законами Кеплера и Ньютона) на 13 секунд в столетие смогли объяснить, только создав новую, релятивистскую концепцию мира в общей теории относительности.

Точность измерений зависит от имеющихся приборов, их возможностей и качества, от применяемых методов и самой подготовки исследователя. На измерения часто тратятся большие средства, нередко их готовят длительное время, в них участвует множество людей, а результат может оказаться или нулевым или неубедительным. Нередко к полученным результатам исследователи бывают не готовы, потому что разделяют определенную концепцию, теорию, а она не может включить этот результат. Так, в начале XX века ученый Ландольт очень точно проверил закон сохранения веса веществ в химии и убедился в его справедливости. Если бы его методика была бы усовершенствована (и точность увеличена на 2–3 порядка), то можно было бы вывести известное соотношение Эйнштейна между массой и энергией: $E = mc^2$. Но было бы это убедительным для научного мира того времени? Вряд ли! Наука еще не была готова к этому. В XX веке, когда, определяя массы радиоактивных изотопов по отклонению ионного пучка, английский физик Ф. Астон подтвердил теоретический вывод Эйнштейна, это было воспринято в науке как естественный результат.

Следует иметь в виду, что существуют определенные требования к уровню точности. Он должен находиться в соответствии с природой объектов и с требованиями познавательной, проектировочной, конструкторской или инженерной задачи. Так, в технике и строительстве постоянно имеют дело с измерением массы (т. е. веса), длиной (размером) и др. Но в большинстве случаев абсолютная точность здесь не требуется, более того, она выглядела бы вообще смешно, если бы, скажем, вес опорной колонны для здания проверялся до тысячных или еще меньших долей грамма! Существует и проблема измерения массовидного материала, связанного со случайными отклонениями, как это бывает в больших совокупностях. Такие явления характерны для объектов микромира, для биологических, социальных, экономических и других подобных объектов. Здесь применимы поиски статистического среднего и методы, специально ориентированные на обработку случайного и его распределений в виде вероятностных методов и др.

Для исключения случайных и систематических ошибок измерения, выявления ошибок и погрешностей, связанных с природой приборов и

самого наблюдателя (человека), развита специальная математическая теория ошибок.

Особое значение в XX веке приобрели в связи с развитием техники методы измерения в условиях быстрого протекания процессов в агрессивных средах, где исключается присутствие наблюдателя, и т. п. На помощь здесь пришли методы авто- и электрометрии, а также компьютерной обработки информации и управления процессами измерения. В их разработке выдающуюся роль сыграли разработки ученых Новосибирского института автоматики и электрометрии СО РАН, а также НГТУ (НЭТИ). Это были результаты мирового класса.

Измерение наряду с наблюдением и сравнением широко используется на эмпирическом уровне познания и деятельности человека вообще, оно входит в состав наиболее развитого, сложного и значимого метода – экспериментального.

Под *экспериментом* понимается такой метод изучения и преобразования объектов, когда исследователь активно воздействует на них путем создания искусственных условий, необходимых для выявления каких-либо интересующих его свойств, характеристик, аспектов, сознательно изменяя течение естественных процессов, ведя при этом регулирование, измерение и наблюдение. Основным средством создания таких условий являются разнообразные приборы и искусственные устройства, о которых мы еще поговорим ниже. Эксперимент представляет собой наиболее сложный, комплексный и эффективный метод эмпирического познания и преобразования объектов разного рода. Но сущность его не в сложности, а в целенаправленности, преднамеренности и вмешательстве путем регулирования и управления в течение изучаемых и преобразуемых процессов и состояний объектов.

Основателем экспериментальной науки и экспериментального метода считается Галилей. Опыт как главный путь для естествознания обозначил впервые в конце XVI – начале XVII века английский философ Френсис Бэкон. Опыт – главный путь и для инженерии, и для технологий.

Отличительными признаками эксперимента считают возможность изучения и преобразования того или иного объекта в относительно чистом виде, когда все побочные факторы, затемняющие суть дела, устраняются почти целиком. Это дает возможность исследования объектов действительности в экстремальных условиях, т. е. при сверхнизких и сверхвысоких температурах, давлениях и энергиях, величинах

скорости процессов, напряженности электрических и магнитных полей, энергиях взаимодействия и др. В этих условиях можно выявить неожиданные и удивительные свойства у обычных объектов и тем самым глубже проникнуть в их сущность и механизмы преобразований (экстремальный эксперимент и анализ).

Примерами явлений, открытых в экстремальных условиях, служат сверхтекучесть и сверхпроводимость при низких температурах. Важнейшим достоинством эксперимента стала его повторяемость, когда наблюдения, измерения, испытания свойств объектов проводятся многократно при варьировании условий, чтобы повысить точность, достоверность и практическую значимость ранее полученных результатов, убедиться вообще в существовании нового явления.

К эксперименту обращаются в следующих ситуациях:

- когда пытаются обнаружить у объекта ранее неизвестные свойства и характеристики – это исследовательский эксперимент;
- когда проверяют правильность тех или иных теоретических положений, выводов и гипотез – проверочный к теории эксперимент;
- когда проверяют правильность ранее произведенных экспериментов – проверочный (к экспериментам) эксперимент;
- учебно-демонстрационный эксперимент.

Любой из этих видов эксперимента может быть проведен как непосредственно с исследуемым объектом, так и с его заместителем – моделями разного рода. Эксперименты первого типа называют натурными, второго – модельными (*моделирование*). К примерам экспериментов второго типа относятся исследования гипотетической первичной атмосферы Земли на моделях из смеси газов и паров воды. Опыты Миллера и Абельсона подтвердили возможность образования при электрических разрядах в модели первичной атмосферы органических образований, соединений, а это в свою очередь стало проверкой теории Опарина и Холдейна о происхождении жизни. Другой пример – модельные эксперименты на компьютерах, получающие все большее распространение во всех науках. В этой связи физики сегодня говорят о возникновении «вычислительной физики» (работа компьютера базируется на математических программах и вычислительных операциях).

Достоинством эксперимента можно считать и возможность изучения объектов в более широком диапазоне условий, чем это допускает оригинал, что особенно заметно в медицине, где нельзя проводить опыты, нарушающие здоровье человека. Тогда прибегают к помощи

живых и неживых моделей, повторяющих или имитирующих особенности человека и его органов. Эксперименты можно вести как над вещественно-полевыми и информационными объектами, так и с их идеальными копиями; в последнем случае перед нами мысленный эксперимент, в том числе вычислительный как идеальная форма реального эксперимента (компьютерное моделирование эксперимента).

В настоящее время значительное внимание обращено на социологические эксперименты. Но здесь существуют особенности, ограничивающие возможности подобных экспериментов согласно законам и принципам гуманности, которые находят отражение в концепциях и соглашениях ООН и международного права. Так, никто, кроме преступников, не станет планировать экспериментальные войны, эпидемии и т. п., чтобы изучить их последствия. В этой связи сценарии ракетно-ядерной войны и следствия из нее в виде «ядерной зимы» проигрывались на компьютерах в России и в США. Вывод из этого эксперимента: ядерная война принесет неизбежно гибель всего человечества и всего живого на Земле. Велико значение экономических экспериментов, но и здесь безответственность и политическая ангажированность политиков могут привести и приводят к катастрофическим результатам.

Наблюдения, измерения и эксперименты в основном базируются на различных приборах. Что же такое *прибор* с точки зрения его роли для исследования? В широком смысле слова под приборами понимают искусственные, технические средства и разного рода устройства, которые позволяют вести исследование какого-либо интересующего нас явления, свойства, состояния, характеристики с количественной и/или качественной стороны, а также создавать строго определенные условия для их обнаружения, реализации и регулирования; устройства, позволяющие вместе с тем вести наблюдение и измерение.

Не менее важно при этом выбрать *систему отсчета*, создать ее специально в приборе. Под системами отсчета понимают объекты, которые мысленно принимают за исходные, базисные и физически покоящиеся, неподвижные. Это хорошо видно при измерениях, осуществляющихся с помощью разных шкал для отсчета. Например, в астрономических наблюдениях – это Земля, Солнце, другие тела, неподвижные (условно) звезды и др. Физики называют «лабораторной» ту систему отсчета, объект, которые совпадают с местом наблюдения и измерения в пространственно-временном отношении. В самом приборе

система отсчета – это важная часть измерительного устройства, условно проградуированная на шкале отсчета, где наблюдателем фиксируется, например, отклонение стрелки или светового сигнала от начала шкалы. В цифровых системах измерения мы все равно имеем начало отсчета, известное наблюдателю на основе знания особенностей применяемого здесь счетного множества единиц измерения. Простые и понятные шкалы, например, у линейек, часов с циферблатом, у большинства электро- и теплоизмерительных приборов.

В классический период науки среди требований к приборам были, во-первых, чувствительность к воздействию внешнего измеряемого фактора для измерения и регулирования условий эксперимента; во-вторых, так называемая «разрешающая способность» – т. е. границы точности и поддержания заданных условий для изучаемого процесса в экспериментальном устройстве. При этом считалось, что в ходе прогресса науки их все удастся улучшить и увеличить. В XX веке, благодаря развитию физики микромира, обнаружили, что существует нижний предел делимости вещества и поля (кванты и др.), имеется нижнее значение величины электрического заряда и т.п. Все это вызвало пересмотр прежних требований к приборам и привлекло особое внимание к системам физических и других единиц, известных каждому из школьного курса физики.

Одним из основных условий объективности описания объектов считалась также принципиальная возможность абстрагироваться, отвлекаться от систем отсчета путем или выбора так называемой «естественной системы отсчета», или путем обнаружения таких свойств у объектов, которые не зависят от выбора систем отсчета. В науке их называют «инвариантами». В самой природе не так уж и много подобных инвариантов: это вес атома водорода (и он стал мерой, единицей для измерения веса других химических атомов), это электрический заряд, так называемое «действие» в механике и в физике (его размерность – энергия $\times$ время), Планковский квант действия (в квантовой механике), гравитационная постоянная, скорость света и др. На рубеже XIX и XX веков наука выяснила, казалось, парадоксальные вещи: масса, длина, время – относительны, они зависят от скорости движения частиц вещества и полей и, конечно, от положения наблюдателя в системе отсчета. В специальной теории относительности в итоге был найден особый инвариант – «четырёхмерный интервал».

Значение и роль исследований систем отсчета и инвариантов в течение всего XX века возрастали, особенно при изучении экстремальных условий, характера и скорости протекания процессов, таких как сверхвысокие энергии, низкие и сверхнизкие температуры, быстропротекающие процессы и т. п. Но и сегодня остается важной проблема точности измерения. Все приборы, применяемые в науке и технике, можно разделить на наблюдательные, измерительные и экспериментальные. Их несколько видов и подвидов по их назначению и функциям в исследовании. Перечислим их.

1. Измерительные приборы разного рода с двумя подвидами:

а) прямого измерения (линейки, мерные сосуды и др.);

б) косвенного, опосредованного измерения (например, пирометры, измеряющие температуру тела через измерение энергии излучения; тензометрические приборы и датчики – давление через электрические процессы в самом приборе и др.).

2. Усиливающие естественные органы человека, но не меняющие сущности и природы наблюдаемой и измеряемой характеристики. Таковы оптические приборы (от очков до телескопа), многие акустические приборы и др.

3. Преобразующие естественные процессы и явления из одного вида в другой, доступный наблюдателю и/или его наблюдательным и измерительным устройствам. Таковы рентгеновский аппарат, сцинтилляционные датчики и т. п.

4. Экспериментальные приборы и устройства, а также их системы, включающие наблюдательные и измерительные приборы как свою неотъемлемую часть. Диапазон таких приборов простирается до размеров гигантских ускорителей частиц, например, ускоритель Серпуховского. В них процессы и объекты разного рода относительно изолированы от среды, они регулируются, управляются, а явления выделяются в максимально чистом виде (т. е. без других посторонних явлений и процессов, помех, возмущающих факторов и т. п.).

5. Демонстрационные приборы, которые служат для наглядного показа свойств, явлений и закономерностей разного рода при обучении. К ним можно отнести также испытательные стенды и тренажеры различного вида, поскольку они обладают наглядностью, а также часто имитируют те или иные явления.

Различают также приборы и устройства: а) исследовательского назначения (для нас здесь они главные) и б) массового потребительского

назначения. Прогресс приборостроения – это забота не только ученых, но также конструкторов и инженеров-приборостроителей в первую очередь.

Можно назвать также приборы-модели, как бы продолжение всех предыдущих в виде их заместителей, а также уменьшенные копии и макеты реальных приборов и устройств, природных объектов. Примером моделей первого рода будут кибернетические и компьютерные имитации реальных, позволяющие изучать и проектировать реальные объекты, часто в широком диапазоне сходных в чем-то систем (в управлении и связи, проектировании систем и коммуникаций, сетей разного рода, в САПР). Примеры моделей второго рода – вещественные модели моста, самолета, плотины, балки, машины и ее узлов, любого устройства.

В широком смысле прибор – это не только искусственное образование, но это и среда, в которой протекает какой-либо процесс. В роли последней может выступать и компьютер. Тогда говорят, что перед нами вычислительный эксперимент (при оперировании числами).

У вычислительного эксперимента как метода большое будущее, так как часто экспериментатор имеет дело с многофакторными и коллективными процессами, где часто используется статистика. Экспериментатор также имеет дело с агрессивными средами и процессами, опасными для человека и живого вообще (в связи с последним существуют экологические проблемы научного и инженерного эксперимента).

Развитие физики микромира показало, что в своем теоретическом описании объектов микромира мы в принципе не можем избавиться от влияния прибора на искомый ответ. Более того, здесь мы в принципе не можем одновременно измерять координаты и импульсы микрочастицы и др.; после измерения приходится строить взаимодополнительные описания поведения частицы за счет показаний разных приборов и неодновременных описаний данных измерений (принципы неопределенностей В. Гейзенберга и принцип дополнительности Н. Бора).

Прогресс в приборостроении нередко создает подлинную революцию в той или иной науке. Классическими являются примеры открытий, сделанные благодаря изобретению микроскопа, телескопа, рентгеновского аппарата, спектро스코па и спектрометра, созданию спутниковых лабораторий, выносу приборов в космос на спутниках и т. п. Расходы на приборы и эксперименты во многих НИИ составляют часто значительную долю их бюджетов. Сегодня много примеров, когда

эксперименты не по карману целым немаленьким странам, и поэтому они идут на научную кооперацию (как ЦЕРН в Швейцарии, в космических программах и др.).

В ходе развития науки роль приборов нередко искажается, преувеличивается. Так в философии, в связи с особенностями эксперимента в микромире, о чем говорилось выше, возникла идея, что в этой области все наши знания целиком приборного происхождения. Прибор, как бы продолжая субъекта познания, вмешивается в объективный ход событий. Отсюда делается вывод: все наше знание об объектах микромира субъективно, оно приборного происхождения. В итоге в науке XX века возникло целое направление философии – приборный идеализм или операционализм (П. Бриджмен). Конечно, последовала ответная критика, но подобная идея распространена среди ученых до сих пор. Во многом она возникла из-за недооценки теоретического знания и познания, а также его возможностей.

Прежде чем перейти к нему, отметим: создание приборов и изобретение новых как для измерений, так и для экспериментов – это издавна особая область деятельности ученых и инженеров, требующая огромного опыта и таланта. Сегодня – это также и современная, все более активно развивающаяся отрасль производства, торговли и соответствующего маркетинга. Сами приборы и устройства как продукты технологий, научного и технического приборостроения, их качество и количество – по сути дела показатель степени развитости той или иной страны и ее экономики.

Теоретические методы. Методы теоретического познания – это абстрагирование, анализ и синтез, индукция и дедукция, идеализация, аналогия, формализация, моделирование, методы гипотез и аксиоматический, системный метод и подход и др.

Сущность *абстрагирования* состоит в мысленном отвлечении от несущественных свойств, отношений и связей в объекте и между ними при одновременной фиксации отдельных сторон, аспектов этих предметов в соответствии с целями познания и задачами исследования, конструирования и преобразования. Результатом процесса абстрагирования будут абстракции – понятия естественного языка и понятия науки.

Метод абстрагирования включает два момента. Сначала производится отделение существенного от несущественного, наиболее важного в познавательной задаче. Затем производится оценка различных ас-

пектов объекта, действующих факторов, условий, устанавливается наличие общего, принадлежность к определенным классам явлений, объектов и т. п. Необходимой стороной является установление независимости или пренебрежимо малой зависимости от определенных факторов. Далее производится замещение некоторого объекта идеальной или материальной природы, подвергающегося изучению, другим, менее богатым свойствами, имеющим ограниченное число параметров и характеристик. Полученный объект выступает в роли модели первого. Например, в астрономических расчетах планеты замещаются абстракциями вроде «материальной точки», реальные взаимодействия – силами и т. п. То же самое мы находим не только в небесной механике, но во всей механике, во всей науке вообще.

Следует заметить, что операция абстрагирования может применяться как к реальным, так и к абстрактным объектам, которые сами уже были результатом предшествующего абстрагирования. При этом мы как бы удаляемся от конкретности и богатства свойств исходного объекта, обедняем его. Но иначе мы не смогли бы охватить широкие классы объектов и их общую сущность, взаимосвязь, форму, строение и т. п. Роль полученной в итоге *абстракции* состоит в том, что она позволяет в познании назвать казавшиеся ранее разными предметы (объекты) одним именем, заменить сложное простым, классифицировать многообразие по общим признакам, т. е. выйти в итоге к обобщению, а значит, к закону.

Науке известны: 1) абстракция отождествления, при которой образование понятий происходит путем объединения многих объектов и их аспектов в особый класс; 2) изолирующая абстракция, когда производится выделение какого-либо свойства или отношения, связанного с объектом, обозначение их определенным термином и придание ему статуса самостоятельного (например, твердость, упругость, электропроводность, растворимость, устойчивость и т. п.); 3) абстракция конструктивизации, когда, отвлекаясь от неопределенности границ в свойствах объектов, как бы огрубляют действительное, реальное, благодаря чему получают возможность сформулировать некоторые законы, понять реальное в первом приближении, при этом в итоге дальнейшего движения мысли исходное упрощение снимается; 4) в специальных науках существуют свои специальные виды абстракции. Так, в математике и логике – это абстракция актуальной бесконечности и потенциальной осуществимости; в кибернетике – «черного ящика» и др. Они

обладают особыми чертами и в то же время сходными свойствами с перечисленными выше видами абстракции.

Обратимся к методам анализа и синтеза.

Анализ – это мысленное разделение интересующего нас объекта или его аспектов на отдельные части с целью их систематического изучения. В их роли могут выступать отдельные материальные и/или идеальные элементы, свойства, отношения и т. д.

Синтез – мысленное соединение ранее изученных элементов в единое целое.

Из приведенных определений уже видно, что это взаимно предполагающие и дополняющие друг друга методы. В зависимости от степени исследованности, глубины проникновения в сущность объекта или его аспектов применяются анализ и синтез различного рода или вида:

- прямой, или эмпирический анализ и синтез, которые пригодны на стадии первого, еще поверхностного ознакомления с объектом исследования и его аспектами, особенно при изучении сложного объекта;

- возвратный, или элементарно-теоретический анализ и синтез, которые пригодны для постижения моментов, сторон, аспектов сущности, овладения определенными причинно-следственными зависимостями;

- структурно-генетический анализ и синтез, которые позволяют выделять в объекте исследования самое главное, центральное, решающее, ведущее к разворачиванию объекта в целое; они охватывают генетические связи и опосредования; их целые цепочки ведут к полноте охвата частей и их содержания или к целостному видению и описанию объекта.

Анализ и синтез тесно связаны друг с другом: анализ подготавливает синтез, синтез завершает анализ. Они связаны и с другими методами. Так, возвратный анализ и синтез связаны со сравнением, наблюдением, измерением, экспериментом, индукцией и дедукцией, другими методами. Такой анализ предполагает абстрагирование от несущественного. Следует иметь в виду, что уровни расчленения и объединения в целое зависят от познавательных задач, а поэтому они могут быть лишь ограниченными не бесконечными, беспредельными. Оба метода – следствие философского положения о том, что целое по своим свойствам суть иное качество, чем его части, что оно больше суммы частей, но оно все же ограничено ими.

Индукция и дедукция – следующие два метода – подобно предыдущим парные и взаимодополняющие. Они занимают особое положение в системе научных методов и включают в себя применение чисто формальных логических правил умозаключения и вывода – дедуктивного и индуктивного. Начнем с разъяснения смысла индукции.

Под индукцией понимают умозаключение от частного к общему, когда на основе знания о части предметов делается вывод о свойствах всего класса в целом. При этом можно выделить такие виды индукции:

- полная индукция, когда делается вывод о свойствах данного объекта на основе перебора (и анализа) всех объектов данного класса. Это совершенно достоверное знание. Всякая наука стремится к его получению и использует в роли доказательства достоверности ее выводов, их неопровержимости;

- неполная индукция, когда общий вывод делается из посылок, не охватывающий всех объектов или аспектов данного класса. В ней присутствует, таким образом, момент гипотезы. Ее доказательность слабее предыдущей, ибо нет правил без исключения.

Исторически первой была так называемая перечислительная (или популярная) индукция. Она используется, когда на опыте замечена какая-нибудь регулярность, повторяемость, о чем и формулируют суждение. Если не будет противоречащих примеров, то тогда делается общий вывод в форме умозаключения. Такую индукцию относят к полной. Неполную индукцию иначе называют еще «научной», так как она дает не только формальный результат, но и доказательство не случайности найденной регулярности. Такая индукция позволяет «уловить» и причинно-следственные связи (что было установлено еще Бэконом и обосновано Дж. Миллем в Англии).

Пример полной индукции: последовательно проверенные металлы, один, другой, третий и т. д., обладают электропроводностью, из чего следует вывод, что все металлы электропроводны и т. д. Пример неполной индукции: последовательно взятые, каждое четное число делится на два, и хотя их всех бесконечно большое множество, мы все же делаем вывод о кратности всех четных чисел двум, и т. п.

Привлекательность и сила индукции очевидны. Отметим, что все опытные науки по преимуществу индуктивные науки. Значение индукции приходится переоценивать в связи с развитием вычислительной математики и ее приложений. Еще Бэкон писал, что если мы хотим проникнуть в природу вещей, то всюду обращаемся к индукции. Впо-

следствии в науке сложилось направление всеиндуктивистов (В. Уевелл, Дж. Ст. Милль и др.).

Дедуктивным называется умозаключение, в котором вывод о свойствах объекта и о нем самом делается на основании знания общих свойств и характеристик (всего множества).

Пример. 1) Все металлы проводят электрический ток.

2) Вольфрам – металл.

Вывод: вольфрам электропроводен.

Роль дедукции в современном научном познании и знании резко возросла. Это связано с тем, что современная наука и инженерная практика сталкиваются с объектами, недоступными обычному чувственному восприятию (микромир, Вселенная, прошлое человечества, его будущее, очень сложные системы разного рода и др.), поэтому все чаще приходится обращаться к мыслям, нежели к наблюдениям и экспериментам. Особое значение дедукция имеет для формализации и аксиоматизации знания, построения гипотез и др. (в математике, теоретической физике, теории управления и принятия решений, экономике, информатике, экологии и др.). Классическая математика – типично дедуктивная наука. Дедукция отличается от других методов тем, что при истинности исходного знания она дает истинное же выводное знание. Однако нельзя и переоценивать силу дедукции. Прежде чем ее применять, надо получить истинное исходное знание, общие посылки, а поэтому особое значение остается за методами получения такого знания, о которых говорилось выше.

Идеализация. Для целей научного познания, конструирования, проектирования и преобразования широко используются так называемые «идеальные объекты». Они не существуют в действительности, принципиально не реализуются на практике, но без них невозможны теоретическое знание и его приложения. К их числу относятся точка, линия, число, абсолютно твердое тело, точечный электрический заряд, заряд вообще, идеальный газ, абсолютно черное тело и многие другие. Науку без них нельзя представить. Мысленное конструирование таких объектов называется идеализацией.

Чтобы идеализация протекала успешно, необходима абстрагирующая деятельность субъекта, а также другие мыслительные операции: индукция, синтез и др. При этом мы ставим себе следующие задачи: мысленно лишаем реальные объекты некоторых свойств; наделяем (мысленно) эти объекты определенными нереальными предельными

свойствами; именуем полученный объект. Чтобы выполнить эти задачи, прибегают к многоступенчатому абстрагированию. Например, отвлекаясь от толщины реального предмета, получают плоскость; лишая плоскость одного измерения, получают линию; лишая линию единственного ее измерения, получают точку, и т.п. А как перейти к предельному свойству? Расположим, к примеру, известные нам тела в ряд в соответствии с увеличением их твердости. Тогда, в пределе, мы получим абсолютно твердое тело. Примеры легко можно продолжить. Такой идеальный объект, как несжимаемость, сконструирован теоретически, когда свойство сжимаемости принимается равным нулю. Абсолютно черное тело мы получим, если припишем ему полное поглощение поступающей энергии.

Заметим, что абстрагирование от любого из свойств есть обязательно приписывание ему противоположного свойства, причем прежнее отбрасывается, иначе мы не получим идеального объекта.

Большое значение имеет вопрос о правомерности тех или иных идеализаций. Оправдать идеализацию путем непосредственного созерцания реального объекта трудно, не всегда помогают и измерения. Правомерность идеализации доказывается применимостью на практике той теории, которая создана на базе одной или нескольких идеализаций, включая заимствованные и ранее созданные. Любая идеализация верна лишь в определенных пределах. Так, представление об идеальной жидкости (без вязкости и несжимаемости), пригодное в гидростатике, непригодно при анализе движения твердых тел в ней, так как здесь при решении задач существенны вязкость и турбулентность.

Метод аналогий. В науке, особенно в астрономии вместе с космологией, в физике, в бионике и др., многие построения возникли на основе аналогий, которые прокладывают потом дорогу как моделированию, так и различным научным гипотезам. Это один из методов познания, когда из сходства некоторых признаков, аспектов у двух или более объектов делают вывод о сходстве других признаков и свойств этих объектов.

Построим аналогию. Известно, что Солнце – рядовая звезда нашей Галактики, в которой порядка 100 млрд таких звезд. У этих светил много общего: огромные массы (до 100 масс Солнца), высокая температура, определенная светимость, спектр излучения и т. д. У них есть спутники – планеты. По аналогии с нашей Солнечной системой ученые

делают вывод, что кроме нашей, в Галактике есть еще обитаемые миры, что мы не одиноки во Вселенной.

Примеры подобных рассуждений можно продолжить. Но дело не в них. Важно, что метод аналогий прокладывает дорогу к моделированию как более сложному методу, о котором мы еще будем говорить. Заметим вместе с тем, что аналогия не дает абсолютной достоверности для вывода: в ней всегда есть элемент догадки, предположения. И только опыт и практика могут вынести окончательный приговор той или иной аналогии.

Перейдем к *формализации*. Сам этот термин неоднозначен и применяется в разных значениях. Первое – как метод решения специальных проблем в математике и логике. Например, доказательство непротиворечивости математических теорий, независимости аксиом и др. Вопросы такого рода решаются путем использования специальной символики, что позволяет оперировать не с утверждениями теории в их содержательном виде, а с набором символов, формул разного рода и др. Второе – в широком смысле – под формализацией понимается метод изучения разнообразных проблем путем отображения их содержания, структуры, отношений и функций при помощи различных искусственных языков: математики, формальной логики и других наук.

В чем состоит роль формализации в науке? Прежде всего формализация обеспечивает полноту обозрения определенных проблем, обобщенность подхода к ним. Далее благодаря символике с чем формализация неизбежно связана, исключаются многозначность (полисемия) и размытость терминов обычного языка. В результате чего рассуждения становятся четкими и строгими, а выводы доказательными. И, наконец, формализация обеспечивает упрощение изучаемых объектов, заменяет их исследование изучением моделей: возникает как бы моделирование на основе символики и формализмов. Это помогает успешнее решать различные познавательные, проектировочные, конструкторские и другие задачи.

Из сказанного видно, что формализация связана с моделированием, она связана также с абстрагированием, идеализацией и другими методами. По отношению к моделированию она носит вспомогательный характер. Абстрагирование и идеализация, наоборот, – предпосылки для формализации.

Моделирование. Во второй части главы уже рассматривались модели разного рода, в том числе натурные. Между тем моделирование как

мощный и эффективный метод применяется и на теоретическом уровне. Здесь он, будучи комплексным, опирается на предыдущие методы.

Различают *аналоговое моделирование*, когда оригинал и модель описываются одинаковыми математическими уравнениями, формулами, схемами и т. п. Таким путем может быть представлена как гипотеза, так и закон, которые выступают предварительно качественно в виде простых отношений. В науке и технике часто поступают именно так. Сложнее – *знаковое моделирование*. Здесь в роли моделей – заместителей реальных объектов – служат числа, схемы, символы и др. Собственно, и технический проект в значительной своей части выражается именно таким способом. Но этот вид моделирования получает дальнейшее свое развитие благодаря математике и логике в виде логикоматематического моделирования. Здесь операции, действия с вещами, процессами, явлениями, свойствами и отношениями заменены знаковыми конструкциями, структурой их отношений, выражением на этой основе динамики объектов, их функций и др. Еще одним шагом вперед стало развитие модельного представления информации на компьютерах (компьютерное моделирование). Построенные при этом модели опираются на дискретное представление информации об объектах. Открывается возможность моделировать в режиме реального времени, строить виртуальную реальность.

Для успеха моделирования необходимо наличие и таких форм знания как язык (термины) науки, гипотеза, закон, теория.

Но прежде рассмотрим *аксиоматический метод*. Это – метод организации наличного знания в дедуктивную систему. Он широко применяется в математике и математизированных дисциплинах. При использовании этого метода ряд простых идей, ранее доказанных или очевидных, вводится в основы теории в виде исходных положений (в рамках данной теории они не доказываются). В математике их называют аксиомами, в теоретической физике и химии – «началами» или принципами. Все остальное знание – все теоремы, все законы и следствия – выводятся из них по определенным логическим правилам (по дедукции).

Утверждение аксиоматического метода в науке связывают с появлением знаменитых «Начал» Евклида. Но элементы аксиоматики встречались и раньше. С развитием науки этот метод проникает в разные науки из математики и логики, где он главенствует. Примерами таких наук и теорий будут также аналитическая механика (у Лагранжа,

Гамильтона, Герца и др.), теория электромагнитного поля Максвелла, теория относительности и др.

Основные требования к данному методу таковы: непротиворечивость аксиом, т. е. в системе аксиом или начал не должны одновременно присутствовать некоторое утверждение и его отрицание; полнота, т. е. аксиом без следствий не должно быть и их количество должно дать нам все следствия или их отрицания; независимость, когда любая аксиома не должна быть выводима из других. К данной системе добавить больше нечего.

Достоинства аксиоматического метода состоят в следующем. Аксиоматизация требует точного определения используемых понятий и строгости рассуждений. Она упорядочивает знание, исключает из него ненужные элементы, устраняет двусмысленность и противоречия, позволяет по-новому взглянуть на прежде достигнутое знание в рамках определенной теоретической системы. Правда, применение этого метода ограничено. В нематематизированных науках такой метод играет лишь вспомогательную роль. Но и в рамках математики он тоже имеет определенные границы. В выяснении этого вопроса выдающуюся роль сыграла доказанная К. Геделем теорема о принципиальной неполноте развитых формальных систем знания. Суть ее в том, что в рамках данной системы можно сформулировать такие утверждения, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть без выхода данной аксиоматизированной системы (в метатеорию). Для всей математики такую роль играет арифметика. Результат Геделя привел к краху иллюзии математиков о всеобщей аксиоматизации математики.

Системный метод и системный подход появились в арсенале человеческого знания и деятельности в XX веке благодаря в первую очередь Л. фон Бергаланфи, австрийскому биологу-теоретику (с 1949 г. жил и работал в США и Канаде), и оформились в «Общую теорию систем» (ОТС). Развитие этой теории бурно протекало начиная с 50-х гг. XX века. Однако в зрелом виде, еще в самом начале нашего века, эти идеи (как и идеи кибернетики) изложил в своей всеобщей организационной науке «*тектологии*» русский ученый А. А. Богданов (Малиновский). Сейчас происходит буквально второе открытие работ Богданова. Ранее идеи системности развивались не как универсальные, а как частные идеи, относящиеся к организации знания, к математическим объектам (в теориях множеств, групп), объектам механики. Большую роль в XX веке сыграли работы французских структуралистов: биологов,

этнографов и лингвистов. Все же главный стержень системных идей создали работы биологов и философская концепция *органицизма*, ведущая традицию из глубокой древности.

Онтология систем. Заметим, что в рамках позитивизма существование онтологии систем оспаривалось. Между тем объективно мир состоит из систем, сот, сетей, хаоса и пленумов (непрерывных сущностей), взаимно проникающих друг в друга и взаимодействующих. Но что такое система? Кучу песка, камней или толпу на улице вряд ли кто-нибудь назовет системой. Это скорее агрегаты. Их свойства можно определить как сумму свойств частей (в науке говорят, что они аддитивны). Рабочее определение системы таково: система – это множество элементов, находящихся в отношениях или связях друг с другом и образующих целостность или органическое единство (Дж. Клир). Богданов в своей тектологии показал, что существуют два способа образования систем. Во-первых, система возникает из соединения как минимум двух объектов посредством третьей сущности – *связи*. Во-вторых, образование систем происходит за счет распада ранее существовавших. Особенно наглядно оба эти способа видны в химии, в двух видах химических реакций: соединения и разложения.

Истинная система интегральна, а не аддитивна. При этом понятия «элемент», «отношение», «система» и др. используются в самом широком смысле. Так, отношение – это и некое ограничение, и сцепление, и связь, и соединение, и взаимосвязь, и зависимость, и корреляция, и др. Элементы, т. е. некие первоначально как бы независимые сущности, образуют основу любой системы, ее субстрат. Систем без элементов и отношений не бывает, как не существует элементов, если они вне системы: элемент тогда элемент, если он часть целого – системы.

Важными понятиями системного анализа являются понятия *структуры* и *организации*. Структурой называют чаще всего строение отношений и связей в системе, ее архитектуру, форму, устойчивую композицию, а организацией – совокупность структуры и программы поведения системы, меняющейся или постоянной. Многие авторы нередко отождествляют понятия структуры и организации. Заметим, что внутренняя форма системы – это ее каркас и опора.

Существует многообразие видов систем: 1) по форме – это централистские и ацентрические (звездные); 2) по природе – материальные и идеальные, включая информационные; биокосные и живые; природные и искусственные (вроде технических и др.); 3) по видам движе-

ния – вещественные и полевые, в том числе физические, химические, биологические и социальные; 4) по взаимосвязи с окружением – изолированные и открытые; 5) по активности – активные и пассивные; 6) по функциям – моно- и многофункциональные; 7) по структуре и количеству – неорганизованные (хаотичные, вроде газов) и организованные, а также малые и большие, простые и сложные; 8) по направленности – нецелевые (подчиненные естественным законам или инвариантам, вроде минералов, жидкостей, планет; алгоритмические и имеющие естественно возникшие программы, вроде машин, биологических организмов и т. п.) и целевые (как человек и общество); 9) по обусловленности – вероятностные (связанные со случайностью) и жестко детерминированные; и др.

Система и ее актуальная среда противостоят друг другу и взаимодействуют, абсолютно изолированных систем не бывает. В силу этого любая система внешне ограничена, в том числе по ресурсам. Кроме того, она всегда локализована в пространстве и времени, имеет четкие или нечеткие границы жизнедеятельности. Бесконечно больших и вечных систем не бывает: все истинные системы имеют верхние пределы по количеству компонентов, числу уровней, сложности, по разнообразию свойств, т. е. они всегда внутренне ограничены.

Рассмотрим *простые и сложные* системы. Простейшая система состоит как минимум из двух элементов, компонентов вообще, объединенных в целое каким-либо отношением, связью, как, например, протон и электрон в атоме водорода. Но свойства возникшего целого резко отличаются от свойств элементов. Система – это новое, иное качество, не равное сумме свойств ее элементов (эмерджентность). Формально *сети* (вроде ячеистой структуры Галактики, колонии организмов, сети связи и коммуникаций, расселение людей, размещение производства на территориях, схемы управления и др.), соты (вроде кристаллов, совокупности клеток в тканях организмов, определенные конструкции в технике и в технологических схемах, ритмы и регулярные процессы и др.), агломерации (вроде кучи песка, груды камней, толпы и др.), а также хаос и пленумы (непрерывные сущности вроде вакуума, жидкостей, газов и др.) можно рассматривать как «вырожденные» случаи истинных систем, обусловленные характером компонентов и, главное, их отношений.

О сложных системах. Важнейшей проблемой науки конца XX века, переходящей в XXI век, является проблема описания и объяснения ме-

ханизмов существования, изменения, сохранения свойств, упадка и гибели (катастроф) сложных систем, особенно обладающих собственным поведением (так называемых «бихевиоральных систем»). К их числу относятся все живые организмы, их сообщества и биосфера в целом, человек и его различные группы и объединения (народы, государства и др.), а также гибридные (смешанные) системы вроде биогосистем, человеко-машинных, экономических, экологических и др. систем. Все они – открытые системы, обладающие собственным поведением, основанным на вещественном, энергетическом и информационном обмене со средой. Это – иерархические по структуре образования. Им присущи прямые и обратные связи, управление, функциональность, самоорганизация, отражение, память, адаптивность, избирательность, направленность, алгоритмичность, агрессия в среде и обмен со средой, другие свойства.

Познание систем, начиная с их простоты и сложности, других характеристик, согласно У. Р. Эшби, связано прямо со способностями человека воспринимать, хранить в памяти и перерабатывать поступившие сигналы, которые оцениваются в нервной системе человека и оформляются в осмысленную информацию. Оно связано с возможностями его инструментальных средств, а также с целями и задачами познания, конструирования, планирования и действий. В этой связи находится оценка человеком таких характеристик систем как их величина и масштабы, количество компонентов, простота и сложность, степень интенсивности качеств, свойств и процессов, трудность или легкость действий, быстрота и медленность и др. Субъективность восприятия получаемой при этом информации несомненна, как несомненна относительность, а также неоднозначность понимания подобных характеристик. Но несомненна при этом и эвристическая сила сопоставления, аналогий, анализа, вероятностных методов и статистики, гипотез, других методов.

Заметим, что большое значение для познания неизвестного может играть развитый впервые в бихевиоризме и примененный затем в кибернетике метод «черного ящика». Суть его в следующем. Если мы, изучая какую-либо сложную или даже сверхсложную систему, узнали параметры входных воздействий («возмущений») или сигналов разного рода, а также информации, то нам совсем не обязательно знать, что происходит внутри системы. Нам достаточно знать характер выходных сигналов, а также информации. Сопоставив то и другое, сравнив это

все с известными аналогичными случаями поведения других систем, мы сравнительно легко делаем умозаключение по аналогии о том, что можно ожидать от этой системы в дальнейшем. Конечно, при этом должны быть тщательно изучены условия, в которых находится изучаемая система, они тоже должны быть сопоставлены с известными, другими случаями, особенно в связи с изменением условий и характеристик входа и выхода.

В качестве таких «черных ящиков» могут выступать сложные системы любого рода и их модели – вещественно-полевые, энергетические, информационные, такие как физические процессы сложного характера и большой интенсивности (экстремальные), химические реакции, организмы, популяции, экосистемы, технические системы, соответствующие модели, а также человеческо-деятельностные системы, вроде экономических, финансовых, производственных, социальных, а также сам человек и разные группы, сообщества, государства и их ассоциации, человечество в целом. Овладение методологией «черного ящика» исключительно актуально в связи с современным состоянием взаимоотношений сообществ людей друг с другом, а главное, с природой. Конечно, при этом необходимо накопить разными способами огромную информацию, обработать ее эффективно, например, на основе статистики и вероятностного подхода, а также компьютерной технологии и построения кибернетико-информационных моделей.

Системный метод и системный подход вытекают из предыдущего и из природы систем, системности как свойства. Их суть в следующем.

1. Фундаментальная роль системного метода состоит в том, что на его основе достигается продвижение науки и всего человеческого познания к единству, целостному мировидению.

2. Специфическим для общей теории систем (ОТС), для системного метода и подхода считается вопрос о порождении свойства целостности из свойств элементов, а также компонентов и уровней строения в сложных системах. И, наоборот, существует проблема порождения свойств составляющих целое частей из характеристик этой целостности.

3. Источник преобразований системы или ее функций обычно лежит в ней самой. Это связано с ее внутренними противоречиями и направленным поведением (например, зависящим от естественных законов и ими же направляемым, алгоритмическим, целевым и др.). При

этом особенность бихевиоральных систем – их самоорганизация, самоуправление и т.д.

4. В системном исследовании и ОТС важен принцип универсальности системных законов, не исключаяющий вместе с тем специфики систем разного рода. Это означает возможность строить не простые аналогии, а аналогии органицистского характера (вроде государство – организм с управляющими и управляемыми структурами, человечество – популяция организмов в виде народов и государств и т.п.).

5. Согласно ОТС и системному подходу один и тот же «материал» или субстрат обладает фактически в одно и то же время разными свойствами, параметрами, функциями и принципами строения и развития. Это проявляется в иерархичности сложных систем и специфике управления в таких системах.

6. Системный подход невозможен без анализа условий существования систем и факторов актуальной для них среды.

7. ОТС и системный метод чисто причинное объяснение рассматривают как недостаточное. Для больших классов систем, таких как бихевиоральные, характерны целесообразность, целеположенность и другие особенности, отличающие их радикально от физических и химических систем.

8. При создании систем важен принцип: система есть то, что получается в результате оптимизации конструкции создаваемой системы путем всестороннего анализа взаимосвязанных факторов, влияющих на ее существенные характеристики (теорема Б. Байцера).

9. С позиций системности можно правильно подойти к решению такого важного для науки вопроса, как редукция объяснения одних уровней строения материи и механизмов ее изменения на основе предшествующего уровня. Редукция всегда допустима, когда ищут источник, причину тех или иных явлений: социальных на основе биологического субстрата, биологических – на основе химических реакций, химических – на основе физических законов и взаимодействий. Но при этом нельзя забывать эмерджентность каждого из уровней строения, специфику их собственных законов и т.п.

10. Системный анализ возник на основе математизированной ветви ОТС – системологии и системных методов. Из этого факта вытекают главные установки системного анализа: решая проблемы управления в системах, надо стремиться максимально полно учесть все входные и выходные характеристики объекта; использовать междисциплинарный

подход; строить исследования, разработки, проекты и действия в ключе проблемной и «задачной» ориентации, а не просто функционального подхода (начальник приказал – я выполнил!). Системный анализ конкретизируется в виде своего прикладного звена – системотехники. В этой связи, не игнорируя общесистемного подхода, для каждой проблемы, задачи или их класса строят свою особую методологию.

В целом имеются системные формализмы, которые развивали многие ученые. Они обладают огромной эвристической силой. Системный подход раскрывает нам как бы пространства возможных состояний систем и возможных действий. Это – общенаучный метод и подход, такой, какой развивает синергетика (как общая теория самоорганизации) или кибернетика (как общая теория управления и связи в живых организмах, технических системах, обществе и их объединениях, которая опирается на информационные технологии).

В 60-х гг. XX века системолог Р. Акофф и социолог Ф. Эмери предсказывали наступление Системного века. Он фактически уже наступил, но только не в виде победы какой-то отдельной теории, а как победы целого направления, подхода и методов, характерных именно для ОТС, ее версий, моделей разного уровня, разного характера и назначения.

Формы научного познания. Далее мы остановимся на основных формах, в которых представлено и организовано научное и техническое знание. Среди них – факт, гипотеза, закон, принцип, теория.

Факты образуют живую ткань любого знания. В науке и технике – они воздух, которым дышит ученый, исследователь. Но факты еще надо добыть, описав их на языке теории, передать их смысл и оформить в виде истинных суждений. Субъект познания обращен к объектам и получает в виде познания итога знание в форме фактических суждений. Вместе субъект–объект–знание образуют треугольник, так называемый «золотой треугольник познания».

Между тем широко бытует мнение, что факт и объект – это одно и то же. Так считают и некоторые философы: Л. Витгенштейн, например, полагал, что «мир есть совокупность фактов, а не вещей». Мы здесь будем строго различать объект и знание о нем у субъекта, в связи с чем будем понимать под фактом некоторое достоверное знание об объекте в форме суждения. При этом исследователь отображает данное суждение в терминах языка определенной теории, так что одно и то же суждение может выглядеть (описываться) в разных языках по-разному.

Например, в обыденном языке (и мышлении) нормой стало выражение «У меня температура» (человек болен). На языке сторонника теории теплорода (была такая) надо бы сказать об увеличении количества теплорода в организме. Сторонники теории, где употребляются понятия энергии, температуры (степени нагретости тела) говорят о повышении температуры как результата увеличения кинетической энергии молекул в организме. И тому подобное.

В научном мышлении факт выражен в виде единичного суждения, даже если речь идет о совокупности многих объектов. Но описание факта в науке всегда, как говорят методологи, «теоретически нагружено», т. е. связано с определенной концепцией и теоретическими терминами. Подчеркнем еще раз: в самой действительности никаких фактов нет, они – в головах людей.

В этой связи находится то, что мы часто предполагаем какие-то свойства, отношения и т.п. в виде суждений, – гипотетические факты. Вообще надо различать «наблюдаемые» и «ненаблюдаемые» факты и понимать относительность и историчность их различия. Заметим, что термины «наблюдаемые» и «ненаблюдаемые факты» неудачны и неточны. Лучше было бы сказать: «факты наблюдаемого» и «ненаблюдаемого». Пример последних утверждений, что Земля – шар, хотя мы ее как шар непосредственно не видим. Для космонавта же это наблюдаемый факт. Наука широко оперирует и теми и другими, исходя из мысли о наличии в мире общего и всеобщего, а не только уникального и неповторимого. Отсюда и возможность конструировать факты, обобщая единичное до общего и всеобщего.

Факты можно подразделить в целом при сравнении их друг с другом на однородные (скажем, все случаи притяжения тел к Земле, рождения живых существ и их смерти, необходимой связи людей друг с другом в обществе и т. п.); неоднородные (как, например, трение тел, магнетизм, питание живых существ, парламентские выборы и т. д. в сравнении друг с другом); массовидные (для групп и совокупностей любого рода вроде взаимодействий частиц материи, молекул газа, демографических процессов и т. д.); фундаментальные (как переход тепла от более нагретого тела к менее нагретому, другие факты из физики, химии, биологии, кибернетики и информатики и др.) и нефундаментальные (например, характер ветвления кроны конкретного дерева, размещение в данном городе сетей коммуникаций, торговых точек, ваше падение на улице, поломка конкретной машины и т. п.).

Заметим, что эти классы фактов пересекаются друг с другом и их принадлежность к этим классам может быть относительной, зависеть от системы отсчета и задач описания и т.п. Однородные факты могут быть обобщены, когда познание схватит более глубокую сущность с помощью тех или иных методов познания. Так, фундаментальный закон природы – закон сохранения энергии – на деле создан за счет обобщения законов сохранения механической, тепловой и электрической энергии. И таких примеров немало.

Известный физик М. Борн писал: «Все наше познание природы начинается с накопления фактов, многочисленные факты обобщаются в простые законы, а последние в свою очередь обобщаются в более общих законах».

Гипотеза как форма научного познания и (одновременно) как метод ведет на основе фактов разного рода через формулирование законов и принципов к научной теории. В современной науке гипотезы – это своеобразные локомотивы науки. Вместе с тем в истории науки гипотез, не ставших законами, принципами и теориями, – бесчисленное множество. Поэтому говорят, что наука – это кладбище гипотез. Эти гипотезы, которые вызывались в воображении исследователей теми или иными реальными проблемами (и химерическими тоже – такими, как создание «вечного» двигателя), сами подталкивали к сбору новых фактов.

В своем развитии гипотеза как предположение проходит ряд стадий: 1) накопления фактов; 2) выдвижения простейшего предположения, часто на базе аналогии; 3) накопления новых фактов; 4) формулирования зрелой гипотезы и получения следствий из нее, вплоть до развертывания целой теории; 5) подтверждения гипотезы или ее опровержения. В последнем случае гипотеза превращается в закон, принцип (в рамках аксиоматизированной теории) или даже становится теорией. Все зависит здесь от ранга, уровня общности гипотезы.

Формально, гипотеза – это суждение или их целая связанная группа, т. е. система суждений. Но настоящая научная гипотеза никогда не строится на пустом месте. Она связана со всем знанием о предмете, междисциплинарным знанием, вроде логики и математики и из них вытекает.

Иногда гипотезу противопоставляют опыту. Так, Ньютон говорил: «Гипотез я не измышляю». Но ведь и сам Ньютон находился среди гипотез, как среди пчел в пчелином рое. Разве не было у него гипотезы о

«мировом эфире», о бесконечно большой скорости передачи взаимодействий, о всеобщности Евклидова пространства, об абсолютном пространстве и времени, других гипотез? Другое дело, что это все он не осознавал как гипотезы и считал очевидным. Мы все слишком многое считаем очевидным и в итоге заблуждаемся!

В истории науки известно и преувеличение роли гипотезы. Сторонником такой идеи был, например, известный французский математик и физик-теоретик А. Пуанкаре (см. его книгу «Наука и гипотеза»).

Группировку гипотез по их видам мы делать не будем, так как она в основном совпадает с группировкой законов.

Закон – это как бы ставшее знание, чаще всего – результат индукции, аналогии, синтеза и подтверждения гипотез на опыте. Понятия закона и гипотезы однопорядковые. Закон науки схватывает повторяющееся, прочное, необходимое, существенное, устойчивое в законе любой природы. Форма его – суждение. В математике его эквивалент – теорема. Впервые понятие «закон природы» мы найдем в XVII веке у Декарта, Гоббса и Спинозы, позднее появилась мысль, что все существующее в природе может создаваться только по ее законам. При этом закон не лежит на поверхности, а как бы высвечивается через явления, свойства, отношения. Он еще должен быть понят, осмыслен и описан на языке науки. Смысл знания закона – предвидение возможных состояний объекта и тенденций его изменения и развития.

В основе появления закона лежит напряжение между сложившимися сторонами целого, его полюсами, противоречие. На основе этого вначале развивается тенденция. Различают также законы-тенденции (или «закономерности», характерные для сложных систем (биологические, социальные, смешанные системы). Таковы законы эволюции жизни, общественного прогресса, экономики, экологии, развития самой науки и др. Вообще, по разным критериям и основаниям можно построить целый ряд независимых и пересекающихся группировок и классификаций известных науке законов. Различают всеобщие, частные и конкретные законы. Для всего физического мира всеобщими законами будут законы симметрии или сохранения; частными будут законы отдельных миров физического и духовного (механики, теплоты, языка, мышления и др.); о конкретных законах отдельных объектов мы узнаем нередко сами из практики. По их характеру выделяют качественные и количественные законы. Первые чаще всего можно встретить в сфере очень сложных систем; законы физики, химии, техники, тех-

нологии, экономики, управления и др. – в основном количественные и количественно-качественные.

Необходимо выделить законы по их назначению: законы для описания и законы для объяснения. Описателен, например, закон всемирного тяготения, так как он не объясняет причину тяготения; напротив, объясняющий закон говорит о том, почему протекает данное явление, почему так-то устроен данный объект. Форма последнего – «Если..., то...». При этом важно оговорить условия («наложенные связи», как говорят в механике), а также разного рода ограничения. В методологии поэтому различают законы «дозволения» (их большинство) и законы «запрета», невозможности (такие, как недостижимости абсолютного нуля температуры, передачи тепла от холодного тела к нагретому, принцип Паули в теории атома и др.).

Законы можно различать и по уровню абстрактности – как феноменологические, так и абстрактные. Первые – описательны, чаще всего качественные, а не количественные, они – эмпирические по происхождению и слабо математизированы. Их множество в разных областях, особенно в наблюдениях за погодой, в геологии, биологических и социальных науках, в сферах производства и экономики. Часто они лишь первичная форма обобщения. Вторые (абстрактные), опираясь на мощный аппарат абстракций, количественный математический аппарат и модели, включая информационные и кибернетические, выражаются в виде функций и уравнений разного рода. Кстати, именно математические модели чаще всего в современной науке и ведут к обобщениям в виде научных законов. Здесь как нигде проявляется огромная эвристическая сила математики и моделирования.

Вообще, наука лишь тогда достигает совершенства, когда она выходит на дорогу обобщений на уровне такого рода законов.

Принципы. Вспомним теперь, что было сказано вначале: закон – это нечто подобное математической теореме. Если же закон помещен не в конец, а в начало цепочки познания (вместе с другими), то формально его роль такая же, как аксиомы в математике. То же самое можно проделать и с гипотезами. Из них можно развернуть цепочку следствий. В итоге перед нами будет уже в аксиоматической теории то, что в естествознании и в технических теориях называют «принципом» или «началом». Иначе говоря, принцип – утверждение, однопорядковое с законом, но помещенное в начало цепочки умозаключений и выводов, а закон – следствие, но не одного принципа, а их группы, вхо-

дящих в основания, в аксиоматику теории. Совокупность фундаментальных понятий, определений и принципов образует аксиоматику теории. Но в ряду начальных утверждений теории могут быть и фундаментальные факты, такие, как постоянство скорости света в теории относительности, или дискретности взаимодействий и «действия» (квантования) в квантовой теории и т.п. Это факты – принципы. Научные принципы имеют три уровня общности: 1) всеобщие (философские); 2) общенаучные; 3) частнонаучные. Первые в каждой науке выступают в форме, отражающей язык той или иной теории, а потому их часто не узнают сами философы.

Принципы совместно с *научной картиной мира*, специальной исследовательской программой и *парадигмой* (т. е. особым углом зрения на проблемы некоторой предметной области), фундаментальными понятиями, гипотезами и законами подводят нас к возможности развернуть научную теорию.

Научная теория. Под научной теорией как раз и понимают систему утверждений об объектах, связанных отношениями выводимости и зависимости. Научная теория – это не только форма знания и познания. В широком смысле это так, но это и главная единица теоретического знания, с которой сталкивается всякий, кто учится, исследует, конструирует, проектирует и действует. Говорят, что нет ничего практичнее, чем хорошая научная теория.

Подчеркнем, что теория имеет сложную структуру. В ее состав входит «ядро» или основания теории, т. е. система принципов и основных понятий теории. В формальных теориях в ее состав включают правила операций над величинами и язык (термины и символы теории). Последний тип теорий – это высший, предельный тип. Он характерен для математики и математической логики – в основном дедуктивных по способу вывода теорем (в содержательных теориях вроде физики – законов) и следствий, а также приложений в практику. Вместе с тем никому еще не удалось выстроить теорию на одном единственном принципе: как правило, их всегда несколько.

Выше уже говорилось о том, в каких отношениях должны находиться аксиомы или принципы теории. В целом в основаниях не бывает противоречащих друг другу принципов и лишних принципов, хотя могут быть и не все необходимые принципы. Это определяется вмешательством заданного многомерного пространства и его топологии. Что такое возможно, было доказано Б. ван Фраассеном. Заметим, что в ос-

нованиях теорий аксиоматического типа содержится также и всевозможное количество следствий (т. е. принципы – это «свертка» всех возможных утверждений теории, их консервы). Подобный концентрат информационно хорошо обозрим, он эвристичен, лишь бы мы сами владели техникой вывода и логикой. Заманчиво было бы уложить хотя бы крупные блоки информации о мире и о нас в подобные «свертки»!

Вообще в *фактуальных теориях*, а это все науки, кроме логики и математики, сами прототипы теории суть реальные объекты (как в лингвистике и др.). Материальные прототипы между тем противоречивы, а информация о них чаще всего бывает неполной. Отсюда громадные трудности аксиоматизации содержательного знания и познания.

Заметим, что гипотезы, законы и принципы – на языке методологии и логики – суть номологические утверждения (от греч. «номос» – закон). В познании приходится учитывать роль и философских принципов, когда мы, например, задаем тип причинности (жесткий или вероятностный), тип пространства и времени, роль принципов системности (например, что сумма свойств целого не равна сумме частей) и др. Все это приходится учитывать, когда конструируются аксиоматика теории и ее основные утверждения.

В зависимости от соотношения теоретического и эмпирического, возможностей математизации и обобщения все научные теории разных областей знания развиты сегодня неодинаково. Механика и вся физика, целый ряд их приложений, особенно инженерных, технических дисциплин, некоторые области теории управления и информации и другие – ближе всех к идеальному типу, т. е. к аксиоматизированной и формализованной целиком теории. Но различия феноменов в разных областях ведут к различию и самих теорий. Среди них можно выделить математические, естественно-научные, технические, экономические, кибернетико-информационные (вместе с языкознанием), социальные, философские и др.

Теории можно подразделить, противопоставив описательный и объясняющий подходы и получить цепочку: 1) феноменологические; 2) полуфеноменологические; 3) объясняющие. В первых вообще не пытаются свести описание явлений (феноменов) к внутренним законам (фенология, описательная астрономия и др.). Вторые характерны для технического и технологического знания (теория машин и механизмов, электротехника, химические технологии и др.). Для них важнее всего прагматическая и прикладная стороны. Третий тип – это фундамен-

тальные теории природы, общества и мышления, начиная с космологии и физики, кончая теориями общества и логикой.

Теории можно различать по их целям, методам и функциям: описательные, объясняющие, классифицирующие, жестко детерминированные и вероятностные (статистические).

Для нас важна классификация по уровню развитости, которая обусловлена неизбежным различием в фактуальной базе теорий, языке, методах получения знания и способах проверки его на достоверность. Тогда мы получим три типа теорий: 1) эмпирические; 2) математизированные; 3) дедуктивные. Последний тип подразделяется по степени близости к идеальному: а) на гипотетико-дедуктивные и б) аксиоматические теории. Можно заподозрить, что вся эта классификация отображает исторический ход развития теорий, который математика в общем-то в основном прошла. Историкам математики это известно. Содержательные теории физики, теории управления и информатика близки к тому. Вместе с тем история науки не закончена, и предельным состоянием ее был бы идеал единой и формализованной науки. Увы! Даже математика еще не достигла такого уровня, а в фактуальных не прекращается напор новых фактов.

Теперь коротко о состоянии каждого из этих типов теорий и о примерах соответствующих теорий.

Эмпирические теории. У них очень велик фактуальный базис, в котором не все обобщено. Соответствующие законы здесь выводятся индуктивно или по аналогии. Велика роль анализа, но невелик по масштабам синтез. Значительное место занимают естественный язык и различные описания, классификации. Правила логики и обработки информации специально не оговариваются, а используются обычная формальная логика и математика. Результаты теории не проверяются на корректность специально. Примеры: теория эволюции Дарвина, физиология высшей нервной деятельности, языкознание, фенология, описательная астрономия и др.

Математизированные теории. Они носят полукачественный, полуколичественный характер, используют широко язык математики и родительский язык предшествующих теорий (как этапов их собственного развития). Логика и операции над объектами тоже не задаются, а проникают в них из применяемой математики и информатики. Примеры: теории элементарных частиц, кроме теорий Великого объедине-

ния, теории ядра; молекулярная генетика и цитология; математическая лингвистика; экономико-математические теории и др.

Дедуктивные теории. О них выше уже немало сказано. Исторически первый этап таких теорий – знаменитые «Начала» Евклида. В этих теориях логика и язык, а также операции строго оговариваются и они формализованы. Важнейшая проблема для них – это проблема их интерпретации (в физике ее называют проблемой «физического смысла» и приложений). Исходные принципы и аксиомы считаются доказанными или достоверными. Заметим, что в математике аксиоматика вообще не требует такого обоснования. Весьма острой проблемой в содержательных теориях дедуктивного типа является проверка соответствия следствий из оснований самой действительности. Все эти теории подразделяются на три вида:

а) в гипотетико-дедуктивных теориях исходные принципы частично эмпирически обоснованы, частично заимствованы из других теорий, частично являются гипотезами. Принимаются определенная логика, язык и система операций над объектами. Фиксируется объект как продукт идеализаций и обобщения. Примеры: термодинамика, астрофизика и др.;

б) в конструктивных теориях внутри аксиоматики могут быть принципы, принимаемые без доказательства и обоснования. Объекты теории и утверждения вводятся обязательно путем предварительного их конструирования в виде идеализированных объектов, моделей; вводятся специальные язык и операции и т.д. Примеры: электродинамика Максвелла, теория информации и др.;

в) аксиоматические теории выше уже обрисованы. Примеры: геометрические теории, теории множеств и групп, логические теории и др.

В науке существует резкая критика ряда современных теоретиков и методологов против идеала науки аксиоматического типа. Полагают, что аксиоматика – это «смирительная рубашка» и тормоз для развития теорий и что цель науки – безудержное размножение теорий с целью их последующего отбора путем опровержения (П. Фейерабенд).

Известный математик XX века Д. Гильберт, напротив, считал, что внутри жесткого каркаса дедуктивных теорий происходит наращивание понятий и утверждений, их переосмысление и т. п., а значит, их развитие. Как пример он приводит углубление понятий числа и вообще теории множеств в математике. Мы укажем здесь также на развитие дискретной математики в связи с компьютеризацией и т. п. Между тем

в методологии науки показано, что на одном и том же фактуальном поле могут быть построены разные теории, которые потом могут долго конкурировать друг с другом, становиться дополнительными и т. д. Как пример – геометрические теории (Евклида, Лобачевского, Римана и др.), механика Ньютона, механика Гамильтона и механика Герца.

Все, хотя и кратко описанные здесь методы, не исчерпывают традиционную логико-методологическую проблематику. В методологии науки существует немало новых проблем. К их числу относят развитие общей эволюционной теории в связи с развитием синергетики; проблемы описания сложности и комплексный подход, описание нечетких систем и многопараметрических систем; анализ таких форм знания, как проект, роль компьютеров для теории и смысл виртуальных миров, другие проблемы. По этим вопросам существует обширная литература, но следует отметить, что не все вопросы решены.

К Контрольные вопросы

1. Что является предметом методологии?
2. Что такое наблюдение? эксперимент? сравнение? измерение?
3. В чем суть анализа и синтеза? индукции и дедукции?
4. Каковы особенности моделирования как метода?
5. Что такое факт? гипотеза? теория?

К Задания для самостоятельной работы

1. Покажите условия перехода от эмпирических методов исследования к теоретическим.
2. Сравните приборные и мысленные средства эксперимента.
3. Дайте классификацию познавательных моделей.
4. Оцените значение применения математического аппарата в любой области исследования.
5. Покажите возможности имитации действительности средствами виртуальной реальности.

К Литература

1. Михайлова И. Б. Методы и формы научного познания. – М., 1968.
2. Рузавин Г. И. Методы научного исследования. – М., 1974.
3. Сичивича О. М. Методы и формы научного познания. – М., 1972.

Глава 7

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

М*етодология исследования социальных явлений.* Социальная философия – составная часть философии и одновременно наиболее общая социологическая теория. Это наука об общих законах функционирования и развития человеческого общества. Как философская концепция исторического и онтологического процесса, социальная философия представляет собой распространение философских принципов и подходов на общество.

Основной философский принцип о первичности материи и вторичности сознания конкретизируется в социальной философии как признание первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания. При этом общественное бытие выступает как совокупность материальных общественных явлений и процессов, существующих независимо от воли и сознания индивидов или общества в целом, а общественное сознание следует рассматривать как своеобразное отражение общественного бытия. В основе такой позиции лежит простой и естественный факт: общественное сознание органично связано с индивидуальным сознанием, ибо мыслят люди и в результате их мышления формируется не только индивидуальное, но и общественное сознание. А мыслят люди при помощи мозга, который материален, как и сам человек.

Эмпирически наблюдаемые и с научной точностью констатируемые общественные отношения позволили применить в исследовании общественных процессов критерий повторяемости, благодаря которому оказалось возможным выделить общее в социальном развитии разных народов и стран в различные периоды их функционирования. На этой основе стало возможным создание формационных и цивилизационных моделей описания развития общества. Согласно формационно-

му подходу история общества делится на общественные формации, различающиеся главным образом по способу производства материальных благ. Сторонники цивилизационного метода утверждают, что идеал, цель, социальная модель играют огромную инструментальную роль в познании общества. В этом плане ключевыми становятся такие понятия, как индивидуальность, свобода личности, богатство общества, духовность, демократия. Система этих ценностей служит основанием формирующегося идеала как образа цели, инструмента построения модели будущего.

Формационный метод был долгое время в нашей стране господствующим. Его сторонники обвиняют сторонников цивилизационного метода в идеализме, в недооценке материальных факторов в обществе. В свою очередь цивилизационники обвиняют формационников в догматизме. Они утверждают, что формационный метод ошибочен, ибо не все народы в своем развитии прошли указанные в трудах основоположников марксизма пять общественно-исторических формаций: первобытную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую. Народы Северной Европы, России не прошли рабовладельческой формации, никто еще не построил коммунистическую формацию.

На наш взгляд, этот спор бесплодный. Каждый из методов имеет свои плюсы и минусы. На современном этапе, на рубеже второго и третьего тысячелетий, развития цивилизованного общества оба метода должны дополнять друг друга и принципы каждого из них могут быть использованы в соответствии с целесообразностью их применения в решении задач, в тех или иных условиях.

Конференция ООН, состоявшаяся в июне 1992 года в Рио-де-Жанейро, не только доказала неприемлемость существующих механизмов развития общества, но и раскрыла основные принципы и признаки общества нового типа, которое должно установиться в мире в начале третьего тысячелетия. Это общество, основанное на началах всестороннего общечеловеческого прогресса, добра, взаимопонимания, взаимопомощи, общего благополучия, последовательной демократии и высокой морали. Конференция в Рио не предложила механизма становления такой цивилизации. Эту задачу должна решить или, по крайней мере, определить пути ее решения, социальная философия.

Естественно, каждый образованный гражданин, если он хочет общественного блага, должен знать социальную философию и уметь

пользоваться ее методологией. Социальная философия по своему объему очень широка и многопланова. Она включает в себя, в той или иной степени, весь комплекс проблем, стоящих перед человечеством. Объем данной работы не позволяет охватить значительное количество этих проблем, поэтому для изложения были избраны наиболее характерные для современного уровня социальной философии проблемы: а) роль общества в жизни человека; б) социальная структура и ее динамика; в) общественное сознание.

Роль общества в жизни человека. Прежде чем говорить о роли и месте человека в обществе и роли общества в жизни человека, нужно выяснить, что же такое человек?

В философии Древнего мира человек мыслился как часть космоса, некоего единого сверхвременного порядка и строя бытия, как «малый мир», «микрокосм» (Демокрит) – отображение и символ Вселенной. Человек содержит в себе все элементы «стихий космоса». Он состоит из тела и души как двух аспектов единой реальности (аристотелизм), или как две разнородные субстанции – душа и тело (платонизм). В индийской философии, в учении о переселении душ, граница между человеком, животным и даже растениями рассматривается подвижной, размытой.

В христианском представлении человек как образ и подобие бога раздвоен на природное и божественное – тело и душу. В эпоху Возрождения проводится мысль об автономности человека, его безграничных творческих возможностях (Пико делла Мирандола). Декарт видит главным в человеке – мышление («мыслю – значит, существую»). У Канта вопрос о человеке – основной вопрос философии. Человек принадлежит двум различным мирам природной необходимости и нравственной свободе. Он разделяет антропологию и физиологию человека. Марксистская философия в основу трактовки человека кладет его социальную сущность в ее конкретно-историческом проявлении.

В современном научном понимании человек – это высшая ступень развития живых организмов на Земле, субъект общественно-исторической деятельности и творец культуры. Это единство физиологического и духовного. Человек смертен – бессмертны его дела. Из приведенных выше позиций о человеке в том или ином варианте следует, что человек существо мыслящее. Способность к мышлению принципиально отличает человека от всех живых организмов на Земле. И именно эта способность объективно и субъективно позволяет одно-

му из героев пьесы М. Горького «На дне» – Сатину заявить: Человек – это звучит гордо! Вместе с тем человек – это не только существо мыслящее, – это существо общественное.

Люди объединились и создали общество для обеспечения производства материальных благ и духовных ценностей, для обеспечения своей безопасности и социальной справедливости. Пусть это часто нарушается, но создано общество именно с этими целями, стремясь к ним люди многие столетия пытаются усовершенствовать общество. Общество, естественно, не может существовать без людей, но и люди не могут существовать без общества.

Что же это за феномен – общество? М. Вебер: общество – это взаимодействие людей, являющихся продуктом социальных, т. е. ориентированных на других людей действий. Т. Парсонс определял общество как систему отношений между людьми, связующим началом которой являются специфически человеческие нормы и ценности. Маркс: «Общество – исторически сложившаяся совокупность отношений между людьми в процессе их совместной деятельности».

Если суммировать эти позиции, то можно определить общество в самом широком смысле как систему исторически сложившихся форм совместной жизнедеятельности людей. Прежде всего это целостная система. Это единый организм, имеющий свою структуру, множество элементов и свою особую форму движения – социальное движение.

Общество не просто состоит из индивидов, а выражает сумму их связей и отношений, в которых эти индивиды находятся. Общественные отношения – это то специфическое, что отличает социальные образования от всех других систем материального мира. Однако это не означает, что общество это только продукт взаимодействия людей. Оно включает в себя производство, социальную структуру, идеологию, мораль, право и т.д. Общество – многообразная, многоплановая, чрезвычайно подвижная система. Оно постоянно находится в состоянии движения, развития, изменения. Именно поэтому так сложна социальная философия, объектом изучения которой являются человек и общество, их взаимодействие, динамика развития.

Социальная структура и ее динамика. Социальная стратификация – это философско-социологическая категория, обозначающая структуру общества и его компонентов в их развитии, систему признаков социального расслоения. Критерии социальной стратификации – различия между группами людей по их социальному положению, на-

циональности, возрасту и т. д., мобильность этих различий, т. е. постоянные перемещения людей и социальных групп внутри социального пространства. Социальная стратификация – это дифференциация некой совокупности людей на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества.

Конкретные формы социальной стратификации разнообразны и многочисленны. Однако ключевыми среди них, на наш взгляд, являются социальные слои, национальная и возрастная формы, ибо они, в известном смысле, определяют другие формы: поселенческую, политическую, семейную, профессиональную и т. д. В данной главе мы остановимся на социальных слоях, нациях и политической организации общества, ибо эти формы более мобильны, чем поселенческая, возрастная, семейная и т. д.

Понятие «социальный слой» в современной социологической, философской и исторической литературе многозначно. Оно применяется для определения самых различных систем и подсистем: социальные группы, различающиеся по демографическим половым и возрастным критериям, социальные группы, выделяемые по роду занятий (инженеры, врачи, учителя и др.), по квалификации и т. д.

В настоящее время в странах Запада широко используется в рассматриваемом аспекте метод деления общества на три социальных слоя в зависимости от объема доходов каждого из них: высший, средний и низший. Высший слой – это люди, имеющие очень высокие доходы: банкиры, рантье, владеющие большим капиталом; государственные чиновники высокого ранга; крупные ученые, изобретатели, преуспевающие юристы и врачи, профессура, это примерно, 10–15 % населения. Средний слой – основная масса населения – 70 % и более. Это люди, имеющие средние и выше среднего доходы за счет оплаты квалифицированного труда, мелкой и средней собственности: основная масса интеллигенции, квалифицированные рабочие, управленцы и т. д. И, наконец, низший слой – безработные эмигранты, рабочие низкой квалификации и др., составляющие 10–15 % населения.

Средний слой – это самая большая часть населения, определяющая при равных условиях судьбу выборов органов государственной власти и государственного управления. Основной тенденцией цивилизован-

ных стран на современном этапе становится увеличение доли среднего слоя среди населения страны.

Возможно, такой чисто экономический метод является целесообразным в странах с высокой производительностью труда, высоким общим жизненным уровнем населения, высоким благосостоянием его массы, ее уверенностью в завтрашнем дне и относительно устойчивым социальным состоянием. В ряде других стран с более низким жизненным уровнем населения, большей социальной мобильностью и социальной взрывоопасностью такой метод вряд ли приемлем.

Так, в Российской Федерации вообще нет такого социально устойчивого среднего слоя, составляющего основную массу населения. В странах, где основная масса населения – бедные и нищие (более 60 % – 32 млн нищих и еще 44 млн еле сводят концы с концами), где все бродит и бурлит и неизвестно когда образуется, и образуется ли желаемый, благополучный и спокойный средний слой, такой метод сегодня не приемлем. Он не дает четкого представления о социальной структуре общества, а без него нельзя научно обоснованно управлять социальными процессами. Без этого неизбежны грубые просчеты и ошибки, которые чреваты непоправимыми последствиями.

Помимо этого, в недавнем прошлом государством проводился курс на усреднение официально получаемых доходов, что часто вело к разрыву доходов и оплаты по качеству и количеству труда. В современных условиях дифференциация по доходам скачкообразно возросла. При этом вследствие возросшей криминогенной обстановки, злоупотребления и массового укрытия доходов и неуплаты налогов фантастический процесс роста крупнейших состояний часто идет вне связи с качеством, количеством и общественной полезностью труда, что имеет весьма негативные последствия для развития общества.

Традиционный метод классового подхода к анализу социальной структуры общества некоторые наши публицисты в процессе массовой критики марксизма-ленинизма отнесли к Марксу и Ленину. С этим нельзя согласиться. Маркс и Энгельс не считали себя творцами теории классов и даже классовой борьбы. Теория деления общества на классы имеет древнюю историю. Она восходит к Платону (IV в. до н. э.). Определенный вклад в нее внес видный представитель школы французских физиократов Ф. Кенэ (XVIII в.). Он выделял три общественных класса: земледельцев, собственников и бесполезный класс. И,

наконец, основатели английской классической политической экономии Адам Смит и Давид Рикардо существенно дополнили эту теорию.

Адам Смит – один из выдающихся умов XVIII века – фактически создал теорию классов. Анализируя общественно-экономические явления своего времени, он определяет основные категории процесса развития общества: классы, разделение труда, обмен, меновая и трудовая стоимость, доходы основных классов. «К одному и тому же классу, – писал он, – должны быть отнесены как некоторые из самых серьезных и важных, так и некоторые из самых легкомысленных профессий – священники, юристы, врачи, писатели, актеры, танцовщики и пр...». К числу основных классов своего времени Смит относит капиталистов, рабочих и земельных собственников. Учение Смита продолжает и развивает лидер английской буржуазии конца XVIII – начала XIX века Давид Рикардо. Он считал капиталистический строй неизблемым и вечным и утверждал, что личный интерес – единственный двигатель прогресса. Вместе с тем, исходя из теории трудовой стоимости, Д. Рикардо указывал на противоположность классовых интересов капиталистов и рабочих, ибо понижение заработной платы повышает прибыль. Во избежание социальных потрясений Рикардо призывал капиталистов к умеренности в погоне за повышением прибыли.

К. Маркс и Ф. Энгельс приняли в целом учение А. Смита и Д. Рикардо о классах и использовали его в своей теории социалистической революции и диктатуры пролетариата. Они не создавали, вопреки утверждениям некоторых отечественных и зарубежных социологов и философов, своего нового учения о классах. Правда, на позиции Маркса и Энгельса, а позднее на позиции В. И. Ленина по вопросу о сущности классов оказало влияние открытое К. Марксом материалистическое понимание истории. В частности, оно сказалось на ленинском определении классов: *классы – это большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы – это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства.* Это определение, на наш взгляд, имеет ряд преимуществ перед несколько односторонним

подходом к анализу стратификации общества только по размерам доходов. Оно более правильно методологически: учитывает генезис развития общества и позволяет более детально подойти к анализу социальных групп.

Вместе с тем в данном определении излишне фетишизированы производство, собственность, недооценивается культура, что не позволяет четко определить место интеллигенции в социальной системе, численность которой за последние десятилетия значительно увеличилась и возросла ее роль в обществе. Оно слишком категорично разделяет общество на эксплуататоров и эксплуатируемых. Наконец, оно не учитывает возросшего многообразия современной стратификации, формирования новых социальных групп и распада старых традиционных групп, выделение в результате этого новых подсистем, усложнение форм собственности и т. д.

Нам представляется, что такой подход, так же как и подход трехслойного состава общества для современной России и ряда стран, находящихся в аналогичном экономическом, социальном и политическом положении, не подходит. Во-первых, потому что социальные системы вообще очень динамичны. Их стабильность покоится на совокупности неустойчивых равновесий между системообразующими процессами. Неустойчивое равновесие между ними сохраняется до тех пор, пока сложившееся соотношение не подвергается серьезным коррективам. Каждый элемент социальной системы подвержен внутренней эволюции, в одних случаях более, в других – менее значительной. Во-вторых, социальное положение Российской Федерации (для анализа которого и предпринято освещение наших позиций в этом вопросе) и ряда других стран в силу разрушения старого равновесия и установления нового, связанных с ним кризисных положений экономики, политической системы, морали является крайне неустойчивым, динамичным, маргинальным, диффузионным и взрывным. Происходит процесс разложения на подсистемы старых социальных структур и формирование новых. Процесс этот не ровен и не однозначен.

Так, прежний рабочий класс ранее был более или менее однороден. Сейчас рабочие государственных предприятий, рабочие акционированных предприятий и рабочие коммерческих предприятий существенно различаются по своему отношению к средствам производства, по своей роли в организации производства и по доле общественного богатства, которую они присваивают. То же самое можно сказать и о

прежних колхозниках. Колхозники, а их в настоящее время значительное число, работники акционированных сельскохозяйственных предприятий и фермеры явно представляют различные социальные группы.

С интеллигенцией и ранее все было запутано вплоть до анекдотических ситуаций: командир авиалайнера – рабочий, ибо он держит в руках штурвал или другим путем лично управляет самолетом, а штурман этого же лайнера – интеллигент, ибо он только прокладывает маршрут или следит за его выполнением в процессе полета. Да и вообще непонятно, почему интеллигенцию считали «прослойкой» или «слоем», а не классом.

Класс предпринимателей в странах переходного периода пока еще не сложился. Нельзя же считать современными предпринимателями «челноков» (их до революции 1917 года называли «коробейниками») или спекулянтов, утаивающих в массовом порядке налоги.

Исходя из изложенного выше, на наш взгляд, целесообразно для анализа социальной стратификации данных стран в современный чрезвычайно сложный период их развития использовать вместо категории «класс» более гибкую категорию – «социальный слой».

Представляется возможным дать следующее определение современных социальных слоев в указанном выше значении: это большие группы людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе общественной жизни, их роли в организации общественной жизни, характеру их труда, уровню культуры, способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают.

Таким образом, категория «производство» заменяется категорией «общественная жизнь», в которую входит и общественное производство, и духовная культура, и социальная структура, и политическая организация. Замена категории «производство» категорией «общественная жизнь», не отрицая роли и значения производства, позволит избежать его фетишизации. Введение признаков характера труда и уровня культуры помогает определить роль и место интеллигенции, государственных служащих и духовенства в социальной стратификации. Снятие жесткого деления на эксплуататоров и эксплуатируемых осовременивает определение, освобождает его от крайностей и позволяет более объективно подойти к социальным группам, не являющимися ни эксплуататорами, ни эксплуатируемыми.

Если подойти с этих позиций к анализу стран, совершающих в современных условиях переход к рыночной экономике, то очевидно, что их социальная система чрезвычайно сложна, многообразна, неустойчива и диффузна, а социальная структура запутана и неустойчива.

Межнациональные отношения и социально-этническая система современного общества также чрезвычайно сложны и многообразны. Они связаны в определенной мере экономическими, социальными, политическими отношениями, культурой и т.д.

Для большего понимания современного состояния межнациональных отношений целесообразно рассмотреть историю развития социально-этнических общностей. Первыми социально-этническими общностями были роды и племена. Эти социально-этнические общности основаны на кровно-родственных связях. С образованием классового общества и государств сложились народности. Эти социально-этнические общности предшествовали нации и имели все признаки нации: общность территории, общность языка, общность экономических связей, национальное сознание и национальную культуру. Однако все эти признаки нации, особенно экономические связи, национальная культура были в недостаточно развитом состоянии.

Переходу общества от феодализма к капитализму сопутствовало образование на базе народностей – наций. По вопросу об определении наций давно идет дискуссия. В ряде работ используется (правда без ссылки на оригинал) определение И. Сталина. Академик Ю. Бромлей вообще предлагал отказаться от термина нация и заменить его термином этнос. Определение Сталина (нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, сложившаяся на базе общности территории, общности языка, общности экономических связей и общности психического склада, проявляющегося в общности культуры) скорее показывает, на основании чего сложилась нация, нежели определяет ее. Предложение Бромлея не учитывает того, что нация не только этническая, но и социально-экономическая общность. Видимо, нации можно определить как большие группы людей, объединенных национальным самосознанием, тесными экономическими связями и различающиеся по исторически сложившейся территории обитания, языку, культуре и психическому складу.

Межнациональные отношения – это отношения между нациями. Отношения эти в современном мире очень сложны и напряженны, хотя и в разной степени. Это отмечается в ряде многонациональных стран:

Канаде, Испании, Югославии и России. Причин осложнения межнациональных отношений в мире немало. Но если брать общее, обостряющееся осложнение межнациональных отношений в мире, то следует вычленить противоречие между всеобщей интернационализацией общественной жизни и стремлением народов к сохранению национальной самобытности, развитию языка, национальной культуры. Здесь сказывается закон двух тенденций в развитии наций, специфически проявляющийся на всем протяжении развития цивилизованного человечества. Первая тенденция ведет к обособлению, к образованию своих национальных государств. Вторая – к интернационализации экономики, культуры, быта и т. д.

На различных этапах развития у разных народов превалировали то одна, то другая тенденция. Но всегда противоречие между ними вызывали то скрытые, то вырывающиеся на поверхность осложнения, порой принимающие крайне острые формы. К сожалению, именно таким в настоящее время можно рассматривать положение в нашей стране, где в ряде регионов нетерпимость достигла крайних пределов. Идет вооруженная борьба, берутся заложники, в стране сотни тысяч беженцев, практически распадается многонациональное государство.

В чем причины? В глубинной основе лежит указанный выше закон, действие которого обострено целым рядом факторов. Тут и тяжелое наследие прошлого, и действия мафии и коррумпированных элементов. Но дело не только и даже не столько в этом. Межнациональные отношения отличаются большой чувствительностью. На них отражаются все сферы общественной жизни, все противоречия. Тут и разные условия жизни, и разный уровень развития, и разный уровень материального обеспечения. Тут и имевшие место нарушения социальной справедливости, и их различное понимание народами, и имевшие место в прошлом нарушения законности, и давние нерешенные споры и обиды.

Большую роль играет общее ухудшение экономического положения, неудовлетворенные ожидания ряда людей и перенос их на национальную почву. Нельзя забывать и об обострившемся противоречии между быстрым развитием демократии и отставанием культуры вообще, политической культуры в особенности. Ко всему этому добавляется плохая постановка воспитательной работы, несвоевременное принятие и реализация необходимых решений властными структурами всех уровней. Где выход? Нужно обеспечить оптимальную гармонию ин-

тернационализации общественной жизни и национальных интересов, новаций и традиций, дальнейшее последовательное развитие демократии и гласности. Найти оптимально эффективные пути выхода из экономического кризиса, подъема материального благосостояния всего населения. Необходимо в ближайшее время решить проблемы в области национально-государственных отношений и обеспечить действенность функционирования властных структур.

Политическая организация общества. Политика есть концентрированное выражение экономики, иными словами – это сфера деятельности, связанная с отношениями между государствами, классами, нациями и другими социальными группами. Ядром такой деятельности, как показывает исторический опыт, всегда была проблема завоевания и использования государственной власти. Политическая организация общества – это система институтов, учреждений и организаций, регулирующих тем или иным путем всю совокупность социально-политических отношений данного общества. Элементами политической системы (организации) общества следует считать: государства, политические партии, профсоюзы и другие общественные организации.

Политическая система возникла вследствие социального движения общества и появления классов, государств, народностей. В известной мере она зависит от классовой и национальной структуры общества.

Главным институтом политической системы общества является государство. Это организация экономически господствующего социального слоя или в идеале всего народа, имеющая целью охранять существующий порядок и подавлять сопротивление социальных противников этого порядка. Основные признаки государства:

- а) публичная власть – власть, не совпадающая с массой населения и осуществляющаяся особым отрядом лиц;
- б) налоги с населения для содержания аппарата и социальных нужд;
- в) территориальное деление, взамен деления по кровнородственным признакам.

Исторические типы государства соответствуют тем или иным периодам в жизни общества и типам социальных отношений. По форме правления государства делятся на монархии (деспотии) и республики. При этом суть власти не меняется. Меняется ее форма. По национально-государственному устройству государства делятся на унитарные

(единые) и федеративные (союзные). В большинстве случаев формы государственного устройства зависят от политического режима и от соотношения социальных сил.

Государство выполняет свои функции с помощью права. Право – это воля господствующего слоя или всего народа, возведенная в закон, или иными словами, совокупность норм поведения граждан и социальных групп, институтов, закреплённая в законах, которые санкционируются соответствующими органами государства. Государство руководствуется правовыми нормами и обеспечивает их выполнение. Соответственно государственные органы делятся на органы власти и органы управления. Органы власти определяют правовые нормы, а органы управления обеспечивают их выполнение.

Важным элементом политической системы общества являются политические партии. Политическая партия – это передовые отряды классов и слоев. По мере развития общества роль политических партий в его жизни возрастала. Количество политических партий и их направленность отражают социальную структуру общества. Одни партии представляют интересы господствующих социальных слоев, другие – интересы оппозиционных.

История знает многопартийные и однопартийные социальные системы. Опыт показывает, что однопартийные системы в современном обществе бывают в условиях тоталитарных режимов, ибо в наше время социально однородного общества в цивилизованном мире пока нет и, следовательно, с условиями однопартийной системы возможности отражения интересов ряда социальных слоев исключаются.

В политическую систему современного общества входят профсоюзные, молодежные, кооперативные и другие общественные организации, а также личности.

Развитие общества, если ретроспективно бросить взгляд в историю, сопровождается усложнением его политической организации и разрастанием аппарата, прежде всего государственного. Современное государство берет на себя ряд экономических функций, что несвойственно было ему ранее. Среди этих функций экономическое планирование, контроль, элементы перераспределения части больших доходов. Оно также играет все большую роль в создании и решении экономических программ. В бытовом сознании можно нередко встретить утверждение о том, что государство не является политической организацией. На это можно возразить, что государство во всей совокупности его институ-

тов занимается внутренней и внешней политикой во всем их многообразии. Как же оно может при этом быть не политическим органом? Видимо, даже с позиций формальной логики это исключено.

Коль скоро речь идет о политической организации общества, нельзя обойти молчанием и вопрос о социальной и политической революции. Социальная революция – это переход того или иного народа или народов к новому качеству на пути социально-экономического прогресса. Соответственно контрреволюция – это обратное движение общества. Политическая революция – это часть социальной революции. Главная задача ее – это переход государственной власти из рук одного класса или социального слоя в руки другого, более прогрессивного.

Социальная революция продолжается определенный, более или менее длительный период. Так, переход от феодализма к капитализму в ряде стран Западной Европы охватил период до 200 и более лет. Начало развития капитализма в России история относит к середине XVII века, и завершение, в основном – к началу XX века. В основном потому, что капитализм в России и до 1917 года был военно-феодалным. Социалистическая революция, как показал опыт, тоже не может пройти очень быстро, а попытки ее искусственного ускорения, согласно нашему опыту, ставят революцию на грань поражения. С политической революции социальная революция может начинаться, а может ею завершаться. Так, социалистическая революция в нашей стране началась политической революцией 1917 года. А французская буржуазная революция завершилась захватом власти буржуазией.

Победа революции обеспечивается совокупностью объективных экономических, социальных и субъективных факторов (сознание масс, готовность служить делу революции и наличие руководящего ядра, способного привести революцию к победе). Революцию, в том числе и политическую, не следует смешивать с государственными переворотами, путчами и т. п., которые совершаются сравнительно небольшими группами лиц (последние обычно имеют корыстные личные цели и завершаются простыми перестановками в правящих группах). Они, как правило, не носят прогрессивного характера. Главными в социальной революции считаются общественные факторы. В политической революции более, чем в социальной, сильна роль субъективного фактора. Иногда он может даже сыграть решающую роль в политической революции.

Характер революции определяется тем, какие задачи она решает. Движущими силами всегда являются широкие народные массы. А вот определяет задачи и руководит класс, по имени которого названа революция.

Политическая революция может проходить разными путями: вооруженным и мирным. В обоих случаях это насилие. Но формы такого насилия могут быть различными: правовое насилие, оказываемое мирным путем, и насилие вооруженное. Тот или иной путь насилия зависит от ряда конкретных условий и прежде всего – зрелости революционных преобразований, от силы сопротивления противников революции и т. д. Так, английская буржуазная революция 1642–1649 гг., Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года проходили вооруженным путем. Буржуазные революции в Германии и России – мирным. Социальная революция в целом должна проходить путем проведения экономических, социальных и культурных преобразований. Преимущественные методы ее проведения: научно-технические, организационные и воспитательные. Насилие, как показывает исторический опыт, должно быть сведено к минимуму. Чрезмерное использование насильственных мер, как показал наш опыт, приводит к весьма пагубным для революции результатам.

Общественное сознание можно определить как процесс активного деятельного духовного отражения обществом общественного бытия. Оно включает в себя весь колоссальный объем духовной культуры человечества.

Таким образом, во-первых, общественное сознание – это процесс. Оно непрерывно развивается, совершенствуется, обогащается новыми знаниями, новой ментальностью. В развитии его существует преемственность, обеспечивающая определенную самостоятельность общественного сознания, взаимовлияние и взаимодействие его уровней и форм.

Во-вторых, общественное сознание активно. Активность его проявляется не только в непрерывном, возрастающем стремлении к развитию и обогащению новыми знаниями. Общественное сознание оказывает огромное обратное воздействие на бытие общества, на всю общественную жизнь. Оно служит важнейшим и необходимым фактором решения встающих перед обществом проблем. Без общественного сознания не было бы общества как такового.

В-третьих, общественное сознание деятельно. Сила его воздействия на общество зависит от полноты и точности отражения в общественном сознании реальных закономерностей и потребностей общества, от конкретных условий и объективных возможностей изменения общественного бытия, от связи сознания с практической деятельностью. При этом следует заметить, что по мере прогрессивного развития общества роль общественного сознания все более возрастает.

Далее, общественное сознание ментально. Оно определяет общественное мнение, которое также является частью общественного сознания. В свою очередь общественное сознание в целом реагирует на общественное мнение, испытывает его влияние.

И последнее, общественное сознание исторично. Общественное сознание различных исторических эпох существенно отличается от других эпох не только по своему уровню развития, но и по качественным показателям. Достаточно сопоставить сознание людей рабовладельческого и рыночного общества. Или более близкий пример: сознание людей дореформенной эпохи в России и современное сознание.

Структура общественного сознания достаточно сложна. Она имеет сферы, типы, виды, уровни и формы. Все эти элементы общественного сознания взаимосвязаны и взаимообусловлены.

У общественного сознания две сферы: индивидуальное и социальное сознание. Общественное сознание неотделимо от индивидуального, хотя индивидуальное сознание очень специфично. Сознание каждого человека в определенной мере обусловлено его особенностями, воспитанием, условиями жизни, ментальностью. Вместе с тем всякое индивидуальное сознание формируется и развивается под определенным влиянием тех материальных и духовных условий, в которых живет человек. Именно этим определяется исторический характер и деятельностное влияние общественного сознания. Вступая в жизнь, каждый индивид застает сложившуюся материальную и духовную культуру общества. Он в меру своих способностей усваивает ее. Под ее влиянием формируется его менталитет. И все же определяющее влияние общественного сознания не снижает индивидуальности личности, специфичности ее сознания.

С другой стороны, общественное сознание не может развиваться без своего носителя – без людей, без индивидов. А мозг индивидов не мог бы функционировать вне всего исторического и культурного наследия общества. Излагая все это, следует подчеркнуть, что общест-

венное сознание не арифметическая сумма индивидуальных сознаний, а качественно новое явление – своеобразная объективная действительность. Каждый человек, придя в этот мир, наследует созданную поколениями систему общественного сознания. Он вносит в нее свой положительный вклад. Но каждый человек смертен. И, прожив какой-то отрезок времени, он уходит в небытие. А общественное сознание остается и воспринимается, и развивается все новыми и новыми поколениями.

К типам общественного сознания относятся уровни развития и особенности общественного сознания различных эпох в развитии человечества: общественное сознание первобытно-общинного строя, рабовладельческого, феодального, рыночного обществ. Сейчас формируется сознание общества новой информационной цивилизации, которая грядет в XXI веке.

К видам общественного сознания относятся: общественные взгляды, общественное мнение, общественное настроение. Считаем целесообразным особо остановиться на общественном мнении. В цивилизованных демократических государствах современности общественное мнение оказывает огромное влияние на политическую и правовую системы, и через них на всю жизнь общества. Общественное мнение – это состояние массового сознания, заключающее в себе отношение (скрытое или явное) человечества, населения, различных социальных групп к событиям и фактам социальной действительности. Общественное мнение выступает в экспрессивной, контрольной, консультативной и директивной функциях. Иными словами, оно занимает определенную позицию, дает совет или выносит решение и выражается соответственно в оценочных, аналитических и конструктивных суждениях.

Общественное мнение регулирует поведение индивидов, социальных групп и институтов в обществе, вырабатывая и насаждая определенные нормы общественных отношений. Общественное мнение практически действует во всех сферах жизни общества. В России это ярко проявлялось в процессе выборов органов государственной власти и государственного управления в 1996 году.

По уровню отражения действительности в общественном сознании выделяются два уровня: обыденное сознание и теоретическое сознание (идеология). Обыденное сознание – это непосредственное отражение бытия людей, возникающее в процессе непосредственного общения человека с окружающим миром. Его происхождение – эмпирия. В процессе формирования обыденного сознания люди познают главным об-

разом явления. В сущность предметов и процессов это сознание проникает редко.

Теоретическое сознание – это научное, систематизированное, понятийное знание, система концепций и теорий. На этом уровне бытие отражается не ощущениями и представлениями, а понятиями. Теоретическое сознание проникает в сущность явлений, познает закономерности. Идеология выражает коренные интересы социальных групп, их партий, наций, государств. Теоретическое сознание в отличие от обыденного требует специальной подготовки.

Идеология имеет огромное влияние на жизнь людей. Планирование, прогнозирование, реформирование общества всегда опирается на ту или иную идеологию. Конкретным практическим выражением идеологии является наука. Последние годы за рубежом и в России широко пропагандировалась теория деидеологизации З. Бжезинского. Эта теория антинаучна и регрессивна. Что значит деидеологизировать современное общество? Это значит вернуть его в первобытное состояние. Что, кстати говоря, происходит сейчас в нашей многострадальной стране. Но практическое завершение этого процесса так же невозможно, как и возрождение звероящеров и человекообразных гоминоидов. Не случайно поэтому теория деидеологизации не получила широкого общественного признания.

Оба уровня общественного сознания органически взаимосвязаны. Идеология опирается на обыденное сознание. Последнее является одним из источников и средств развития идеологии. В свою очередь идеология, проникая в массы, оказывает определяющее влияние на обыденное сознание.

Наконец, общественное сознание, как уже отмечалось выше, многообразно и многопланово. Оно включает в себя ряд форм, представляющих собой различные способы духовного освоения действительности. Каждая форма имеет свой особый способ отражения действительности, по-своему воздействуя на общественное бытие. По мере общественного прогресса и развития общественного сознания количество его форм, естественно, возрастает. В первобытном обществе существовало только обыденное сознание. Оно проявлялось в трех формах: мораль, эстетическое и религиозное сознания. В настоящее время функционирует шесть форм общественного сознания: политическое, правовое, нравственное, эстетическое, философское и религиозное. Ряд форм общественного сознания формируется. В том числе экологи-

ческое, экономическое и др. Все современные формы общественного сознания проявляются и в обыденном, и в теоретическом сознании, разумеется, на разных уровнях и в различном качестве.

По своему характеру и направленности формы общественного сознания делятся на субъектно-субъектные и субъектно-объектные. Каждая форма сознания имеет свой субъект и объект. Субъектно-субъектные формы общественного сознания имеют своим объектом другой субъект. А объект субъектно-объектных форм сознания, как правило, неодушевлен и не может быть субъектом. К субъектно-субъектным формам относятся: политическое, правовое и нравственное сознания.

Политическое сознание – это систематизированное, теоретическое выражение взглядов общественных групп и личностей на политическую организацию общества, на содержание и формы государства, его деятельность, на отношения между социальными слоями, нациями, государствами, политическими партиями и другими политическими группами. Система политического сознания: элементы – общественное мнение, общественные чувства, взгляды, идеалы, интересы, теории, программы; структура – политические отношения. Большую роль в политическом сознании имеет политическая культура – специфическое отношение людей к политической жизни, уровень понимания политических целей и своего отношения к ним. К сожалению, уровень культуры вообще и политической культуры в частности в нашей стране очень низок. И этим объясняются многие негативные явления в современном российском обществе.

Правовое сознание – систематизированное отношение социальных групп или народа при наличии его единства в этом отношении к праву. Право – воля господствующего в обществе слоя (народа), возведенная в закон. Правовое сознание взаимосвязано, более того определяется политикой и политическим сознанием. Оно отражает социальное положение общественных групп. Уровень правового сознания в нашей стране еще ниже, чем уровень политического сознания. Имеет место массовая правовая безграмотность, а отсюда и правовой беспредел, нарушение правовых норм. Жизнь, развитие демократии требуют усиления правового образования и воспитания в стране.

К субъектно-субъектным формам сознания относится также нравственное сознание. В основе его лежат мораль и нравственность. Мораль – один из основных способов регулирования поведения человека

в обществе, закрепленный и поддерживаемый силой устоявшегося общественного порядка, властью традиции, обычая, общественного мнения. Нравственность – моральный облик человека, понимание общественного долга, добра и зла, чести, достоинства, совести, счастья. Этика – это нравственная идеология, наука о морали.

Мораль тесно связана с правом. Собственно, право – это минимум морали, закрепленный в законах. В настоящее время наряду с социальной и национальной моралью быстро идет процесс развития и совершенствования общечеловеческой морали. В ней все большее место занимают проблемы экологии, свободы человека, демократии, детерминизма. Быстро идет также процесс интернационализации морали.

К субъектно-объектным формам относятся эстетическое сознание, религия, философия, экологическое и экономическое сознания.

Эстетическое сознание – это отношение человека к прекрасному и безобразному. Тесно связано с эстетикой – наукой о закономерностях чувственного освоения человеком мира, о сущности и формах творчества по законам красоты. Прекрасное – категория эстетики, характеризующая явления с точки зрения совершенства, обладания высшей эстетической ценностью. Безобразное – противоположность прекрасному, выражение негативной эстетической ценности. Эстетическое сознание более субъективно и индивидуально, чем другие формы общественного сознания. Оно носит ярко выраженный социальный и национальный характер. Понимание прекрасного у жителей города и села не адекватно. Существенные особенности, связанные с характером территории обитания наций, их историческими традициями, имеет национальное сознание. Восприятие прекрасного узбеком отличается от восприятия латыша.

Эстетическое сознание имеет большое значение в жизни людей. Оно оказывает позитивное влияние на мораль и другие формы общественного сознания. Огромную роль в формировании и развитии эстетического сознания играет искусство. Искусство – это форма художественного творчества, выражающаяся в художественных образах, отражающих действительность и воплощающих отношение к ней человека.

Искусство носит познавательный и воспитательный характер. В отличие от философии искусство оперирует не категориями, а образами. Художественный образ – специфическая, эстетическая форма отражения действительности. Если с помощью философии человек, оперируя философскими категориями, познает единичное через общее, то

с помощью художественных образов познается общее через единичное. Примером этого являются образы ревизора в комедии Н. В. Гоголя, Анны Карениной в романе Л. Н. Толстого, Василия Теркина в поэме А. Т. Твардовского. Так, в образе Василия Теркина ярко обобщен герой-освободитель, рядовой солдат многомиллионной Советской Армии периода Великой Отечественной войны.

К сожалению, эстетическое воспитание в нашей стране также поставлено плохо. Даже значительная часть интеллигенции страдает эстетической малограмотностью.

Экологическое сознание – отношение социальных групп и личностей к окружающей природной среде и вытекающая отсюда деятельность. Эта форма сознания, как указывалось выше, формируется. В прошлом и в начале нашего столетия острой необходимости в такой форме сознания не было. Хотя еще Ф. Энгельс писал, что человечество одерживает одну победу над природой за другой, но наступит время, когда человечеству придется дорого расплачиваться за эти победы. На наш взгляд это время уже пришло. Природа уже не может сама залечивать раны, которые наносит ей человек. Над нами нависла угроза экологического кризиса и, видимо, эта угроза не менее опасна для человечества, чем атомная война. Предотвратить этот кризис гораздо труднее и дороже. Пока еще достаточно эффективных действий в этом направлении не предпринимается. А раны природе наносятся с возрастающей прогрессией.

Экономическое сознание – отношение человека к экономике, понимание ее проблем и действия по ее разрешению. Экономическое сознание начало формироваться давно. Уже в XVII–XVIII веках Адам Смит и Давид Рикардо внесли крупный вклад в экономическую теорию. Но до сих пор ряд острейших экономических проблем не находит своего позитивного решения, а большая часть населения нашей планеты попросту неграмотна в области экономики.

Очень интересна и широко распространена религиозная форма сознания. Религия – это форма сознания, мироощущение и поведение, определяемые верой в существование бога или божества, чувство должностности к его силе, дающей опору и достойной поклонения. Согласно Канту, религия – это познание наших обязанностей в виде божественных заповедей, но не в виде санкций, а как проявление свободной воли. Главный элемент всякой религии – вера. Без веры нет религии. Элементами религии являются религиозные представления, рели-

гиозные чувства, культ и обрядность. Религия, как и философия, является наиболее отдаленной от бытия формой общественного сознания.

Религия возникла в глубокой древности. Она прошла большой и сложный путь развития. В современном мире функционируют четыре мировых религии: буддизм, иудаизм, мусульманство, христианство и ряд сравнительно небольших религиозных культов и сект. Долгие десятилетия у нас в стране поддерживалось весьма негативное отношение к религии. Это неправильно. Правда, религия имела ряд темных и мрачных сторон в истории: религиозные войны, инквизиция, борьба против науки и т. д. И сейчас в разных точках планеты Земля имеют место религиозная нетерпимость, а в ряде случаев и войны (Пакистан, Кипр, Северная Ирландия, Афганистан и т. д.). Но вместе с тем религия – это важная форма культуры. Она содействовала возникновению и развитию письменности, в ряде случаев поддерживала и финансировала художественную культуру.

На протяжении своего существования религия впитала в себя многие позиции общечеловеческой морали (не убей, не укради, не пожелай жены ближнего и т. д.). На современном этапе развития общества, когда большую часть человечества и особенно постсоциалистических стран, беспокоит падение моральных устоев, пропаганда проповедниками религии этих устоев имеет немаловажное значение.

Мировоззренческой и методологической формой познания является философия. Раскрытию ее посвящен курс философии в каждом вузе, да и данное пособие в целом.

Специфическим фактором, аккумулирующим теоретическую часть всех форм общественного сознания, является наука: сфера человеческой деятельности, функция которой – выработка и теоретическая систематизация знаний о действительности.

В завершение отметим, что все формы общественного сознания взаимосвязаны, они взаимно дополняют одна другую, обеспечивают развитие и действенность каждой формы.

Общественное сознание включает в себя и ценностные компоненты. В основе ценностного отношения к окружающей действительности стоит *принцип социального эгоцентризма*: социальный субъект – будь то отдельный человек или общественная группа – любит или ненавидит прежде всего самого себя, и только в силу этого обстоятельства испытывает положительное или отрицательное пристрастие к вещам, поскольку в них как в зеркале он видит свое продолжение и воплоще-

ние. С этой точки зрения *ценность* может быть определена как *мера затраты физических или духовных сил человека на созидание или освоение им элементов природной или социальной среды*.

Ценность – это человеческое измерение вещей. Выступая по отношению к вещам и как созидатель в практической деятельности, и как идеализатор, мыслитель и художник в духовной деятельности, человек вкладывает в вещи свой труд и свою душу, свою энергию и свой талант и тем самым наделяет вещи смыслом, делает их значимыми и значительными для себя.

Ценности вообще как предметы потребностей и интересов, взятые в субъективно-психологическом, аффективно-волютивном выражении, в виде устремлений, предпочтений, почитания или порицания, одобрения или осуждения, влечения или избегания – суть феномены, в которых интересы и потребности переведены на язык идеального, мыслимого и представляемого, модельного и знакового формообразования. Иначе говоря, выражены *словом*, представлены *знаком*, составляют *совместное знание* людей, их общественное *со-знание*.

К Контрольные вопросы

1. Что есть «культура» в отличие от «натуры»?
2. Каков состав социальной системы? Что включается в социум кроме людей?
3. В чем причина социальной стратификации народонаселения?
4. Зачем нужны гражданскому обществу власть и государство?
5. Что представляют собой типы и виды общественного сознания?
6. Чем являются уровни, сферы и формы общественного сознания?

К Задания для самостоятельной работы

1. Покажите специфику искусственного способа существования, исходя из смысла: культура – обработка.
2. Дифференцируйте варварство и цивилизацию как ступени эволюции общества.
3. Покажите специфику экономической жизни людей.

4. Покажите специфику политической жизни людей.
5. Покажите специфику духовной жизни людей.
6. Как вы полагаете, есть ли зависимость между экономикой, политикой и идеологией?

К Литература

1. *Крапивенский С. Э.* Социальная философия: учебник. – М., 1998.
2. *Момдзян К. Х.* Введение в социальную философию: учебн. пособие. – М., 1997.
3. *Социальная философия: словарь.* – М., 2003.

Глава 8

ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ. ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКОМ МИРЕ

Техника как особая сфера человеческой деятельности всегда привлекала внимание мыслителей. Термин «философия техники» был введен немецким философом *Эрнстом Каппом* в его книге «Основания философии техники», вышедшей в Германии в 1877 году. В нашем веке проблемами философского анализа техники занимались известные западные мыслители *Фридрих Дессауэр* (Германия), *Льюис Мэмфорд* (США), *Хосе Ортега-и-Гассет* (Испания), *Мартин Хайдеггер* (Германия), *Освальд Шпенглер* (Германия), *Жак Эллюль* (Франция), *Карл Ясперс* (Германия) и др. Одним из родоначальников философии техники в России был русский инженер *Петр Клементьевич Энгельмейер*, написавший работы «Общие вопросы техники» (1899), «Философия техники» (1912–1913) и др. В России в последнее время издан ряд монографических и учебных работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных философии техники. Интересна и подборка статей зарубежных авторов, размышляющих о технике, опубликованная в журнале «Вопросы философии»: *Х. Ортеги-и-Гассета*, *Ханса Блюменберга* (Германия), *Артура Кестлера* (Великобритания), *М. Хайдеггера*.

Как самостоятельная философская дисциплина философия техники складывается с середины двадцатого столетия. Именно в это время влияние техники в обществе становится всеобъемлющим, а вопросы, связанные с феноменом техники, специфической ролью техники в жизни человека и общества, выявляются как философские, смыслообразующие. Так, *О. Шпенглер* в предельно драматическом тоне расценивает современную эпоху как приближение «времени последних ка-

тастроф»: «механизация мира, — подчеркивает он, — вступила в стадию опаснейшего перенапряжения», все органическое становится жертвой экспансии технологической организации, искусственный мир вытесняет и отравляет мир естественный.

Трагедией для мировой цивилизации, сталкивающейся с глобальным загрязнением окружающей среды, истощением природных ресурсов, угрозой ядерной катастрофы и многим другим, становится непродуманное развитие техники. Отсюда и предназначение философии техники: критический философский анализ сложившихся проблем, оценка результатов технической деятельности, возможных перспектив ее эволюции в связи с развитием всего общества, состоянием материального благополучия и изменением духовного облика человека. По мнению американского философа *Х. Сколимовски*, «философия техники является философией нашей культуры. Это философия человека и цивилизации, увидевшей себя в тупике, которой угрожает специализация, раздробленность и распыленность и которая осознает, что избрала ложный путь для своего общения с природой».

Главные вопросы философии техники сегодня следующие. Какова природа и сущностная особенность техники? Существуют ли пределы технического роста и как развитие техники связано с судьбами нашей культуры? Как соотносятся между собой ценности техногенной цивилизации и гуманитарно-духовные устои человеческого сообщества? Отсюда и необычайно широкое *проблемное поле философии техники*: уточнение самого понятия техники, изучение ее исторического развития и анализ структурных характеристик, выявление специфики технического знания и его взаимосвязи с фундаментальными науками, поиски новой концепции опосредованного техникой диалога человека с природой, моделирование глобальных технико-экономико-природных систем, выработка критериев оценки технологического развития общества. В настоящее время на первый план выходят также и социально-этические проблемы, связанные с компьютеризацией общества, меняющей не только сферы производства и образования, но и саму форму организации человеческой жизни, стиль отношений между индивидами. И здесь, прежде чем перейти к рассмотрению конкретных вопросов данного раздела, можно привести слова основателя философии техники Эрнста Каппа, который в основу своей концепции положил как центральный, антропологический критерий: «Содержанием наук в исследовательском процессе, вообще, — писал он, — является нечто иное, как возвращающийся к себе человек».

Техника: современная трактовка понятия. Техника и технология. Основные характеристики техники, выделенные в различных исследованиях и специфицирующие культурно-исторический подход, представленный в проблемном поле философии техники, следующие. Техника представляет собой *артефакт*. Латинское «*artefactum*» означает буквально «искусственно сделанный». В этом смысле техника специально изготавливается, создается человеком (ремесленником, мастером, техником, инженером), представляет собой так называемую «вторую» природу, хотя «живет» по законам «первой» природы, и используется в практической деятельности людей. При этом в технике воплощаются и реализуются определенные *замыслы, идеи, знания, опыт, навыки*, без чего невозможно создание и приведение в действие «артефактов». Пусть не покажется парадоксальным, но с этой точки зрения, даже выращенная в пробирке биологическая культура является артефактом, т. е. техникой. Отсюда возникают и этические проблемы, связанные с генной инженерией, клонированием (от греч. klōn – ветвь, отпрыск) – искусственным созданием живых существ, и т.д.

Техника образует *составную часть производительных сил общества*. Функционируя в качестве производительных сил, современная техника разделяется на следующие отрасли: производственная техника, техника транспорта и связи, техника научных исследований, военная техника, техника процесса обучения, техника культуры и быта, медицинская техника, техника управления. Производственная техника, техника транспорта и связи в свою очередь подразделяется на активную и пассивную.

Пассивная техника включает: связующую систему производства (в первую очередь, в химической промышленности); производственные помещения; технические сооружения наземной связи, железные дороги, мосты, каналы, гидромелиоративные сооружения; технические средства распространения информации (телефон, радио, телевидение и др.).

Активная часть состоит из орудий (инструментов), которые делятся на орудия ручного труда, орудия умственного труда и орудия жизнедеятельности человека (очки, слуховые аппараты и т. п.); машины (производственные, транспортные, военные); аппаратуру управления машинами, технологическими, производственными и социально-экономическими процессами.

Техника, в соответствии с историческими этапами ее развития, отличается различными *технологическими способами соединения человека и техники*. Первый этап характеризуется таким способом соединения человека и техники в технологическом процессе, при котором человек является материальной основой технологического процесса; труд при этом носит ручной характер; орудия (инструменты) ручного труда лишь удлиняют и усиливают работающие органы человека.

На втором этапе основой технологического процесса становится машина; труд при этом становится механизированным; человек лишь дополняет работу машины (механизированного устройства) своими органами труда, становясь лишь ее технологическим элементом.

Третий же этап технологического способа соединения человека и техники характеризуется свободным типом связи человека и техники; труд становится автоматизированным; человек перестает быть непосредственным звеном технологической цепи, получая условия для творческого использования своих способностей.

Сейчас уже можно говорить о четвертом, информационном, этапе технологического способа взаимодействия человека и техники. Информатизация связана с широчайшим внедрением компьютеров и компьютерных сетей в соединении с совершенными средствами связи. Компьютер оказался уникальным средством автоматизации интеллектуальной деятельности. Если предшествующие средства автоматизации касались лишь сферы материального производства (облегчали работу рук, но не умственную деятельность мозга), то компьютерно-информационные технологии затронули непосредственно интеллектуальную сферу, возможности которой несопоставимо возросли по сравнению с докомпьютерным периодом.

Техника представляет собой также *самостоятельный мир, реальность*, данную нам как ту, которую мы застаем от рождения и с которой живем и умираем. Мир техники как самостоятельная реальность противопоставлен природе, миру искусства, языковой реальности, всему живому и, наконец, человеку. Но техника – это и определенный способ существования человека. Техника нужна как средство, орудие, удовлетворяющее ту или иную человеческую потребность (в силе, энергии, защите и т. д.). В этом плане техника является *«инструментом»*, но это такой инструмент, от которого в наше время зависит уже судьба цивилизации. Что такое современный человек без техники? Представим себе, что было бы с нами, если бы все технические дости-

жения разом исчезли. Именно в этом плане техника и приобретает самостоятельное (иногда, правда, добавляют: относительно самостоятельное) существование.

Осознание самостоятельной роли техники относится уже к античности, где впервые было введено и обсуждалось понятие «*технэ*» (греч. τέχνη – искусство, ремесло, мастерство, умение). В Новое время формируются представления об *инженерии*. В конце XIX – начале XX века создаются технические науки и возникает философия техники как особая *рефлексия* (от позднелат. reflexio: обращение назад – размышление, осмысление, самопознание собственных действий и законов) техники. Особое внимание философия техники привлекает мыслителей в середине XX века, когда ряд философов стал связывать с техникой кризис нашей цивилизации и культуры. Так, М. Хайдеггер считает, что современная техника поставила себе на службу человека и природу, превратила их в «*постав*», по выражению Хайдеггера, сделала человека одним из видов сырья, подлежащего обработке.

Природа разрушается, а человек деградирует, поскольку они становятся простыми функциональными элементами и материалом бездушной машины («поставляются производству»). Хайдеггер не верит в решение проблем, порожденных техникой, он лишь призывает человека осознать, что он давно уже и сам стал поставом техники и превратил в ее постав и природу. Уже знакомый нам Х. Сколимовски пишет: «Техника превратилась для нас в физическую и ментальную опору в столь извращенной и всеобъемлющей степени, что если мы даже осознаем, как опустошает она нашу среду, природную и человеческую, то первой нашей реакцией является мысль о какой-то другой технике, которая может исправить все это». Как бы в ответ, но с очередным вопросом, мы слышим от немецкого философа *Карла Ясперса*: «Полагать, что задача преодоления техники с помощью техники вообще осуществима, означает прокладывать новый путь неблагоприятно... Остается, однако, вопрос: как человек, подчиненный технике, в свою очередь, станет господствовать над ней?».

Техника как специфически инженерный способ использования сил и энергий природы. Хотя техника во все времена была основана на использовании сил природы, но лишь в Новое время природа особо рассматривается как неисчерпаемый источник материалов, сил, энергий и процессов, описываемых в науке как естественные феномены, поставленные на службу человеку путем создания технических соору-

жений («второй», или «новой», природы). При их создании главным был уже не опыт, как в античные времена, хотя и там частично использовались научные знания, а как такое техническое творчество, инженерия, в котором специально производился расчет сил (процессов и энергий) природы, осуществлялось их сознательное приспособление для нужд и деятельности человека.

Если в античности и в средние века творчество техников понималось как «хитрость», искусственная реализация, выведение из скрытого состояния заложенных в мироздании вечных изменений и превращений различных «фюсис» (природ), уже сотворенных высшей силой, Богом, то, начиная с Нового времени, творчество инженеров (фр. *ingénieur* – изобретатель), творцов техники, основа которого изобретение, конструирование, проектирование и технология, т. е. все вместе, как инженерия, предполагает знания естественных и специально направленных на производство и конструирование технических наук. Современная инженерия ориентируется и на целый комплекс экономических и природопользовательских наук, знания основ системного проектирования, эргономики и дизайна и т. д.

До недавнего прошлого технология рассматривалась только как определенная сторона организации производственных процессов: от индивидуальной деятельности рабочего, мастера, простой коллективной деятельности бригады, цеха, предприятия, – до сложно организованной, строго иерархизированной социальной деятельности, – «*Мегамашины*», по Мэмфорду, – проходящей долгий исторический путь развития от трудовых армий фараонов до современных промышленных производств. Сторона, связанная с методами обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, формы сырья, материала или полуфабриката. В узко производственном значении технология включает также и производственное оборудование, необходимое для изготовления, время, квалификацию работника. Все это оформляется в так называемой «технологической карте».

В последние несколько десятилетий ситуация стала резко меняться. Реализация крупных национальных и международных технических программ и проектов в наиболее развитых в промышленном отношении странах и группах стран позволила осознать, что техника как реальность существенно обновилась. Исследователи и инженеры обнаружили, что между технологическими процессами, операциями и принципами, а также состоянием науки, техники, инженерии, проекти-

рования, производства, которые уже сложились как устойчивые образования в данной культуре и стране, с одной стороны, и различными взрывообразно протекающими социальными и культурными процессами, отвечающими на запросы (зачастую весьма острые) времени, с другой стороны, существует тесная взаимосвязь.

Так, разработка и производство, например, полупроводников, компьютерной или ракетной техники, так же, как и других сложных технических систем, оказались зависящими как от достигнутого в данной стране уровня развития научных исследований, инженерных разработок, проектирования, так и от характера организации труда, наличия необходимых ресурсов, соотношения приоритетов и целей общества, качества производимого сырья и продукции, потребностей и особенностей рынка, внутренней и международной конъюнктуры и многих других факторов. Технология *в широком смысле*, таким образом, понимается как общая характеристика, совокупность трудовых действий, типичных для того или иного социокультурного образования, подчиненных вполне конкретным социально значимым ориентирам. В этом плане технология понимается уже как особого рода *«техносфера»*.

Отметим появление *системотехники как особого вида современной инженерно-технической деятельности по созданию сложных технических систем*. В системотехнике происходит также и выработка новых знаний, причем знаний высоко абстрактного уровня, связанных с теорией структурных преобразований сложных систем. В системотехнике научное знание проходит полный цикл своего функционирования: от получения до использования в инженерной практике. Системотехника включает также и деятельность, направленную на организацию, научно-техническую координацию, руководство всеми видами проектирования, конструирования, отладки, разработки технологии производства сложного технического устройства, а также его радиоэлектронное обеспечение, химические технологии, инженерно-экономические проработки, разработку средств общения человека и машины и т. д.

Концентрируя все силы для решения военных, народнохозяйственных и иных задач, государство и общество достигают своих целей путем создания новой техники, сложных технических систем, нередко опасных для устойчивости природных процессов технологий и т. д. Все это вольно или невольно порождало различные *деструктивные, разрушающие последствия*, способствовало возникновению целого

ряда *кризисов* – экологического, антропологического, угрожающего выживанию самого человека, и других. Человек превратился в некоего «планетарного научно-технического бога», но при этом уподобился и все разрушающему дьяволу, угрожая всей жизни на Земле, а со временем, разрушая сложившиеся планетарные механизмы, возможно, уничтожая все и вся и за ее пределами. Все это требует социально-культурного и философско-методологического осмысления: техника – благо или, напротив, несвобода, риск, угроза существованию. «Нет никакого демонизма техники, – пишет М. Хайдеггер, – но есть тайна ее сущности. Сущность техники как миссия раскрытия потаенности есть риск». Риск же требует осмотрительности и адекватного природным возможностям использования техники.

Поставим и такой вопрос: информационное общество – идея или реальность? Информатизация общества как необратимая ступень социального развития означает не только повышение эффективности всего общественного производства, но и изменение в квалификационно-профессиональной деятельности людей, системе образования, соотношении прав и свобод личности, да и во всем образе жизни общества. Информатизация общества – это процесс, в котором социальные, технологические, экономические, политические и культурные механизмы не просто связаны, а буквально сплавлены, слиты воедино. Она представляет собой процесс прогрессивно нарастающего использования информационных технологий для производства, переработки, хранения и распределения информации и особенно знаний. Результатом этого как раз и является возникновение информационного общества, знаменующего радикальные преобразования не только в сфере производственных структур и технологии, но главным образом в сфере социальных и экономических отношений, в культуре, духовной жизни и быту.

Радикальные изменения во всех сферах социальной жизни, связанные с информатизацией, нашли отражение в так называемых *концепциях «информационного общества»*, разрабатываемых и развиваемых философами и социологами стран, успешно осуществляющих информационную революцию. Один из ведущих специалистов в области информатики *Дж. Мартин* в книге «Информационное общество» пишет: «В контексте имеющихся тенденций развития передовых в промышленном отношении стран информационное общество можно определить как такое общество, в котором информация и уровень ее исполь-

зования существенным образом обуславливают качество жизни, а также перспективы экономического развития и социальных изменений. В таком обществе уровень жизни, характер труда и отдыха, система образования и рынок испытывают на себе растущее влияние информации и знаний». Отметим, что сам термин «*информационное общество*» появился благодаря названию вышедшей в 1981 году книги японского футуролога, директора национального Института информационного общества Й. Масуды «Информационное общество как общество постиндустриальное».

Информационное общество: идея или реальность. В заголовок вынесено название известной проблемной статьи Дж. Мартина. Автор статьи, считая, что социологи до сих пор не создали убедительной картины информационного общества, ставит вопрос: можно ли говорить об «информационном обществе», как о некоем принципиально новом типе общества или это просто удобное обозначение для современного уровня, достигнутого наиболее развитыми странами. Понятие информационного общества до такой степени широко употребляется, что «вполне простительно мнение, будто оно уже стало жизненной реальностью, по крайней мере, в высокоразвитых странах». Однако для того чтобы выяснить, существует ли феномен информационного общества в реальности, надо, по крайней мере, уяснить, во-первых, идет ли речь о настоящем состоянии общества или о его будущем; и, во-вторых, договориться в ученой среде и среди интересующейся общественности об определенных критериях относительно достижения соответствующего общества.

Четкие критерии, по которым общество можно назвать *информационным*, уже разрабатывались в таких проектах, как, например, программа Европейского сообщества FAST. Программа FAST задает пять главных стратегических направлений: ключевые технологии, положение Европы в мировой информационной и коммуникационной системе, разобщенность или сплоченность в информационном обществе, занятость населения и общее или специальное образование. Дж. Мартин предлагает свой набор критериев, уточняя, что это не строгое деление, а скорее пересекающиеся подклассы.

Это задействованные комплексно:

1) технологические критерии (информационная технология занимает лидирующее положение и широко внедрена в конторах, производстве, образовании и в быту);

2) социальные критерии (информация определяет качество жизни, широко распространено информационное сознание и доступ пользователей к высококачественной информации);

3) экономические критерии (информация становится ключевым экономическим фактором как ресурс, услуга, источник дополнительной стоимости и определяющий фактор занятости);

4) политические критерии (свобода информации должна вести к повышению участия и согласия в политической жизни);

5) культурные критерии (признание культурной ценности информации в интересах национального и индивидуального развития).

В целом же информационное общество Дж. Мартин определяет как такое общество, в котором качество жизни, а также перспективы социальных изменений и экономического развития зависят все больше от информации и ее использования.

Ряд теоретиков «информационной революции» (У. Дизард, Дж. Мезонруж, Ф. Уильямс и др.) считают создание «глобальной сети информации» всеобщим «электронным спасением», которое положит конец «географической тирании». По мнению Э. Тоффлера, концепцию которого, как наиболее развитую, мы рассмотрим отдельно, грядущее постиндустриальное общество – это качественно новая ступень, т. е. «третья волна». Этому обществу будут свойственны децентрализация, равные взаимосвязанные «суб-экономические» хозяйства, а основной его социальной единицей станет «электронный коттедж», т. е. каждая семья в сельской местности или городе получит одинаковый доступ ко всем новым услугам и удобствам информационного века. Однако, констатируют М. Хепуорт и К. Робинс, эти и подобные им выводы поспешны, безответственны и принципиально ошибочны: их неадекватность есть следствие принципа технологического детерминизма. Технический прогресс нельзя рассматривать вне контекста общественной, политической и культурной жизни. Как правильно указывают Г. Мердок и П. Голдинг, «выбор в информационном обществе зависит от возможности платить деньги».

Спектр мнений ученых о том, как будет проходить продвижение общества к своему информационному состоянию, очень широк. Это определяется самой практикой реализации в конкретных обществах информационного идеала, возникающими при этом сложностями как для государства, так и для конкретных граждан. Если такие ученые, как Й. Масуда («оптимисты»), считают, что общество претерпит дра-

матические изменения не через войны и революции, а благодаря постепенным технологическим трансформациям, то другие («пессимисты») советуют не заниматься футурологическими утопиями и говорят не о технологических революциях, а просто о дальнейшем подчинении социальных нужд и ценностей технологической рационализации потребностям рынка.

Ясно, что в том и другом случае для более отсталых стран существует угроза проигрыша в экономической конкуренции вплоть до потери национального суверенитета из-за широкого развития межгосударственного потока информации. Для граждан же (и в варианте «оптимистов» и в варианте «пессимистов»), в свою очередь, возможна угроза для частной жизни (около 30 государств приняли уже те или иные законы о защите права на частную жизнь в связи с компьютеризацией). «Выглядит насмешкой, – отмечает Дж. Мартин, – что в Великобритании, известной давними традициями парламентской демократии, соображения безопасности до сих пор препятствуют принятию законодательства о свободе информации». Осложнения, которые вызовет принятие соответствующего законодательства для власть имущих, должны несомненно стать частью платы за то, чтобы жить в открытом обществе. В целом Дж. Мартин приходит к выводу, что потребуется определенное время для того, чтобы информационное общество из «социального конструкта» превратилось в некоторую реальность. Сейчас это скорее идея, хотя на пути к ее осуществлению уже много сделано.

Техногенная культура. *Элвин Тоффлер*, известный американский футуролог, социолог и теоретик информационного общества (или общества «третьей волны»), считает информационное общество приходящим на смену индустриальному (или обществу «второй волны»). В свою очередь, общество массового промышленного производства приходит, по Э. Тоффлеру, на смену обществу «первой волны», в котором господствуют сельское хозяйство и натуральный обмен произведенными продуктами.

Биография Э. Тоффлера весьма поучительна. Родился он в Нью-Йорке 4 октября 1928 года. После окончания школы поступил в Нью-Йоркский университет, где в течение пяти лет сочетал обучение с работой на заводе в качестве слесаря, монтера, сварщика, трубочиста, шофера, сборщика на конвейере и рабочего других массовых профессий. Все это помогло ему на практике постичь «реальную жизнь» и со знанием дела, уже будучи ученым, говорить об условиях труда рабочих, о

забастовках, профсоюзных проблемах и т. д. В 1961 году знаменитая фирма IBM по производству компьютеров поручила Э. Тоффлеру написать доклад о социальном значении ввода в производство сети компьютеров и расширении сферы труда «белых воротничков». Это было одним из первых исследований социальных последствий компьютеризации общества; до Э. Тоффлера еще никто не говорил о научной организации труда в «офисе» завтрашнего дня, да и сами компьютеры преимущественно использовались лишь в валютно-финансовых операциях.

В дальнейшем Э. Тоффлер читает в уважаемых американских институтах и университетах лекции о взаимосвязи между достижениями научно-технического прогресса и изменением системы социальных ценностей. В 1983 году в работе «Прогнозы и предпосылки» он напишет об этом времени: «Громадные социальные и технологические изменения сотрясают американское общество, а наше правительство не замечает этого – оно уделяет мало внимания будущему и не способно предвидеть даже наиболее фундаментальные сдвиги. Политики редко могут заглянуть дальше следующих выборов».

В работах «Прогнозы и предпосылки», «Третья волна» (1980) и др. Э. Тоффлер рассуждает о качественно новой, информационной, цивилизации, приходящей на смену отживающему индустриальному обществу. В этом обществе будущего нет массового, поточного производства и распределения товаров, характеризующих образ жизни и модели поведения предшествующего индустриально развитого общества. «Центральное утверждение моей книги, – пишет Э. Тоффлер о своей работе «Прогнозы и предпосылки», – что сегодняшний кризис не является кризисом перераспределения, перепроизводства, недостаточного производства или низкой производительности труда (что бы это ни значило), но кризисом реструктурирования, упадком старой, индустриальной эры экономики и возникновением экономики новой, «третьей волны», функционирующей в соответствии с другими принципами».

Самый главный при этом принцип – *право собственности на информацию как новый тип собственности*, отсутствовавшее (или почти отсутствовавшее) в обществе «второй волны». Отсюда контроль в сфере принятия ключевых решений осуществляет тот, кто владеет информацией. Это, в концепции Э. Тоффлера, новый класс «*когнитариат*» (cognitariat – производное от слов «знающий»: cognitive и «пролетари-

ат») – класс, контролирующий процессы производства и распределения информации. Тоффлер не признает категории «класс» в марксистском ее понимании, поскольку, считает он, устарела вся система фабричного производства.

В «Прогнозах и предпосылках» так же, как и в «Третьей волне», Э. Тоффлер разрабатывает *концепцию «электронного коттеджа»*, связанную с перемещением рабочих мест непосредственно в дома, что распутывает клубок проблем современного американского общества. В обществе «электронных коттеджей» изменяется характер труда и производственных отношений. Люди возвращаются к натуральному хозяйству, как бы примитивному обществу «первой волны», но только на другой, более высокой, электронной основе. Лиц, потребляющих продукцию собственного производства, Тоффлер называет *«просьюмерами»* и утверждает, что им принадлежит экономика будущего. Само слово «просьюмер» (prosumer) – производное от английских слов «производитель» (producer) и «потребитель» (consumer). По Тоффлеру, просьюмер совмещает в одном лице функции производителя и потребителя материальных благ.

«Движение назад – к дому» позволит корпорациям и государству снизить расходы на недвижимость, повысит производительность труда, облегчит работу транспорта, уменьшит затраты энергии и загрязнение окружающей среды, поможет разрешить социально-психологические конфликты, в основе которых лежит отчуждение работника от результатов его собственного труда, потеря стабильных эмоциональных связей между супругами, родителями и детьми, друзьями, коллегами и т. д. С идеей «электронного коттеджа» Э. Тоффлер связывает надежды на изменение «всего технического базиса» американского общества, считая, что существует возможность превращения наемных рабочих в независимых предпринимателей или, иными словами, увеличения числа тех, кто владеет средствами производства (в данном случае, электронным оборудованием). По мнению теоретика информационного общества, такая перестройка поможет устранить многие социальные конфликты: «Это образованные рабочие, – пишет Тоффлер, – которые, используя свои домашние компьютеры, видео- и телекоммуникационные средства связи, смогут организовать новую сеть, «электронные гильдии», новые профессиональные ассоциации и т.д. Станут реальными и новые формы коллективного действия, и вполне

вероятно, что в один прекрасный день мы будем наблюдать «электронные забастовки».

Надо отметить, что Э. Тоффлер, говоря о новом информационном обществе, отвергая «индустриализм» как отживающий общественный порядок, объединяет в этом отношении наиболее технически развитые страны разной политической ориентации. Несмотря на различия в осуществлении властных полномочий, *индустриализм* придает всем этим странам определенные общие характеристики, а именно: те структурные черты, которые повсеместно отрицаются «третьей волной», т. е. зависимость от полезных ископаемых, массовое производство, массовое распределение, поставленные на индустриальную основу средства массовой информации, массовая культура, нуклеарная (от лат. *nucleus* – ядро, объединенный вокруг ядра) семья как основная ячейка общества, урбанизация, одни и те же принципы стандартизации, синхронизации, централизации, максимизации и т.д.

Тоффлер показывает, что индустриальное общество обречено, везде и всюду терпит крах, некоторые симптоматичные характеристики которого только что были перечислены. В результате этого кризиса возникает *новая супериндустриальная цивилизация*, которая предполагает новые типы межличностных отношений, новые половые и семейные ценности, новый тип восприятия реальности. Он предполагает новую экономическую среду, которая в свою очередь сформирует корпорацию нового стиля.

Т а б л и ц а

«Вторая волна» (индустриальное общество – прошлое, сохраняющееся еще сегодня)	«Третья волна» (общество будущего, нарождающееся уже сейчас)
<i>1. Отношение к природе и ее ресурсам</i>	
Борьба с природой. Разбазаривание невозвращаемого «капитала природы» (уголь, газ, нефть, леса и т. д.)	Сотрудничество с природой. Ориентация на возобновляемые источники энергии и активный их поиск

Продолжение таблицы

«Вторая волна» (индустриальное общество – прошлое, сохраняющееся еще сегодня)	«Третья волна» (общество будущего, нарождающееся уже сейчас)
2. Лидирующие области науки и техники. Тип научно-технического развития	
Гигантский прогресс механической техники. Решающие отрасли – машиностроение, электромашиностроение, химическая индустрия. Главные науки: механика, впоследствии – учение об электричестве, химия	Техника – на основе знаний, выходящих из научных лабораторий. Ведущие области науки и техники: квантовая электротехника, информатика, молекулярная биология, в том числе генная инженерия, наука о космосе, экологические знания, океанология
Неограниченный рост во имя роста	Рост, но ограниченный и сбалансированный
3. Основные принципы социальной организации и социальной деятельности в экономике, политике, других областях	
Шесть принципов «индустриализма»: 1) стандартизация, 2) специализация, 3) синхронизация, 4) концентрация, 5) максимизация, 6) централизация	Принципы нового общества: 1) индивидуализация, 2) комплексная интеграция, 3) синхронность, но нового ритма, 4) децентрация, 5) мини-формы, 6) децентрализация
4. Система коммуникаций, сферы образования, культуры	
Почтовая служба, средства массовой коммуникации (газеты, радио, кино, телевидение), работающие на основе вышеперечисленных принципов индустриализма. Общение между людьми – иерархическое, стратифицированное, атомистическое, случайное. Учреждения образования и культуры построены по типу фабрики и также массифицированы	«Аудиокоммуникация» на основе новейшей информационной техники, «демассифицированные» средства коммуникации; «сети» индивидуализированных неофициальных коммуникаций по интересам, желаниям, без иерархии, нацеленные на взаимопомощь. Перестройка деятельности в сфере образования и культуры – в соответствии с вышеперечисленными принципами нового общества

Окончание таблицы

«Вторая волна» (индустриальное общество – прошлое, сохраняющееся еще сегодня)	«Третья волна» (общество будущего, нарождающееся уже сейчас)
«Индустриальный» индивид: ориентирован на производство и потребление; культ денег, власти, господства – подчинения, пассивности; «автоматизированная» повседневная жизнь; коммерциализированный секс и «нуклеарная семья». Труд в недрах огромных организаций – принуждение, жесткий временной режим, рутина	Новая личность: ориентирована на духовные ценности и творчество; многомерность ориентаций и понимание другого человека как способ общения; новый вид сексуальных и семейных отношений. Труд в небольших организациях и на дому; скользящий график труда; добровольный, творческий труд
<i>5. Отношения между странами и народами</i>	
Приоритет национального (национализм, шовинизм, реваншизм), экономика и политика на уровне отдельных стран или их блоков; вооружение и война как способы «разрешения» международных конфликтов	Приоритет интернационального; ориентация на глобальные проблемы и их совместное разрешение; реальное разоружение, прочные договоры между странами, возможность предотвращения военных конфликтов

Гуманистические проблемы техники. Благодаря способности новейших компьютерных банков данных (как частных, так и государственных) собирать и обрабатывать множественную информацию самого различного свойства об индивидуальных и коллективных пользователях этих банков, начиная от финансовых обстоятельств и кончая сведениями о матримониальных делах и состоянии здоровья, в повседневную практику вторгаются вопросы, постепенно трансформирующие все общественное сознание – в первую очередь, в области морали и права. По мере того как конфиденциальная информация, касающаяся жизни миллионов граждан, накапливается в банках данных различных электронных систем, люди все в большей степени попадают в зависимость от реального вторжения компьютерного «соглядатая» в их частную жизнь.

В компьютерную эпоху понятие «*право на частную жизнь*» обретает совершенно новое значение, поскольку информационная сфера

гигантскими шагами совершенствует свою техническую вооруженность дешевыми магнитными дисками, становящейся общедоступной волоконной оптикой, широчайше распространившимися персональными компьютерами, что чрезвычайно упростило возможность компьютерного вторжения преступников или просто любопытствующих в частную жизнь пользователей компьютерной техникой. Говоря о «технологии компьютерного века», способствующей вторжению в частную жизнь, американский юрист и социолог *У. Фридмен* относит сюда и «детектор лжи», и электронную графическую экспертизу, да и вообще всякую электронную «наблюдательную технологию». В последнее время начинает широко распространяться беспроводная телефонная связь, радиотелефоны. Так, в 1986 году в США уже насчитывалось более 200 тысяч изолированных телефонных аппаратов, использующих радиотрансмиссию, что делает проблему вторжения в частную жизнь как никогда актуальной. *У. Дж. Тэггарт* (Австралия) считает, что в ближайшие годы на соответствие установлениям морали и права пройдут проверку следующие вопросы, вызванные новейшей компьютерной технологией:

- 1) морально ли сохранять детальное досье о людях, с которыми вы совершили сделку;
- 2) морально ли собирать подобную информацию и пускать ее в продажу;
- 3) морально ли использовать компьютер, дабы обнаружить потенциальных банкротов путем анализа их прошлых кредитных операций;
- 4) допустим ли просмотр компьютерного банка данных просто из любопытства или ради того, чтобы узнать чей-то номер телефона;
- 5) допустимо ли копировать компьютерные программы?

Проблемы в области морали, вызываемые распространением в обществе компьютерной технологии, тесно переплетаются с правовыми проблемами. Компьютерная преступность, совершаемая путем раскрытия тайны кода и проникновения в информационные сети частных фирм, банков и государственных служб, совершается вне непосредственных человеческих контактов, вне непосредственно-вещественных (денежных сейфов и т. п.) объектов преступления, в силу чего смешиваются и размываются границы между привычными понятиями добра и зла: нажатием кнопки человек не задумываясь совершает уголовное преступление, которое он никогда не решился бы осуществить тради-

ционным образом. То же самое относится и к несанкционированному изготовлению копий компьютерных программ.

Австралийский исследователь У. Х. Макквейд различает семь видов «компьютерной преступности»:

1) «*троянский конь*» – в компьютер вводятся секретные команды, которые позволяют производить незаконные операции;

2) «*подмена данных*» – незаконное изменение данных перед вводом или во время ввода их в ЭВМ;

3) «*суперудар*» – незаконное использование вспомогательных компьютерных программ, нарушающих контроль доступа в компьютер;

4) «*техника салями*» – незаконное отчисление на собственный счет, при помощи введения специальной программы, ничтожно малых сумм с каждой из огромного количества компьютерных финансовых операций;

5) «*логическая бомба*» – незаконное введение в компьютер набора команд, которые должны срабатывать в определенное время;

6) «*уборка мусора*» – сбор информации, которая может быть оставлена после работы пользователем в памяти машины либо возле нее;

7) *кабельное прослушивание* с целью получить доступ к данным, передаваемым по телефону.

Логической модернизацией способа совершения компьютерного преступления «троянский конь», выполняющего алгоритм типа «*смотри все данные этой программы, перейди в следующую и сделай то же самое*», являются «*компьютерные вирусы*». С программно-технической точки зрения под компьютерным вирусом понимается специальная программа, способная самопроизвольно присоединяться к другим программам, образно говоря, «заражать» их, и при запуске основных программ выполнять различные нежелательные действия: порчу файлов и каталогов (при файловой организации программной среды), искажение и стирание (уничтожение) данных и информации, переполнение машинной памяти и создание помех в работе ЭВМ. Вопросами научного изучения компьютерных вирусов в настоящее время занимается специально созданная новая наука – *компьютерная вирусология*.

Помимо чисто «компьютерной преступности» могут быть и ситуации, когда, например, программист, разрабатывающий программу для ведения банковских счетов в фирме А, переходит затем на работу в фирму Б и «захватывает с собой» ту часть составленной им програм-

мы, которая касается времени и характера совершения сделок в фирме А и может быть использована его новым работодателем. Все это требует пересмотра прежних морально-правовых подходов, а нередко и введения абсолютно новых.

Как отмечает австралийский судья М. Д. Керби: «... наше поколение будут упрекать в том, что, создав технологию, имеющую громадный потенциал, мы не смогли обеспечить такие инструкции и правила, благодаря которым эта технология могла бы справедливо и эффективно использоваться». В связи с этим возникает насущная необходимость в принятии государством «информационных законов». Так, в США уже расценивается как преступное любое самостоятельное электронное подслушивание, нарушающее права индивида на частную жизнь «без физического вторжения» в нее. Исключением может быть электронное прослушивание, официально разрешенное по определению юридических органов.

К Контрольные вопросы

1. Что такое техника?
2. Как соотносятся технология и инженерия?
3. Что такое индустрия?
4. Каков характер научно-технической революции в XX веке?
5. Что такое информационное общество?

К Задания для самостоятельной работы

1. Была ли техника у древнего человека?
2. Оцените техническую базу патриархального общества.
3. Что дал промышленный переворот Нового времени производительным силам общества?
4. Покажите ступени развития орудий, двигателей и элементов управления в технических устройствах.
5. Оцените отличия одного от другого станка, машины, автомата, робота.
6. Какой вид техники, на ваш взгляд, играет ведущую роль в нынешнем состоянии общества?
7. Оцените перспективы дальнейшей эволюции техники в обозримом будущем человечества.

К Литература

1. *Горохов В. Г., Розин В. М.* Введение в философию техники: учебн. пособие. – М., 1998.
2. *Философия техники: история и современность.* – М., 1997.
3. *Митчем К.* Что такое философия техники. – М., 1995.

Глава 9

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

Проблемами *сущности* человека, пределами и многообразием ситуаций человеческого *существования*, *свободы воли* и *детерминантов* поведения, *смысла жизни* и *достоинства смерти*, исследованием различных *человеческих качеств* занимается специализированная область философии – **философская антропология** (от греч. *anthropos* – человек и *logos* – слово, учение).

Родовое понятие «Человек» определяет место человека в ряду других элементов мира: он не принадлежит безраздельно *Природе*, хотя многие свойства человека имеют естественное происхождение, как анатомические, физиологические или психические. Человек – продукт и часть *Культуры*, социальной системы, общества, и еще больше свойств имеют искусственный характер и привнесены в человека воспитанием, как способности к труду, общению, игре. Есть в человеке и свойства, приписываемые *Богу* (или богоданные) и имеющие сверхъестественный характер, как способность к творчеству или дар предвидения. Однако человек – не естественное, не искусственное и не сверхъестественное существо: у него свой особенный – *синтетический* – способ существования.

Природные свойства человека бывают *врожденными* и передаются по наследству через генотип. Совокупность этих свойств объединяется понятием «**индивид**» (лат. *неделимый*, особь).

Социальные свойства человека являются приобретенными и закладываются в него в процессе постнатального (после рождения) развития, который называют социализацией индивида или воспитанием. Совокупность этих свойств объединяется понятием «**личность**» (*persona*, лицо, личина).

Как природные, так и социальные качества человека, подчиняясь *принципу комбинаторности*, образуют неповторимые сочетания: так, даже небольшое количество цветных стеклышек в детском калейдоскопе складывается в бесчисленное множество картинок, которые практически не повторяются неопределенно долго. Мы все рождаемся в похожих семьях, воспитываемся похожими нянями и бабушками, учимся в похожих школах по одинаковым учебникам, читаем одни и те же книги, смотрим одни и те же фильмы, живем похожей – типичной! – жизнью, и все мы совершенно разные люди. *Неповторимость и уникальность, своеобразие и оригинальность* каждого организма, тела и каждого разума, души – каждого человеческого существа – объединяются понятием «**индивидуальность**» (целостность, нераздельность).

Ценностные асимптоты человеческого существования. В философской антропологии важнейшее место в понимании сущности человека занимает трактовка человека как социального существа. Традиционным в прежней философии поискам естественных или божественных начал человеческой природы современная теория, опирающаяся на *социоцентризм* эпохи классицизма, на философию Г. Гегеля, К. Маркса, О. Конта – противопоставляет идею принадлежности человека особенной форме реальности: социальной системе, в которой человек выступает и как продукт, результат обработки природного биологического материала средствами культуры, и как персонифицированное воплощение этой системы, выделившийся в ней субъект новых преобразований и, следовательно, движущая сила саморазвития общества.

Содержание общественного бытия воплощается прежде всего в предметах культуры. Действительно, мир вещей, искусственная среда обитания человека – это «говорящий», даже «кричащий» о самом человеке мир. Представим себе фантастическую ситуацию: на Земле исчезли люди, но все ими созданное сохранилось в неприкосновенности. В этот момент на планету высаживаются «зеленые человечки» из «летающих тарелочек» и находят весь предметный мир человеческой культуры. Смогут ли они восстановить внешний образ и внутренний облик создателей этого мира?

Думается, что да, и достаточно легко. Исследуя предметы быта – одежду, жилища, мебель, – они реконструируют пропорции и внешний вид человеческого тела. Найдя наши продукты питания, поля и фермы, продовольственные комплексы и прилавки гастрономов, они установят

химизм и физиологию нашего организма. Разбираясь с нашими заводами, транспортом, источниками энергии, они поймут нашу технологию, а значит, установят уровень развития производительных сил и, следовательно, основные типы социальных институтов, включая тип общественно-экономической формации. Наконец, расшифровав наши языки и прочитав наши книги, воспроизведя звуковые и видеозаписи, они откроют наш духовный мир, наши логику и психологию, поймут наши стремления, беды и радости, страхи и надежды.

Однако надо понимать, что предметная культура сама по себе мертва без приводящей ее в движение деятельности людей. Поэтому общественное бытие отражается в самих структурах и организационных формах деятельности, в атрибутах труда, общения, способах жизнедеятельности, составляющих характеристики образа жизни. Этот срез социальной действительности выражается в действенно-практической, функциональной организации системы общественных отношений. Здесь отражение общественного бытия выходит на уровень знаковых систем: наряду с предметами и орудиями деятельности появляются знаки – искусственные вещи, специальная функция которых состоит в замещении предметов деятельности и которые выступают в качестве орудий коммуникации, общения, информационных процессов. Наиболее универсальной, гибкой, всеобъемлющей системой таких знаков является естественный язык, разговорная речь.

В конечном счете действия с предметами, трудовые операции вместе с системами знаков, образных или символических, внедряются в психику индивидов, изменяя и формируя ее содержание. У человека, включенного в систему общественных отношений, в социальную сферу, вырабатывается способность к мышлению, радикально перестраивающая его психику. У него появляется возможность с помощью речи фиксировать, накапливать информацию, экстраполировать ее из прошлого на настоящее, подключая опыт, заложенный в памяти, или на будущее, прогнозируя результаты деятельности, предвосхищая грядущие события. Тем самым человек становится частью и персонифицированным воплощением социальной системы, приобретает качество личности, а деятельность его становится сознательной.

Следует обратить внимание на то, что живые индивиды становятся сознательными личностями не в силу чисто природных свойств. Их социальное качество не заложено в генотипе, а приобретается в процессе социализации, воспитания в культурной среде, а следовательно,

без органического соединения с вещами и знаками, без практически-предметной связи с другими людьми в структурах общественных институтов не может быть и речи о сознательных личностях.

Впрочем, сама природа человека оценивалась в социальной философии в контрарных, противоречивых асимптотах. С одной стороны, в общественной мысли эпохи Просвещения доминирует видение человека как своего рода социального атома, отдельной монады, замкнутой автономной сущности, самостоятельно определяющей формы собственного взаимодействия с другими социальными единицами. Гоббсовская «война всех против всех», локковский «общественный договор», экономические и гносеологические «робинзонады», столь характерные для философии этой эпохи, – вот конкретные выражения рассматриваемого подхода.

Из этой же презумпции исходят создатели манифестов, сыгравших наиболее значительную роль в политических движениях Нового времени. Так, в Конституции США Б. Франклином зафиксировано: мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными и все они одарены своим создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых.

В эпоху классицизма, в XIX веке, складывается радикально иная трактовка природы человека: индивид, «социальный атом» уступают место «социальной волне», принцип дискретности – принципу континуальности, когда человека представляют как функцию внешней для него социальной среды. Причем подобный подход имеет место отнюдь не только в марксизме. Мы обнаружим такое видение человека и в системе Г. Гегеля, и в позитивизме О. Конта, и в философии всеединства Вл. Соловьева – везде речь идет об «общем согласии», об обществе как высшей действительности, предшествующей индивиду, относительно которой он не выглядит самостоятельным элементом.

Вместе с тем индивидуалистическая ориентация вовсе не отбрасывается и с новой силой заявляет о себе в современной социальной философии и в аксиологии. Так, в социологии М. Вебера общество всегда репрезентировано действиями одной или многих отдельных личностей, а в философской антропологии М. Шелера человек вообще определяется как эксцентричное существо, не вписывающееся ни в при-

родную, ни в социальную действительность и занимающее уникально-единственное место среди подобных и неподобных ему явлений.

В том же марксизме наряду с представлением о человеческой сущности как «ансамбле общественных отношений» содержится противоположная антропологическая ориентация, согласно которой в коммунистическом обществе, преодолевшем отчуждение человека от своей сущности, получают приоритет личностная автономия, свобода выбора жизненного пути и право на счастье в гуманной и гармоничной социальной среде.

Однако уже первые попытки реализации провозглашенного идеала желаемого будущего обернулись тотальным подавлением человека, наиболее выразительными отображениями которого стали печально известные идеологические клише людей как «винтиков общественного механизма», про которых можно с полным основанием говорить: незаменимых у нас нет! Трагический, но и фарсовый отсвет бросают на эту идеологию кошмары судебных процессов второй половины 30-х годов XX века, когда подсудимые – видные большевики – давали чудовищные по своей нелепости признания, поскольку в их представлении этого требовали соображения «пользы» Советской власти и непреложный партийный долг. А между тем еще Г. Спенсер утверждал, что это общество существует для блага своих членов, а не члены его существуют для блага общества.

В том же марксизме понимание сущности человека диалектично. С одной стороны, по мысли К. Маркса, «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». Но вместе с тем «...как само общество производит человека как человека, так и он *производит* общество».

Рассматривая первую сторону этой взаимозависимости, следует говорить о том, что все человеческое в человеке – от деятельности до разума, от переживания до чувства и волеизъявления – не является врожденным, не заложено ни в генотипе, ни в строении тела, ни в психике индивида, а приобретает им в процессе социализации – процессе воспитания и освоения предметов вещественной и духовной культуры. В этом процессе физиологические и психические свойства индивида перекомбинируются, шлифуются, приобретают новое содержание и включаются в состав личностных характеристик становящегося человека.

С этой точки зрения человек должен быть представлен как продукт общественного производства, как предмет, в который общество в лице уже сформировавшихся людей вкладывает силы и средства, затрачивает труд и, следовательно, создает ценность. Следует лишь добавить тот момент, что так же, как человек осваивает внешний по отношению к нему природный материал, превращая его, по выражению Ф. Энгельса, в свое «неорганическое тело», так же человек должен освоить свой внутренний естественный материал, свои тело и душу, подчинив соматические и психические процессы разумному началу.

Социализация индивида в онтогенезе человека – это процесс, начинающийся в младенчестве и не прекращающийся в течение всей жизни. Протекает этот процесс как последовательное освоение индивидом основных элементов социальной системы.

Процесс освоения социальности начинается с овладения, *во-первых*, своим собственным телом, когда шаг за шагом вырабатываются человеческие поза и осанка, походка и действия руками и пальцами, мимика и жестикуляция. Овладение телом может продолжаться всю жизнь в виде занятий физкультурой и спортом, закаливанием и оздоровительными комплексами, наконец специальными методами ауто-тренинга, самовнушения и медитации.

Следующей, *второй ступенью* социализации индивида становится освоение вещей. Начинается этот процесс с манипулирования предметами обихода – игрушками, одеждой, посудой, мебелью; продолжается научением пользоваться инструментами – иглой и молотком, станком и машиной, на производстве и в быту, и далее развивается как овладение многообразными природными и социальными объектами в качестве предметов труда с превращением их в предметы потребления.

Генетически *третьей ступенью* социализации индивида становится овладение знаками как заместителями, репрезентантами вещей. Причем необходимо подчеркнуть, что освоение знаков обусловлено предметной деятельностью, которая не просто предшествует знаковой деятельности по определению, но только и исключительно может формировать смысловые контексты знаковых систем. Освоение знаков происходит в форме овладения языком, разговорной речью, и на этой основе впоследствии будут надстроены другие языки: письменность, формулы и чертежи, разнообразная символика, искусственные и иностранные языки.

Наконец, *в-четвертых*, социализация индивида разворачивается как освоение им общественных институтов, в которых уже сам человек выполняет знаковые функции, играет ту или иную социальную роль. Вообще любая общественная организационная форма – институт, учреждение – может быть определена как относительно замкнутая и автономная совокупность социальных ролей, в которых человек выступает как превращенная форма персонифицированной предметности, как внешним образом зафиксированная матрица, стереотип человеческого поведения, принявший статус социального образца и ставший в силу этого нормой. В каждой социальной роли человеку *надлежит* вести себя вполне определенным образом. Освоение институциональной предметности начинается в форме ролевых игр: в маму и детей, в тетю врача, в космонавта; продолжается как живое непосредственное участие в реальных социальных формах: сын или дочь в семье, ученик в школе, форвард в команде, солист в хоре, студент в университете – и не заканчивается до конца жизни.

Кроме того, колоссально расширяются возможности освоения человеком окружающего мира, если учесть, что по типу реальных взаимодействий в духовном мире личности строится множество идеальных моделей: мысленно он может представить себя в другом облике; в самых различных возможных и невозможных ситуациях; в любой, даже фантастической обстановке; разных, даже реально недостижимых ролях. То, что невозможно реально, доступно человеку идеально с помощью знаковых моделей, мысленных образов. Перевоплощение, которым он широко пользуется, расширяя духовное пространство своего существования и проигрывая мысленно нереализованные возможности персонификации общественных отношений, делает человеческую личность практически равномошной всему социуму.

Человек, таким образом, выступает как универсальный носитель качества социальности и, следовательно, как наиболее трудоемкий, а значит и наиболее ценный продукт общественного производства. В идеале именно человек должен рассматриваться как главная ценность культуры в социальной системе.

Вместе с тем необходимо констатировать, что как в истории человечества, так и в современном состоянии общества ценность человека реализовывалась либо частично, либо подменялась превращенными формами. Основные усилия устремлены на создание вещей в виде богатства; знаков в виде знаний; образов морали, религии или искусства;

институтов в виде политической власти или организационной иерархии. Человек в таком обществе используется односторонне как средство осуществления чуждых ему, внешних для него целей, а потому действует по принуждению и лишь в силу необходимости.

Такое отношение к человеку безрассудно расточительно, оно оставляет втуне неограниченные потенциальные возможности свободной личности, которые может реализовать только общество, в котором человек будет поставлен на вершину ценностной иерархии. Такое общество будущего К. Маркс, к примеру, определяет «как подлинное *присвоение человеческой сущности* человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства достигнутого развития, возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т. е. *человечному*».

Философские аспекты проблемы сознания. Материалистическая традиция в философии полагает, что сознание – это философская категория, определяющая высшую форму отражения действительности, способ отношения человека к миру и самому себе, опосредованный общественно-исторической деятельностью людей. Согласно данному определению *сознание* – это философская категория, определяющая высшую форму отражения объективной действительности.

Отражение – это всеобщее свойство *материи*, заключающееся в воспроизводстве признаков, свойств и отношений отражаемого объекта. Неживая материя обладает свойствами механического, физического и химического отражения. Живая материя плюс к указанным обладает свойством раздражимости. Высшие животные – инстинктами. И только человеку на Земле присущи объектность и осмысленное отражение окружающего его мира, опосредованные всеобщей общественно-исторической деятельностью, культурой, наукой и т.д.

Сознание адекватно отражает действительность, реализуется в практической и теоретической деятельности человека. Эта реализация предполагает определение и формулирование цели или идеи. Идея – это не только знание того, что есть, но и прогнозирование того, что должно быть. Это понятие, ориентированное на практическую реализацию. Человеческая мысль способна не только отражать существующее, но и отрываться от него. Бесконечно многообразный объективный мир, всеми своими красками и формами отражаясь в сознании человека, образует менее сложный многообразный, изменчивый мир сознания. В этом причудливом царстве духа движется, изменяется и творит

человеческая мысль, формируются верные и иллюзорные представления. Мышление движется по готовым, созданным предшественниками каждого поколения людей шаблонам, и прокладывает новые пути, ломая устаревшие нормы. Оно обладает чудесной способностью новаторства, творчества.

Сознание – это свойство не всей материи, а лишь высокоорганизованной: человеческого мозга. Сознание не только и не столько результат биологического развития материи, сколько продукт общественно-исторической практики, оно имеет социальный характер. Материя и сознание находятся в диалектическом единстве и взаимосвязи: материя и материальные условия (общественное бытие) порождают и определяют сознание, сознание же, получая в своем развитии относительную самостоятельность, активно, через материальную деятельность людей в свою очередь воздействует на материю (в том числе на общественное бытие), становится силой, преобразующей ее.

Источником сознания человека являются его общественные отношения и связи, а их основой выступает труд. Человек в отличие от животных – это общественное существо, его сознание формируется по мере развития всего общества и по своей сущности оно социально. Конечно, чтобы стать обладателем сознания, человеческий индивид должен родиться с человеческим мозгом, но наличие мозга создает лишь возможность возникновения нового свойства. Сознание должно сформироваться под воздействием социальной среды: известно около 1500 случаев «воспитания» детей животными, и хотя эти дети имели человеческие генотип и головной мозг, но сознанием не обладали. Человек становится человеком через связи и отношения с другими людьми – обществом и прежде всего – через трудовые отношения.

Кто же мыслит: человеческий мозг или человек с помощью мозга? В известном романе А. Беляева «Голова профессора Доуэля» приводится версия: мыслит человеческий мозг. Он может мыслить даже без человека. С такой позицией трудно согласиться. Процесс мышления начинается с ощущений человека. Сигналы от них поступают в спинной мозг человека и через него в головной мозг.

Таким образом, современная наука дает возможность сделать следующие выводы.

1. Возникнув как результат развития материи, сознание не может существовать и не существует помимо высокоорганизованной материи, свойством которого оно является. Русские физиологи И. М. Сече-

нов и И. П. Павлов установили, что всякая психическая деятельность в своей основе имеет материальные – физиологические процессы, протекающие в человеческом мозге. Установлено, что нарушение мыслительной деятельности человека вызывается заболеванием или травмами мозга.

2. Мысль не тождественна предметам, которые она отражает. Мысль по своей природе идеальна, а предметы материальны. Мысль, идеальное – это продукт деятельности мозга, система знаний, но они определяются предметами и явлениями материального мира. Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней. Следовательно, идеальный образ объективен по содержанию и субъективен по форме, ибо складывается в голове субъекта, отражающего и материально изменяющего мир в процессе практической деятельности (субъективный образ объективного мира). Субъективное в сознании исходит от субъекта, зависит от его особенностей, объективное принадлежит объекту материи. Таким образом, в сознании взаимодействуют две стороны – субъективная и объективная.

В сознании отражаются не только предметы внешнего мира, но и собственное «Я» познающего субъекта. Познающий субъект отделяет себя от остального мира и на этой основе возникает самосознание. Самосознание – это осознание человеком своих действий, чувств, мыслей, мотивов поведения, интересов, своего положения в обществе, т. е. осознание себя как личности. (Самосознание порождает такие морально-этические связи, как чувство совести, собственного достоинства, долга перед людьми и др.)

Следует иметь в виду, что в сознании нет абсолютно точного и полного, вполне адекватного отражения действительности, поскольку в нем всегда присутствует элемент, привносимый человеком, – элемент субъективности (преувеличение, преуменьшение, переоценка, недооценка, достройка объективного содержания познаваемого объекта).

Итак, природа сознания – в отражении действительности, в единстве объективного и субъективного. Сознание присуще человеку как функция его мозга, заключающаяся в целенаправленном, активном отражении объективного мира, которое является результатом длительного биологического и социального развития человека.

3. Различие между материей и сознанием не абсолютно, абсолютная противоположность материи и сознания имеет смысл лишь в пределах основного вопроса философии, при выяснении проблемы: что первично, что вторично? За этими пределами их противопоставление становится относительным, ибо сознание есть свойство высокоорганизованной материи, продукт ее развития. В реальной же человеческой деятельности цель действия как образ будущей действительности предваряет саму деятельность, и сознание оказывается первичным по отношению к будущей реальности.

Генезис сознания. Сознание сложилось вместе, одновременно с формированием человека, ибо нет и не было человека без сознания, нет и не было на Земле сознания без человека. Сознание это важнейший атрибут, отличительная черта человека, отличающая его от всего живого на нашей планете.

Имеют место три позиции возникновения человека и его сознания. Первая – позиция религии, возникла в глубокой древности. Согласно ей – человека создал господь Бог. «И сотворил Бог человека по образу своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину – сотворил их». Вторая позиция – выдвинута и обоснована Ч. Дарвином во второй половине XIX века. Это позиция антропогенеза: процесс историко-эволюционного формирования физического типа человека, первоначального развития его трудовой деятельности, речи, а также общества. Третья позиция – космическое происхождение человека. Она возникла в период полетов человека в космос. Высказываются два направления по этой позиции. Первое – некогда на Землю прибыли инопланетяне, но улететь обратно не смогли. От них и произошел человек. Аргументы: на египетских пирамидах выбиты фигуры, напоминающие экипировку современных космонавтов. Далее – если подняться на высоту птичьего полета над Южной Америкой – можно увидеть следы гигантских плановых разметок территории. Другое направление – человечество было поселено на Земле инопланетянами с экспериментальной целью.

Наиболее научно обоснованным представляется теория антропогенеза. Но и она имеет слабое звено: отсутствие достаточно доказательного переходного звена от животного к человеку.

Согласно современному пониманию антропогенеза человек произошел не просто от обезьяны, а от специфического обезьяноподобного животного – гоминида. Гоминиды спустились с деревьев на землю,

видимо из-за недостатка корма на деревьях, что повлекло за собой ряд последующих изменений в жизни и организме предков человека.

Прежде всего – это переход к прямохождению, который обеспечил расширение кругозора и освобождение передних конечностей с последующим изменением их роли в жизни гомоида. Освободившаяся конечность из органа опоры превращается в орган, позволяющий выполнять различные трудовые операции, т. е. в руку. Свободная рука стала целиком использоваться (на первых порах) для применения найденных в природе готовых «орудий». Действие с природными орудиями труда совершенствовало руку, она приобретала все большую ловкость движений, изменялось и ее анатомическое строение. Совершенствование руки и ее операционных навыков, использование готовых орудий привело к новому качественному скачку в развитии наших предков – переходу к изготовлению первых орудий труда. Это неизбежно должно привести к переходу от простой жизнедеятельности к человеческому труду – сознательной целенаправленной деятельности. В ней особое место занимает процесс изготовления предком человека орудий труда.

В этом процессе все более совершенствуется человеческий труд и постепенно исчезают его животные формы. Осознание необходимости производства орудий труда и их назначения, конечных целей трудовых операций неизбежно делало труд общественным. Именно с тех пор, как труд стал человеческим, он в то же время стал общественным, первобытные люди вынуждены были действовать сообща, коллективно, а не изолированно друг от друга.

В совместном труде и была заключена причина возникновения первой формы общественной организации людей – рода, родовых связей и отношений. Это объясняется тем, что в процессе трудовой деятельности первобытных людей развивались не только операционно-технические функции сознания по отношению к объекту труда, но и отношения людей друг к другу, их производственные отношения.

Процесс становления человеческого рода как социальной организации одновременно был процессом подавления животных инстинктов. Род становился не только носителем производственного опыта, но и социального опыта поведения людей, норм и правил поведения в первобытном коллективе. Именно здесь истоки возникновения нравственно-эстетических норм поведения первобытных людей, а также отдельных форм общественного сознания.

В процессе перехода к человеческому труду, от стада к роду животная система сигналов преобразовывалась в человеческий язык и речь.

Люди не могли производить, не вступая в определенные связи, не передавая друг другу опыт, унаследованный от предков, и свой опыт, знания и умения. Именно на этой основе возникает потребность в более совершенных знаках, понятиях, представленных в форме слов, ритуалов, рисунков – возникают человеческие языки и речевая форма общения.

Язык – это система знаков, служащих средством общения между людьми, средством мышления и выражения мысли. Речь – это материализация мысли. Мысль, язык и речь – специфически человеческие средства хранения и передачи информации.

Человеческая речь, как и речевой аппарат, является результатом длительного исторического развития. Язык и сознание существуют в единстве и неразрывной связи. Язык выступает средством общения между людьми, средством обобщения и логического анализа.

Язык есть непосредственная действительность мысли. Слово – это материальная и, следовательно, доступная для восприятия форма передачи мыслей, но слова могут выражать мысль только в логически стройной системе. Речь – это наиболее распространенная и естественная форма бытия сознания. По мере развития абстрактного мышления язык становится более разнообразным и одновременно более формализованным.

Наряду с развитием естественного языка возникают, развиваются искусственные языки: языки науки (математики, физики, химии, географии, кибернетики), языки искусства (живопись, музыка, балет) и т. д.

Структура сознания. Сознание человека не пассивно, а активно. Человек отражает внешний мир не в пассивном созерцании, а в процессе активной преобразующей деятельности. Сознание человека – это такая духовная деятельность, которая направлена на активное творческое преобразование действительности. Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит, изменяет его посредством практической деятельности. Творческая работа сознания органически связана с практической деятельностью человека и его потребностями. Потребности человека – это социально обоснованные нужды в достойном обеспечении жизнедеятельности организма и духовного развития.

Потребности определяют интересы людей. Собственно, интересы это не что иное, как осознание потребности. Интересы в сознании приобретают характер замысла или идеи. Идея – это не только знание того, что есть, но и основа планирования того, к чему человек стремится. Это понятие, ориентированное на практическую реализацию. Потребности, интересы и идеи определяют цели. Цель – это идеализированное мысленное предвосхищение результатов деятельности. В качестве непосредственного мотива она направляет и регулирует человеческую деятельность. Важная сторона активности сознания – самосовершенствование. Люди, как правило, стремятся перейти в новое состояние, стать совершеннее, изменить себя и свою деятельность, сделать жизнь лучше. Конструирование будущего состояния человека, общества и превращение этой идеальной модели в действительность составляют сущность творческой активности человека.

Понятие сознания неоднозначно. Структура сознания включает в себя целый ряд компонентов. Прежде всего под сознанием понимается осознание, отражение действительности, независимо от того, на каком уровне оно осуществляется: естественном или социальном, чувственном или рациональном. В данном аспекте имеется в виду отношение сознания к материи без выявления специфики его структурной организации.

В структуру сознания входит осознание вещей и явлений. Это не просто отражение вообще. Это высшая, чисто человеческая форма отражения действительности, а также переживание, т. е. определенное отношение к содержанию того, что отражается, переживание по этому поводу. Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, это – знание. Развитие сознания предполагает прежде всего обогащение его новыми знаниями об окружающем мире и о самом человеке. Познание мира имеет различные уровни, глубину проникновения в объект и степень ясности понимания. Отсюда обыденное, научное, философское, эстетическое и религиозное осознание мира. А также чувственный и рациональный уровни сознания.

Ощущения, восприятия, представления, понятия, мышление образуют ядро сознания. Однако все это не исчерпывает его структурной полноты. Сознание включает в себя апперцепцию. Всякое восприятие нового каждый человек пропускает через свой опыт, через свой менталитет и в связи со всем этим определяет свое отношение к полученной информации.

Сознание включает в себя убеждения и волю. Убеждения выражают отношение субъекта к познанному объекту. Они возникают и укрепляются там, где знания верно отражают объективные процессы развития действительности. Убеждение – это вера, основанная на научном знании, на объективной истине. (Конечно, убеждения могут быть основаны либо на слепой вере, либо на несовершенном, ошибочном знании.) Однако это зависит от достигнутого уровня развития познания и социальных условий, в которых оно осуществляется.

Важная сторона сознания – это эмоции, переживания. Эмоции выражают связь знаний и убеждений с управлением человеческой деятельностью, направленной на достижение определенной цели, на превращение идеальных конструкций в действительность. Осуществление этих моделей всегда связано с управлением как самим собой, так и другими людьми, а это в свою очередь всегда связано с переживаниями – эмоциями. Они возникают на основе тех противоречий и сложностей, которые неизбежно встречаются на пути достижения поставленной цели.

Важнейшим компонентом сознания является самосознание. Человек мыслит и в большей или меньшей мере знает себя. Он отдает себе отчет в том, что делает, думает, чувствует. Он осознает себя как личность. Самосознание – это осознание человеком своих действий, чувств, мыслей, мотивов поведения, интересов, своего положения в обществе. Самосознание формируется во взаимодействии человека с другими людьми, с миром через свою практическую деятельность. Вместе с тем человек осознает себя не только посредством других людей, но и через созданную им материальную и духовную культуру.

Самосознание тесно связано с рефлексией. Рефлексия – это принцип человеческого мышления, направляющий его на осмысление и осознание собственных форм, предпосылок, предметного рассмотрения самого знания, критический анализ его содержания, методов познания. Это расширение духовного мира человека.

Познавая себя, человек не остается таким же, каким он был прежде. Самосознание это не духовное зеркало. Это ответ на зов общественных условий жизни, которые требуют от каждого человека, чтобы он умел оценить свои поступки, слова, мысли с точки зрения определенных социальных норм. Жизнь своими строгими уроками требует осуществлять самоконтроль и саморегулирование.

Моделирование сознания. На рубеже XX и XXI веков человечество подвергает анализу и переоценке многое из того, что определяло его развитие на протяжении последних десятилетий. Что должно взять в новый век, а что надо отбросить, что нуждается в изменении или переоценке для обеспечения поступательного прогресса цивилизации? Научно-технический прогресс сделал за сравнительно короткий отрезок времени огромный рывок вперед в овладении тайнами природы и в их практическом использовании: теория относительности, квантовая механика, ядерная физика, химия полимеров, информатика, молекулярная биология, геновая инженерия. И, наконец, кибернетика, компьютерная техника. Применение компьютеров позволяет в десятки раз повышать производительность труда вообще и умственного труда в особенности. В связи с этим встает вопрос: есть ли пределы моделирования человеческого сознания и, если есть, каковы они?

Знаменитый английский физик *Стивен Хокинг* утверждает, что постепенно возникнет некое новое *суперсущество*, представляющее продукт вживления в организм человека более эффективных электронных заменителей – протезов в различные органы, вплоть до мозга. Более правильной представляется позиция академика *В. А. Садовниченко*: он категорически не верит в то, что в принципе возможно создать искусственный интеллект, сравнимый с мозгом человека. Компьютер всегда будет способен к анализу большего или меньшего конечного числа алгоритмов, а возможности человеческого мозга бесконечны. Компьютер будет все более приближаться к возможностям мозга, но смоделировать бесконечность не удастся никогда. Микросхемы не способны написать «Евгения Онегина», смоделировать лесные запахи, испытать любовь.

Как уже отмечалось выше: мыслит не мозг, а человек с помощью мозга. Человеческое сознание по своей природе социально. Оно включает в себя всю историю человеческой культуры. Значит, чтобы машина обладала сознанием, надо смоделировать и изготовить общество роботов, надо при этом сконструировать и изготовить машину, которая воспроизводила бы не только операционно-технические функции человеческого сознания, но и отношения мыслящих существ друг к другу.

Иными словами, речь можно вести не о создании чего-то, заменяющего человека с его сознанием, а о создании таких устройств, на которые можно будет переложить все большую часть операционно-

мыслительной деятельности человека, во много раз повысить ее эффективность. Именно моделирование отдельных сторон операционно-умственной деятельности человека и ее ускорение составляют необходимость и возможность моделирования. И в моделировании и производстве кибернетических устройств, производстве быстродействующих операций проявляется именно творческая активность сознания человека.

Человек в сферах бытия. Пути, уготованные человеку, его место в мире, сферы и судьбы его бытия – эти тайны жизни человека всегда занимали умы мудрецов, прорицателей и самих смертных, оказавшихся в этом мире. К тому, что говорилось о человеке в мифах, в религиозных, оккультистских, научных и философских учениях, добавлялись гадания прорицателей, парапсихологов, хиромантов, как и гадания на гороскопах, картах и др. Фантастика описывает жизнь и подвиги людей в космических, временных, параллельных и виртуальных сферах бытия. В соответствии с разными духовными канонами человеку предначертаны свыше вечная загробная небесная жизнь или бесконечные реинкарнации для земной жизни. На что же возможно реально рассчитывать человеку в его жизни, не впадая в самообман? Каковы сферы бытия человека в этом мире? Каким достойным смыслом человек может преисполнить свое бытие?

Наша планета и ее обитатель, человек, затеряны малой песчинкой в бесконечном космосе как реальной форме бытия. Для человека его бытие – это его жизнь от рождения до смерти. Бытие человека, как настаивает философ-экзистенциалист *М. Хайдеггер*, временно в этом мире, это бытие от рождения к смерти. Ему вторит философ-экзистенциалист *Ж.-П. Сартр*, доказывая, что до рождения человека бытия не было, поскольку было «ничто», и что после смерти человека бытия не будет, поскольку будет также «ничто». Пессимисты думают: летай или ползай – конец известен, все в землю лягут, все прахом будет. Человечество – преходящая плесень на поверхности затерянной планеты, обреченной на гибель космического остывания.

Однако философии, духовной культуре в целом всегда был свойствен оптимизм. Для философов Человек и Бытие – многопланово присутствующие объекты мира. И это потому, что человек – кардинально значимое звено всех сфер бытия. Бытие чревато человеком, мироздание потенциально *антропно*. Антропно не в виде конкретной цели, но в виде космически редких реальных возможностей появления

в галактиках и Вселенных разных состояний жизни, видов разумных существ, их различных коммуникативных сообществ. Антропность бытия связана с потенциально антропной сущностью материи, субстанции, субстрата мира. Человек погружен в сферу природного бытия. Общество, человечество обречены со своими сферами социального и исторического бытия. Индивид плывет, купается, барахтается в потоке своего личного бытия. В философии, религии, искусстве для человека и человечества открывались высокие смыслы для сфер их геокосмического, природного, социального, исторического и личного бытия.

Категория бытия у философов наполняется особенным набором онтологических смыслов. Категорией бытия обозначают разные субстратные и особенно процессуальные, длящиеся виды реалий, независимые или связанные с потенциальным, реальным или возможным соприсутствием человека, общества людей, человеческой жизни. Это Вселенная и природа Земли, хаос и гармония, неживое и жизнь, материя и дух, движение и эволюция, свойства и качества вещей, реальное и возможное, силовое и смысловое, материальное производство и социокультурная среда, внешняя материальная и внутренняя духовная жизнь индивида, рождение, жизнь и смерть как поток реалий или как факторы жизни людей.

В трактовках сущности бытия версии философов, как известно, разделились на материалистические, идеалистические, дуалистические; на естественные и сверхъестественные. У материалистов сущность бытия – это естество, натура, материя, субстанция, субстрат мира, сущность этого мира. Материя – это объективная, естественная реальность. Однако в эзотерическом философском мировоззрении встречается форма сверхъестественного материализма, где субстратом мира признаются энергия и материя, вещество и где материя подразделяется на физическую, грубую и тонкую (эфирную, ментальную, астральную), которая соответствует духовному. Мировой дух, бог, космические иерархии – носители высших энергий, тонких материй, стратегий и проектов мира. У идеалистов сущность бытия обычно ассоциируется с противоположным духовным, идеальным, смысловым планом мира, который полагается главным в отношении материального плана бытия, материальной природы. Духовный план мира наполняет смыслом космическое и земное бытие человечества и отдельных людей. Мировой дух, Бог, абсолют – средоточие особого, сверхъестественного смысла

мира и бытия человека. Довольно распространенной оказалась философия дуализма, где сущность бытия рассматривается двойственной, в качестве равнозначного единства двух субстанций мира – материальной природы и мирового, божественного духа, либо в виде единой субстанции мира как единства материального и духовного ее начал. В первой версии дуализма духовной субстанции обычно приписывается сверхъестественный, божественный смысл, тогда как во второй версии дуализма субстанция более естественна, хотя и здесь ей порою приписывается некоторый сверхъестественный, божественный смысл (у *Б. Спинозы*, у *П. Тейяра де Шардена*).

Вопрос о сущности человека в философии оказывается связанным с вопросом о сущности бытия. Сущность человека обычно трактуется посредством выяснения сфер бытия человека, которые своей сущностью определяют те или иные планы существования человека. Таким образом, выявляется, что сущность человека геокосмическая, биологическая (биосферно-родовая), социальная (цивилизованная, культурная, историческая). При этом философы по-разному трактовали сущность человека, делая акцент то на одних, то на других ее планах. Так, философы – сторонники теологических, оккультных, эзотерических взглядов – трактуют сущность человека как мистико-космическую. Напротив, *А. Шопенгауэр*, *Ф. Ницше*, *З. Фрейд* видели в человеке прежде всего его биологическую сущность. *Л. Фейербах* полагал человека и биологическим, и культурным существом. По Фейербаху, разум человека – это наука, его чувства – это искусство, его сердце – это религия. *К. Маркс* трактовал сущность человека как родовую, цивилизованную (экономическую, классовую, политическую, идеологическую), историческую.

Думается, человеческой сущности свойственны все эти планы вместе в их естественно-научной трактовке. Человек – существо геокосмическое, биологическое, социальное (цивилизованное, культурное, историческое). Соответственно этому можно сказать, что человек погружен в сферы геокосмического, биологического (биосферно-родового), социального (цивилизованного, культурного, исторического) бытия, которые своей сущностью налагают печать на общую сущность человека, на смыслы его бытия.

Материальное само по себе – это вид реальности, не окрашенный смыслом духовного. Духовное – это вид реальности, несущий в себе смысл и сообщающий смысл всему окружающему. Человек как суще-

ство одухотворенное проецирует на окружающий мир смыслы своей жизни, выделяя в мире осмысленные сферы своего бытия и наделяя их ценностью. Бытие – часто осмысленные человеком сферы реальности. Смысл – субъективное содержание сознания, духовности человека, которое наполняется и объективным содержанием в целях обеспечения биологического выживания и социального прогресса в мире людей.

Исходным, базовым в образовании систем, структур, отношений социального является смысл, порожденный сознанием и существующий в сфере личного бытия людей. Смысл по своим модальностям бывает чувственно-эмоциональным, рациональным (идейно-понятийным), операционно-волевым (практическим, поведенческим) и смешанным. Смысл опредмечивается вовне, обретает знаковые носители и существует в обществе в виде разнообразных семиотических (знаково-смысловых), языковых систем. Смысл обращается в обществе, циркулируя в виде звеньев таких семиотических систем. Смысл в обществе выступает в роли средства организации людей в различные коммуникативные деятельностные системы с коллективной рефлексией: семьи, производственно-хозяйственные организации, этнические общности, классы, слои, группы, государственно-властные, идеологические, культурные структуры с их ценностными нормами, функциями, языками, целями, стратегиями деятельности, которые все вместе и составляют метауровень коллективной рефлексии этих систем.

Исходной базой в формировании системы сфер бытия человека оказывается область его личного бытия. Личное бытие человека погружено в космическое, земное, биологическое и социальное бытие, современное и историческое. Личное бытие – это поток жизни, в котором слиты внешний, материальный и внутренний, духовный его планы. Оба плана личного бытия одинаково самоценны, поскольку материальный план обеспечивает саму жизнь человека, тогда как духовный план придает ей смысл. У человека в состоянии комы утрачен смысл жизни, это – живой труп. Материальный и духовный планы личного бытия равноценны в самой его сущности. В то же время в смысловом наполнении жизни для одних людей важнее их материальная жизнь. Их называют прагматиками, материалистами. Для других важнее их духовная жизнь, духовные ценности. Их называют интеллигентами, идеалистами, донкихотами, мечтателями, романтиками, фантазерами, людьми не от мира сего. У третьих гармонически сочетаются и материальный, и духовный планы потока жизни.

Жизнь человека наполнена не только счастливо-радостной чувственностью: она обильно насыщена трагическими явлениями и событиями, негативно-страдательными переживаниями. Утраты, неудачи, неприятности, драмы, трагедии, болезни, боли, страхи, печали, отчаяние, смерть – обычные спутники жизни человека. Фоном счастья является негативная чувственность, вне контраста с которой одни позитивные переживания становятся пресыщенной обыденностью. С феноменом страдания связан ряд высоких чувств человека, таких, как грусть, печаль, сердечная боль, сострадание, милосердие, жертвенность, сочувствие, человечность. Без культуры темных чувств, негативных эмоций, душа бывает бедной, бесчувственной, сухой.

Что человек в своем бытии всю жизнь находится в обществе страдания и трагизма – это было своеобразно осознано и выражено еще в буддизме, а затем – в экзистенциализме. Это во многом определяет установки, цели, приобретения и потери, судьбу и личный смысл жизни человека. Это могут быть чувства эгоизма, лени, изживенчества, достоинства, порядочности, любви, семейного и личного счастья, честолюбия, властолюбия, любви к творчеству, материнства, жертвенности, чревоугодия, состояния хмеля, наркотического угара, любви к искусству и многие другие.

Человек переживает счастье и драму жизни, прекрасный и трагический ее смысл, но для человека крайне важно, чтобы в ценностных красках бытия доминировали солнечные краски счастья, а не темные тона беспросветного трагизма. Человек переживает веру или неверие в доброе и счастливое предназначение его жизни, веру в то, что он рожден для счастья, а не для трагедии жизни. И человек решает, стоит ли ему жить в этом мире, принимать ли свою судьбу, дарованную жизнью, или отвергнуть ее как несостоятельную и непереносимую по ценностному смыслу.

Особо важным смыслом бытия человека оказывается переживание им приобщенности к сфере или одинокой отстраненности от сферы коллективной, семейной, родовой жизни. Это переживание любви, родственных чувств, семейной атмосферы взаимной заботы, поддержки, сопереживания, доброты, милосердия или переживание одиночества, неполноценности бытия в отстраненности от родовой жизни людей. Любовь возвышает человека, пробуждая целую гамму лучших чувств. Любовь связана с выделением любимого человека и превращением его в избранный уникум. Любовь тяготеет к слиянию обособленных не-

полноценных потоков родового бытия в слитый полносмысловой поток жизни и судьбы любящих. Любовь – феномен цивилизационный и культурный.

Поэтому следует верить в добрую разумность жизни. Лучшее намерение – быть оптимистом в отношении перспектив своей жизни и верить в свою волю, таланты, трудолюбие и т. д. В жизни есть превеликое множество всего того, что может сделать человека счастливым и наполнить достойным смыслом его бытие.

К Контрольные вопросы

1. Какие начала включает в себя синтетический способ существования человека?
2. Какие стадии проходит процесс социализации биологического индивида?
3. Что такое личность? Каковы ее характеристики?
4. Что представляет собой индивидуальное сознание?
5. Какую роль в сознании играет мышление?
6. Чем обусловлена свобода воли человека?

К Задания для самостоятельной работы

1. Раскройте содержание принципа комбинаторности в формировании личности.
2. Проанализируйте ситуации типа «Маугли».
3. Проанализируйте ситуации типа «Робинзон».
4. Выясните особенности воспитания слепоглухих детей как яркий пример сути социализации индивида.
5. Рассмотрите технические средства моделирования интеллекта.
6. Определите качество разумности.

К Литература

1. Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Человек: энциклопед. словарь. – М., 2000.
2. *Тэйяр де Шарден Пьер*. Феномен человека. – М., 1987.
3. Чешев В. В. Человек как мыслящее существо. – Томск, 1999.
4. *Феномен человека*. Антология. – М., 1993.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Философия – это теоретическое ядро мировоззрения, форма самосознания общества, основа его самоидентификации. Именно в философии общество пытается понять само себя, выразить свои чаяния и надежды, определить опасности и артикулировать опасения, сформулировать прогнозы и наметить программы действий. Философия – это та идеология, в которой выражен менталитет человечества.

Современное человечество – весьма противоречивая общность: в многоголосый и разноречивый хор вступают расы и нации, религии и конфессии, метрополии и колонии, буржуа и пролетарии, Запад и Восток, Север и Юг, деспотизм и свобода, тоталитаризм и анархия, варварство и цивилизация – и несть им числа. Вместе с тем усиливается понимание той непреложной истины, что у нас, людей, один на всех мир, одна планета, один социум, одна история и одна судьба. Никакой человек и никакая общность не могут сказать: остановите Земной шар, я хочу сойти.

Глобальная тенденция современной истории человечества, признаваемая всеми, – это интернационализация общественной жизни. Атомная бомба, транснациональные корпорации и спутниковая связь явились тремя китами формирующегося человеческого единства. Просматривается якобы историческая магистраль: объединенное человечество. С другой стороны, мы видим и мощные процессы дезинтеграции и сепаратизма. Можно понять активное неприятие таких процессов. Так, А. Печчеи в своей острополюемической книге «Человеческие качества» даже называет сохранение национального суверенитета «синдромом ненормального культурного развития». Вместе с тем простое

отрицание не снимает проблемы объяснения исторических и политических реалий.

Тенденция исторической интеграции человечества оценивается, с одной стороны, весьма оптимистически, в форме идейной конструкции *мондиализма*. Так, к примеру, американский политолог и футуролог Ф. Фукуяма в работе с претенциозным названием «Конец истории», как у знаменитой книги Д. Белла, рисует образ будущего единого общества, в котором процесс истории приобретает характер однонаправленного: мировая организация нормализует конфликты, и хотя различные события, даже бурные, могут и будут происходить, но кроме рыночной модели с либеральной идеологией – на базе идеала свободы – ничего нового уже не будет. Схема достаточно проста: интеграция есть прогресс, а прогресс – это распространение на весь мир сегодняшней «передовой» модели.

О подобной методике известный российский философ М. А. Киссель писал, что история, понятая в натуралистическом духе, как исключительно объективная цепь событий, сама по себе есть иллюзия позитивистски мыслящего ума, абстракция, отождествленная с реальностью. Человечество отнюдь не марширует стройной колонной в светлое будущее коммунистического или либерального рая, кто бы к нему ни призывал.

Историческое мессианство – известная болезнь. Ею страдали такие религиозные идеологии, как христианство и ислам; такие этнические движения, как расизм, национализм и шовинизм; такие светские экономические и политические доктрины, как коммунизм или фашизм. Похоже, что этой болезнью в эйфории от победы в «холодной войне» заразилось западное «общество свободного предпринимательства». Именно в этом ключе трактуется процесс синтеза общечеловеческой цивилизации как процесс унификации жизни народов и государств, подгоняя их под общий шаблон, на роль которого претендует современный Прокруст за океаном, на сегодняшний день самый сильный и самый богатый, и все, что под этот шаблон не подходит, объявляется «тупиками» исторического развития.

Расхождение позиций и оценок исторической реальности и перспектив ее модификации раскладывается на полярно-двойственные, экстремальные тенденции, наблюдаемые в историческом процессе. Это интеграция и дезинтеграция человеческих общностей в любом масштабе от регионального до глобального, своего рода притяжение и

отталкивание, а также унификация, стандартизация социальных субъектов и ценностей культуры и в то же время обособление, самобытность, своеобразие – своего рода рост энтропии и обеднение культуры и, напротив, рост информации, обогащение содержания социальной жизни различными ценностями.

Утверждение в духе культурно-исторического релятивизма о принципиальном различии путей истории культур и народов, помимо фактологического и эмпирического несоответствия действительности, сталкивается с проблемой целостности социума. Ярко выраженная в поэтической форме сентенция Р. Киплинга: Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись – она разверзает между человеческими общностями пропасть такую же, если не более глубокую, чем между людьми и дельфинами или людьми и Океаном Соляриса.

Однако совершенно очевидно, что людей объединяет в социальную систему отнюдь не возможность биологического скрещивания, а сам способ существования, смысл которого заключается в культурной деятельности, в созидании мира ценностей, искусственного мира ноосферы, техногенной цивилизации. В отношении «культуры» к «натуре», в отношении «исторической» природы к «доисторической» и «внеисторической» природе все люди тождественны друг другу, невзирая на всю массу внутрисоциальных различий.

Аналогичным образом обстоит дело с унификацией и самобытностью. Общее и особенное – это пределы, к которым можно сколько угодно стремиться и даже приближаться к ним, но достижение которых столь же невозможно, как квадратура круга или шаг за горизонт.

Мы можем неограниченно заимствовать и перенимать друг у друга, но никому из нас не дано стать кем-либо другим, ибо соответствующее место в социальном пространстве уже занято, и каждый должен разработать свой участок, прожить индивидуальную жизнь, будь то человек или народ. И наоборот: можно всячески подчеркивать своеобразие той комбинации, в которую сложились элементы социума, породив ту или иную душу или культуру, но разница будет не больше, чем между картинками калейдоскопа, составленными из тех же самых стекол.

Интересно, на наш взгляд, и то, что между указанными парами социальных асимптов, экстремальных состояний, имеет место вполне определенный параллелизм.

Усиление тенденции интеграции в той или иной социальной среде с необходимостью влечет возрастание унификации и нивелировки, что

приводит к упрощению, даже примитивизации соответствующего социального субъекта и застою в его развитии. Такими чертами отличаются и монотон, фанатик – на уровне личности; и замкнутая каста, исповедующая принцип автаркии – на уровне массы; и тоталитарное государство, стремящееся насадить стандартную модель поведения граждан – на уровне общества.

Усиление же тенденции разделения, автономии социальных субъектов, оцениваемое негативно в силу нарастания массы различий и установления искусственных перегородок между людьми, имеет своим следствием рост разнообразия, возникновение множества вариантов и альтернатив, а следовательно, возможность свободного формообразования и заготовки впрок оригинальных моделей исторического развития.

Такова печальная диалектика истории: быть единым человечеством, но при этом пить кока-колу, жевать сникерсы, танцевать ламбаду и смотреть новости CNN, или же сохранять самобытность, пить квас, хлебать щи, плясать камаринскую, слушать сообщения Информбюро и при этом ошестиниваться ракетами, вести идеологическую борьбу и воздвигать «железный занавес». Увы: и то, и другое – одинаково плохо.

Философия должна помочь людям научиться говорить друг с другом, понимать друг друга, соседствовать на Земле и в душе, сравнивать свой опыт с чужим, обогащать свою жизнь ценностями других культур, хранить наследие прошлых поколений и умножать добро, которое можно будет завещать детям и внукам. Такова моральная мудрость, которая есть дополнение и другая сторона мудрости интеллектуальной: не плакать, не смеяться, а понимать.

ГЛОССАРИЙ

Агностицизм – философская позиция, отрицающая познаваемость мира.

Антропоцентризм – ориентация философии Возрождения на постижение человека; гуманизм.

Бог – олицетворение части мира, которой присущ сверхъестественный способ существования.

Бытие – категория, выражающая момент изменчивости, неопределенности, процессуальности любого фрагмента реальности.

Время – последовательность сосуществования событий как фрагментов реальности.

Гносеоцентризм – ориентация философии Просвещения на процесс познания; сциентизм.

Группа – вид социального субъекта, контактная совокупность нескольких людей как целое.

Движение – способ существования, характеризующий внешнюю изменчивость действительности, относительную и обратимую.

Детерминизм – принцип причинной обусловленности любого события.

Диалектическое мышление – способ теоретической деятельности, придерживающийся принципов историзма, развития и взаимосвязи суждений и признающий эвристическое значение противоречивых определений.

Дуализм – направление философской мысли, исходящее из признания равенства природного и духовного начал.

Духовные феномены – элементы сознания: мышление, память, воображение и др., связанные с функционированием языка, речью как формой общения.

Знак – вещь, замещающая собой другую вещь; искусственный предмет, репрезентирующий, представляющий объект человеческой деятельности.

Идеализм – направление философской мысли, исходящее из признания приоритета духовного начала.

Идеология – сфера общественного сознания, связанная с духовной деятельностью людей, производством образов действительности, функционированием знаковых систем.

Индивидуальность – комбинаторная характеристика человека, выражающая уникальность, неповторимость его как индивида и личности.

Искусство – форма мировоззрения, выраженная художественными, нацеленными на сопереживание, представлениями о действительности.

Истина – мера соответствия образов, представлений, идей их оригиналу в действительности.

История – процесс развития человеческого общества, эволюция цивилизации.

Коллектив – вид социального субъекта, опосредованная совокупность ряда людей как целостность.

Космоцентризм – ориентация философии Античности на постижение природы; натурализм.

Культура – опредмеченная совокупность результатов человеческой деятельности как обработка натуры; искусственный мир.

Личность – понятие, выражающее социальное качество человека, совокупность свойств, приобретенных в процессе воспитания. Человек как субъект деятельности.

Масса – вид социального субъекта, неконтактная общность множества людей по экономическим, этническим, демографическим, религиозным и пр. основаниям.

Материализм – направление философской мысли, исходящее из признания приоритета природного начала.

Материя – категория, выражающая момент устойчивости, определенности, вещественности любого фрагмента реальности.

Метафизическое мышление – способ теоретической деятельности, придерживающийся принципов формальной логики: определенности, непротиворечивости и однозначности суждений.

Метод – путь, способ достижения цели в некоторой деятельности.

Мировоззрение – совокупность представлений, образующих целостную умозрительную картину мира.

Мировосприятие – чувственный компонент мировоззрения в виде образов, схем, моделей.

Мироощущение – эмоциональный компонент мировоззрения в виде переживаний, настроений.

Миропонимание – интеллектуальный компонент мировоззрения в виде понятий, идей, концепций, учений.

Мифология – форма мировоззрения, выраженная синкретичными и антропоморфными представлениями действительности.

Мораль – форма общественного сознания, содержащая ценности и нормы поведения личности.

Мудрость – хорошо организованный, упорядоченный ум.

Народ – предельная общность людей относительно автономного социума (страна) независимо от социальной стратификации.

Наука – форма мировоззрения, выраженная реалистическими, основанными на убеждении в их истинности, представлениями о действительности.

Общество – часть мира, которой присущ искусственный способ существования.

Плюрализм – направление философской мысли, исходящее из признания множества начал и автономности единиц существования.

Политика – сфера общественной жизни, связанная с организационной деятельностью людей, производством социальных ролей и формированием учреждений.

Политоцентризм – ориентация философии современности на социальные технологии, управление обществом, гражданскую идеологию.

Право – форма общественного сознания, содержащая ценности и нормы институализированных, гражданских видов деятельности.

Природа – часть мира, которой присущ естественный способ существования.

Пространство – порядок сосуществования вещей как фрагментов реальности.

Психология – сфера общественного сознания, связанная с эмоционально-чувственными переживаниями людей, формированием настроений и ценностных ориентаций.

Развитие – способ становления, характеризующий внутреннюю изменчивость действительности, направленную и необратимую.

Религия – форма мировоззрения, выраженная фантастическими, основанными на вере в сверхъестественное, представлениями о действительности.

Сознание – совместное владение содержанием знаковых систем, социальный вид информации.

Социоцентризм – ориентация философии Классицизма на общество; этатизм.

Социум – человеческое общество как часть культуры, ноосфера, очеловеченный, техногенный мир.

Стратификация – дифференциация человеческого общества по экономическим, демографическим, этническим, идеологическим и пр. основаниям.

Теоретический – рассудочный, спекулятивный, имитационный уровень деятельности: действие с моделью, знаком.

Теоцентризм – ориентация философии Средневековья на постижение Бога; спиритуализм.

Техника – искусственное воплощение человека в естественном материале природы, продолжение и дополнение естественных орудий человеческой деятельности, инструментальная часть культуры.

Философия – теоретическое ядро мировоззрения, знание, имеющее рефлексивный характер и выявляющее взаимную дополнительность реалистических, фантастических и художественных представлений о действительности.

Ценность – мера затраты сил человека на освоение природных или социальных явлений и, тем самым, мера их человеческого качества и значимости, источник пристрастности к ним человека.

Цивилизация – этап развития социальной системы, гражданское общество.

Человек – персонификация части мира, которой присущ синтетический способ существования.

Экономика – сфера общественной жизни, связанная с хозяйственной деятельностью людей, производством вещей.

Эмпирический – опытный, практический уровень деятельности: действие с вещью.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Августин Блаженный Аврелий (354 – 430). Христианский богослов и философ, отец Церкви, создатель философии теоцентризма. – С. 76, 81.

Аксаков Константин Сергеевич (1817 – 1860). Русский публицист, историк, лингвист, поэт, идеолог славянофильства. – С. 76.

Анаксимандр из Милета (610 – 546 до н. э.). Античный философ-материалист, представитель Ионийской школы, творец учения о стихиях (апейрон). – С. 27, 28.

Анаксимен из Милета (585 – 524 до н. э.). Античный философ-материалист, представитель Ионийской школы, творец учения о стихиях (воздух). – С. 144.

Антисфен с Родоса (кон. 3 – нач. 2 в. до н. э.). Греческий философ-перипатетик, софист, историк и доксограф. – С. 8.

Аристотель (384 – 322 до н. э.). Величайший греческий философ и ученый. Член платоновской Академии, основатель Ликеей (школы), создатель классической логики. – С. 26, 34–36, 102, 118, 127, 144, 150, 170.

Барт Ролан (1915 – 1980). Французский литературовед, представитель структурализма. – С. 105, 106, 109, 110.

Бергсон Анри Луи (1859 – 1941). Французский философ и психолог, представитель интуитивизма и философии жизни. – С. 91, 94.

Бердяев Николай Александрович (1874 – 1948). Русский философ, публицист, автор книг «Философия свободы» и «Смысл творчества». – С. 72–74, 76–79, 81, 82.

Беркли Джордж (1685 – 1753). Англо-ирландский философ и ученый, епископ Англиканской церкви, создатель философии субъективного идеализма. – С. 17, 151.

Бернштейн Эдуард (1850 – 1932). Немецкий политик, идеолог ревизии марксизма, теоретик реформизма. – С. 89, 90.

Берталанфи Людвиг фон (1901 – 1972). Австрийский биолог-теоретик, создатель общей теории систем. – С. 147, 205.

Блюменберг Ханс (1920). Немецкий философ, представитель феноменологии. – С. 245.

Богданов (наст. Малиновский) Александр Александрович (1873 – 1928). Русский философ и ученый, автор «Тектологии» – прообраза общей теории систем. – С. 205, 206.

Бор Нильс Хенрик Давид (1885 – 1962). Датский физик и методолог науки, один из создателей квантовой механики, автор принципа дополнительности. – С. 156, 196.

Бриджмен Перси Уильямс (1882 – 1961). Американский физик и философ науки, теоретик операционализма. – С. 197.

Булгаков Сергей Николаевич (1871 – 1944). Русский философ и богослов, экономист и публицист, по его словам – «религиозный материалист». – С. 81, 82.

Бэкон Френсис (1561 – 1626). Английский философ, родоначальник эмпиризма, автор «Нового органа» и разработчик индуктивного метода познания. – С. 20, 113, 180, 183, 191, 200.

В*веденский* Алексей Иванович (1861 – 1913). Русский религиозный философ, историк религии. – С. 82.

Вебер Макс (1864 – 1920). Немецкий социолог, классик политологии. – С. 84, 224, 268.

Вернадский Владимир Иванович (1863 – 1945). Русский ученый и мыслитель, создатель учения о ноосфере. – С. 82.

Винчи Леонардо да (1452 – 1519). Великий художник, ученый и мыслитель эпохи Возрождения, выдающийся изобретатель. – С. 188.

Витгенштейн Людвиг (1889 – 1951). Австрийский философ, логик и математик, представитель неопозитивизма. – С. 121, 211.

Вышеславцев Борис Петрович (1877 – 1954). Русский религиозный философ, специалист по философии права, этике. – С. 81.

Тадамер Ханс-Георг (1900). Немецкий философ, основоположник философской герменевтики, автор книги «Истина и метод». – С. 103, 104.

Галилей Галилео (1564 – 1642). Итальянский ученый и мыслитель, основоположник классической механики, пропагандист гелиоцентризма. – С. 98, 145, 188, 191.

Гамильтон Уильям (1788 – 1856). Шотландский философ, один из основоположников агностицизма. – С. 205, 220.

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770 – 1831). Великий немецкий философ, классик, создатель абсолютного идеализма, систематизатор диалектики и разработчик принципа историзма; автор «Феноменологии духа» и «Энциклопедии философских наук». – С. 17, 38, 50–63, 67, 92, 113–117, 122, 123, 128, 130, 132–139, 141, 152, 153, 266, 268.

Гёдель Курт (1906 – 1978). Австрийский логик и математик, доказал знаменитую «теорему о неполноте». – С. 205.

Гейзенберг Вернер Карл (1901 – 1976). Немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики, автор принципа неопределенности. – С. 156, 196.

Гераклит из Эфеса (544 – 483 до н. э.). Греческий философ-материалист, представитель Ионийской школы, один из творцов учения о стихиях (огонь). Автор сочинения «О природе». – С. 25, 26, 119, 120, 144, 153.

Гильберт Давид (1862 – 1943). Немецкий математик, глава аксиоматической школы, способствовавший переосмыслению философии математики и основ естествознания. – С. 219.

Гоббс Томас (1588 – 1679). Английский философ-номиналист, материалист, теоретик общества и государства. Автор «Левиафана». – С. 183, 214.

Гольбах Поль Анри (1723 – 1789). Французский философ-материалист, участник «Энциклопедии», автор «Системы природы». – С. 146.

Данилевский Николай Яковлевич (1822 – 1885). Русский философ, создатель теории культурно-исторических типов. – С. 81.

Дарвин Чарльз Роберт (1809 – 1882). Английский натуралист, создатель теории биологической эволюции. – С. 152, 187, 275.

Декарт Рене (1596 – 1650). Французский философ-рационалист, физик и математик, создатель классического дуализма, автор «Рассуждения о методе». – С. 18, 151, 183, 214, 223.

Демокрит из Абдеры (ок. 460 – 370 до н. э.). Греческий философ, основоположник атомистического учения. – С. 17, 27–29, 43, 144, 223.

Деррида Жак (1930). Французский философ, представитель постструктурализма, постмодернизма, создатель «логоцентрической» метафизики. – С. 105, 107, 108.

Дессауэр Фридрих (1881 – 1963). Немецкий биофизик, философ-неотомист, специалист в философии техники. – С. 245.

Дильтей Вильгельм (1833 – 1911). Немецкий философ-иррационалист, основатель традиции философии жизни. – С. 103, 104.

Диоген из Синопы (род. неизв. – 330/320 до н. э.). Греческий философ-моралист, основатель Кинической школы философии. – С. 7, 8.

Е*вклид* из Александрии (ок. 300 до н. э.). Греческий математик, систематизатор математического знания, автор «Начал». – С. 152, 175, 204, 214, 219, 220.

З*енон* из Элеи (ок. 464 – 461 до н. э.). Греческий философ, ученик Парменида, автор «Апорий». – С. 26, 27, 149, 162.

И*льин* Иван Александрович (1883 – 1954). Русский религиозный философ, правовед, публицист. Автор книги «Сущность и своеобразие русской культуры». – С. 81.

К*амю* Альбер (1913 – 1960). Французский мыслитель, философ-экзистенциалист. – С. 94, 98, 99.

Кант Иммануил (1724 – 1804). Немецкий философ, создатель трансцендентальной философии, основоположник априоризма и агностицизма. – С. 9, 18, 38, 39–49, 55–59, 70, 89, 113, 152, 161, 183, 223, 241.

Карсавин Лев Платонович (1882 – 1952). Русский историк-медиевист, философ и богослов, создатель системы христианской метафизики. – С. 81, 82.

Каутский Карл (1854 – 1938). Социальный философ, деятель международного рабочего движения, автор книги «Этика и материалистическое понимание истории». – С. 89, 90.

Кеплер Иоганн (1571 – 1630). Немецкий астроном и математик, открыватель законов обращения планет. – С. 189, 190.

Конт Огюст (1798 – 1857). Французский философ, основоположник позитивизма, классик социологии. – С. 266, 268.

Кропоткин Пётр Алексеевич (1842 – 1921). Русский социолог, народник, основатель анархизма. – С. 82.

Кьеркегор Сёрен (1813 – 1855). Датский философ, протестантский теолог и писатель, предтеча философии экзистенциализма. – С. 95, 96.

Л*авров* Пётр Лаврович (1823 – 1900). Русский философ, социолог, сторонник антропологизма, автор «Исторических писем». – С. 82.

Леви-Стросс Клод (1908). Французский этнолог, теоретик структурализма, создатель концепции структурной антропологии. – С. 73.

Левкипп (5 в. до н. э.). Греческий философ, основоположник атомизма, автор «Большого диакосмоса». – С. 27.

Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646 – 1716). Немецкий философ, математик и логик, создатель плюралистической онтологии. Автор «Монадологии». – С. 18, 152, 163, 183.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870 – 1924). Русский мыслитель и революционер-марксист, реформатор диалектического и исторического материализма. – С. 89–91, 146, 226, 227.

Леонтьев Константин Николаевич (1831 – 1891). Русский философ, писатель, публицист. Автор учения об эстетике жизни. – С. 81.

Лобачевский Николай Иванович (1792 – 1856). Русский математик, создатель неевклидовой геометрии. В научном познании придавал решающее значение разуму. – С. 20, 152, 176, 220.

Локк Джон (1632 – 1704). Английский философ-эмпирист, основоположник сенсуализма, идеолог Просвещения. Автор «Опыта о человеческом разумении». – С. 162, 183.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711 – 1765). Русский ученый-энциклопедист, философ, представитель механистического материализма и деизма. – С. 144.

Лосев Алексей Федорович (1893 – 1988). Русский философ, религиозный мыслитель, переводчик и комментатор античной литературы. – С. 32, 122, 123.

Лосский Николай Онуфриевич (1870 – 1965). Русский философ, основоположник интуитивизма, историк русской философии. Автор книг «Мир как органическое целое» и «Ценность и бытие». – С. 74.

М*аксвелл* Джеймс Клерк (1831 – 1879). Английский физик, создатель теории электромагнитного поля. Автор «Трактата об электричестве и магнетизме». – С. 146, 176, 205, 219.

Мальтус Томас Роберт (1766 – 1834). Английский экономист, демограф, автор закона народонаселения, труда «Законы политической экономии». – С. 85.

Маркс Карл Генрих (1818 – 1883). Немецкий философ, классик политической экономии, основоположник диалектического и исторического материализма, создатель теории научного коммунизма. Автор «Капитала». – С. 31, 38, 71, 84–90, 126, 165, 224, 226, 227, 266, 269, 272.

Менделеев Дмитрий Иванович (1834 – 1907). Русский химик, открыватель периодического закона, создатель таблицы химических элементов. – С. 20, 144, 189.

Миллер Дэвид Уильям (1942). Английский философ и логик, представитель постпозитивизма и критического реализма. – С. 82.

Милль Джон Стюарт (1806 – 1873). Британский философ и логик, социальный мыслитель и этик. Автор книги «Утилитаризм». – С. 200, 201.

Михайловский Николай Константинович (1842 – 1904). Русский социолог, философ-антропоцентрист, автор «субъективного метода». – С. 82.

Мэмфорд Льюис (1895 – 1990). Американский философ и социолог, историк культуры. Автор книги «Техника и цивилизация». – С. 245, 250.

Ницше Фридрих (1844 – 1900). Немецкий философ-иррационалист, крупнейший представитель философии жизни, волюнтарист. Автор произведения «Так говорил Заратустра». – С. 91–93, 283.

Нострадамус Мишель (1503 – 1559). Французский врач, алхимик и астролог, автор «Центурий» – предсказаний будущего на века вперед. – С. 145.

Ньютон Исаак (1643 – 1727). Английский физик и математик, создатель классической механики, дифференциального и интегрального исчисления, философ-деист. Автор «Математических начал натуральной философии». – С. 44, 144, 145, 151, 175, 176, 188, 190, 213, 220, 283.

Ортега-и-Гассет Хосе (1883 – 1955). Испанский философ, создатель учения о «жизненном разуме», основоположник теории массового общества. Автор книги «Восстание масс». – С. 245.

Павлов Иван Петрович (1849 – 1936). Русский ученый-физиолог, основоположник психофизиологии, автор теории условного рефлекса. – С. 274.

Парацельс Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гугенгейм (1493 – 1541). Немецкий врач, алхимик и философ-пантеист, основоположник учения о квинтэссенции. – С. 145.

Парменид из Элеи (ок. 540 – 501 до н. э.). Греческий философ, родоначальник Элейской школы, автор поэтического трактата «О природе». – С. 118, 149, 150, 154.

Пико делла Мирандола Джованни (1463 – 1494). Итальянский философ-антропоцентрист, идеолог гуманизма эпохи Возрождения, автор «Речи о достоинстве человека». – С. 223.

Пирсон Карл (1857 – 1936). Английский ученый и философ – субъективный идеалист, типичный представитель второго позитивизма. – С. 161.

Писарев Дмитрий Иванович (1840 – 1868). Русский публицист, революционер-демократ, идеолог нигилизма. – С. 77.

Пифагор с Самоса (582 – 500 до н. э.). Греческий философ и много-сторонний ученый, родоначальник пифагореизма, создатель учения о числах. – С. 7, 147.

Платон (Аристокл) из Афин (427 – 347 до н. э.). Греческий философ, родоначальник идеалистической философии, создатель Академии. Автор «Диалогов» и трактата «Государство». – С. 31–34, 112, 144, 150, 226.

Пригожин Илья Романович (1917). Бельгийский ученый, специалист в сфере методологии науки, создатель синергетики. Автор книги «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой». – С. 140.

Протагор из Абдер (ок. 480 – 410 до н. э.). Греческий философ, лидер движения софистов, основатель позиции релятивизма и субъективизма в гносеологии. Автор трактата «Об истине». – С. 126.

Пуанкаре Анри (1854 – 1912). Французский математик и философ науки. Автор книг «Ценность науки», «Наука и метод». – С. 214.

Рассел Бертран (1872 – 1970). Английский философ, основоположник неореализма и неопозитивизма. Логик и математик. Внес значительный вклад в развитие современной математической логики. Автор (совм. с А. Уайтхедом) труда о мат. логике «Основания математики» в 3 томах. – С. 16, 84.

Резерфорд Эрнст (1871 – 1937). Английский физик, автор планетарной модели строения атома. – С. 146.

Рикардо Давид (1772 – 1823). Английский экономист, крупнейший представитель классической политэкономии. Сторонник трудовой теории стоимости. – С. 227, 241.

Рикёр Поль (1913). Французский философ, ведущий теоретик феноменологической герменевтики. – С. 103, 104.

Сартр Жан-Поль (1905 – 1980). Французский философ, видный представитель экзистенциализма. Автор книги «Бытие и ничто». – С. 94, 96–98, 281.

Сеченов Иван Михайлович (1829 – 1905). Основоположник русской физиологии и объективной психологии. Автор книги «Рефлексы головного мозга». – С. 82, 273, 274.

Смит Адам (1723 – 1790). Английский философ, классик политической экономии, создатель трудовой теории стоимости. Автор «Исследования о природе и причинах богатства народов». – С. 227, 241.

Сократ из Афин (469 – 399 до н. э.). Легендарный античный философ, идеал мудреца. Разработчик майевтики – сократического метода исследовательского диалога. – С. 7, 25, 30, 31, 125, 126.

Соловьёв Владимир Сергеевич (1853 – 1900). Русский философ, создатель философии всеединства, идеи Софии и учения о богочеловечестве. – С. 72, 74, 78, 79, 80, 81, 268.

Спенсер Герберт (1820 – 1903). Английский философ и ученый, основатель позитивизма. Автор книги «Основные начала». – С. 269.

Спиноза Бенедикт (Барух) (1632 – 1677). Нидерландский философ-рационалист, пантеист, создатель монистической онтологии. Автор «Этики». – С. 70, 183, 214, 283.

Т*ойнби* Арнольд Джозеф (1889 – 1975). Английский историк и социолог, основоположник теории цивилизаций в традиции культурно-исторического релятивизма. Автор «Постижения истории». – С. 81.

Томсон Уильям, лорд Кельвин (1824 – 1907). Английский физик, открыватель электрона, создатель абсолютной температурной шкалы. – С. 146.

Торфлер Элвин (1928). Американский социолог и футуролог, идеолог информационного общества. Автор книги «Третья волна». – С. 254–258.

Трубецкие Евгений (1863 – 1920) и Сергей (1862 – 1905) Николаевичи. Русские религиозные философы, последователи В. С. Соловьёва. – С. 81.

Тэйяр де Шарден Пьер (1881 – 1955). Французский палеонтолог, философ и теолог, эволюционист. Автор книги «Феномен человека». – С. 78, 283.

У*айтхед* Алфред Норт (1861 – 1947). Британский философ, математик, методолог науки и образования, представитель логицизма. Соавтор Б. Рассела в книге «Основания математики». – С. 113, 126, 127.

Фалес Милетский (625 – 547 до н. э.). Греческий философ-материалист, основоположник учения о стихиях, математик и астроном. – С. 24, 25, 27, 30, 144.

Фарадей Майкл (1791 – 1867). Английский химик и физик, ввел в науку понятие электромагнитного поля. – С. 146.

Фёдоров Николай Фёдорович (1829 – 1903). Русский философ, основоположник русского космизма, создатель «Философии общего дела». – С. 79, 80.

Федотов Георгий Петрович (1886 – 1951). Русский религиозный мыслитель, историк культуры, эссеист, специалист в агиологии. Автор книги «Народ и власть». – С. 81.

Фейерабенд Пол (1924 – 1994). Американский философ и методолог науки, виднейший представитель постпозитивизма. – С. 219.

Фейербах Людвиг Андреас (1804 – 1872). Немецкий философ, последний представитель классицизма, основоположник антропологического материализма. Автор книги «Сущность христианства». – С. 17, 62–71, 283.

Флоренский Павел Александрович (1882 – 1937). Русский религиозный мыслитель, ученый, создатель «конкретной метафизики» и «антроподицеи» (оправдания человека). – С. 81, 82.

Флоровский Георгий Васильевич (1893 – 1979). Русский богослов, философ, историк культуры. Автор книги «Догмат и история». – С. 82.

Фома Аквинский (ок. 1224 – 1274). Средневековый теолог и философ, основатель томизма, систематизатор схоластики. Автор «Суммы теологии». – С. 81, 150.

Франк Семён Людвигович (1877 – 1950). Русский религиозный философ, автор вдохновенных книг «Свет во тьме» и «С нами Бог». – С. 81, 82.

Фрейд Зигмунд (1856 – 1939). Австрийский психолог и психиатр, основоположник психоанализа (фрейдизма), создатель учения о бессознательном. Автор книги «Я и Оно». – С. 99, 100, 243.

Фромм Эрих (1900 – 1980). Немецкий и американский философ, виднейший представитель позднего, гуманистического психоанализа или неофрейдизма. Автор книг «Бегство от свободы», «Иметь или быть» и др. – С. 99, 101, 102.

Фуко Мишель Поль (1926 – 1984). Французский философ, историк культуры, основоположник археологии знания, автор одноименной книги. – С. 105, 107, 108, 109.

Хайдеггер Мартин (1889 – 1976). Немецкий философ, виднейший представитель экзистенциализма, специалист в философии техники. Автор книги «Время и бытие». – С. 94, 96, 97, 103, 107, 245, 249, 252, 281.

Чаадаев Пётр Яковлевич (1794 – 1856). Русский философ и публицист, основоположник полемики западников и славянофилов. Автор «Философических писем». – С. 72, 75, 76, 82.

Чичерин Борис Николаевич (1828 – 1904). Русский философ, правовед, публицист, гегельянец, основатель государственнической школы в русской социологии. – С. 82.

Шелер Макс (1874 – 1928). Немецкий философ, представитель феноменологии, основоположник философской антропологии. Автор книги «Положение человека в космосе». – С. 13, 268.

Шлейермахер Фридрих Эрнст Даниель (1768 – 1834). Немецкий философ, протестантский теолог, один из основоположников герменевтики. – С. 102, 104.

Шопенгауэр Артур (1788 – 1860). Немецкий философ, основоположник волюнтаризма и философии жизни. Автор книги «Мир как воля и представление». – С. 91–93, 283.

Шпенглер Освальд (1880 – 1936). Немецкий философ и историк, представитель философии жизни, один из основоположников культурно-исторического релятивизма. Автор книги «Закат Европы». – С. 81, 245.

Шпет Густав Густавович (1879 – 1937). Русский философ, представитель феноменологии и герменевтики. Автор работы «Явление и смысл». – С. 82.

Эйнштейн Альберт (1879 – 1955). Выдающийся физик-теоретик и философ науки, создатель теории относительности (релятивистской механики). – С. 79, 146, 154, 169, 176, 189, 190.

Эллюль Жак (1912). Французский социолог и философ, специалист в философии техники, философии культуры, политической философии. Теоретик информационного общества. – С. 245.

Энгельс Фридрих (1820 – 1895). Один из основоположников марксизма, теоретик диалектического материализма. Автор «Анти-Дюринга» и «Диалектики природы». – С. 17, 52, 71, 83–86, 88–90, 152, 153, 227, 241, 270.

Эпикур из Афин (341 – 270 до н. э.). Античный философ, материалист и атомист, создатель этического учения о свободе воли (эпикуреизм). Автор сочинения в 37 книгах «О природе». – С. 27, 28, 144.

Юм Давид (1711 – 1776). Британский (Шотландия) философ-агностик, сторонник скептицизма, один из инициаторов европейского эмпиризма и феноменологии. Автор «Трактата о человеческой природе». – С. 18, 161.

Юнг Карл Густав (1875 – 1961). Швейцарский психиатр и психолог, видный представитель психоанализа, критик современной технической цивилизации и массового общества. Автор книги «Архетип и символ». – С. 99, 101.

Ясперс Карл (1883 – 1969). Немецкий философ, ведущий представитель экзистенциализма. Автор книги «Смысл и предназначение истории». – С. 71, 94, 96, 245, 249.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово.....	5
Глава 1. Предмет философии	7
Глава 2. Очерки истории философии.....	23
Глава 3. Философская методология: диалектическая логика.....	113
Глава 4. Философия природы.....	143
Глава 5. Теория познания	159
Глава 6. Методы и формы научного познания	179
Глава 7. Социальная философия	221
Глава 8. Философия техники. Человек в информационно- техническом мире	245
Глава 9. Философия человека.....	265
Заключительное слово	287
<i>Глоссарий</i>	291
<i>Алфавитный указатель имен</i>	295

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

Коллектив авторов

ФИЛОСОФИЯ

Учебник

Редактор *И.И. Кванская*
Технический редактор *Н.В. Гаврилова*
Обложка *А.В. Ладыжская*
Корректор *И.Е. Семенова*
Компьютерная верстка *И.П. Брованова*

Лицензия ИД № 04303 от 20.03.01
Подписано в печать 19.01.07
Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная
Уч.-изд. л. 23,1. Печ. л. 19,25
Тираж 3000 экз. (1-й з-д – 1–500 экз.) Заказ № 137

Издательство Новосибирского государственного
технического университета
630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
Тел. (383) 346-31-87
E-mail: office@publish.nstu.ru

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20